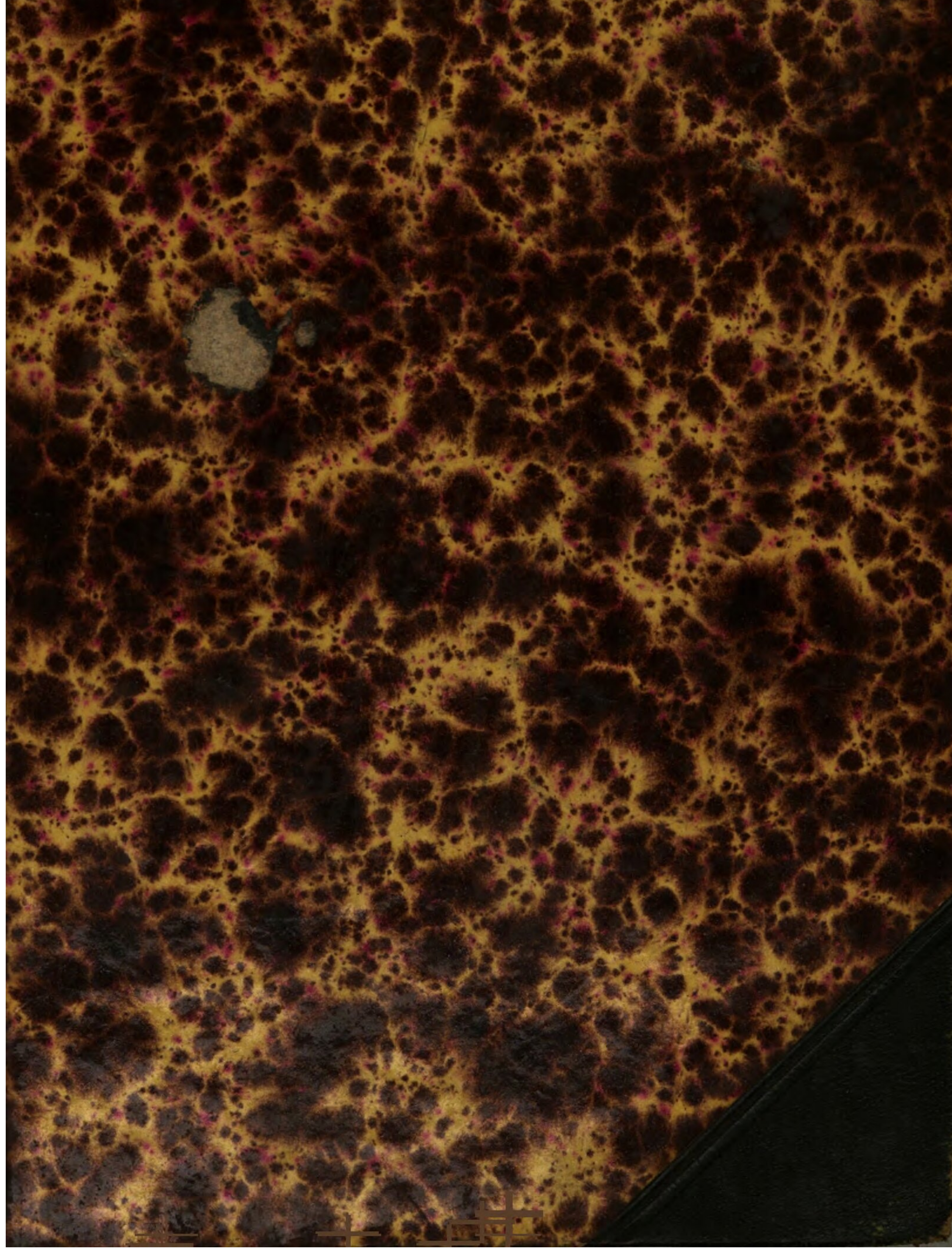

ЗАПИСКИ И ПИСЬМА

М. С. ЩЕПКИНА.

^с
ЗАПИСКИ И ПИСЬМА

М. С. ЩЕПКИНА

съ

ЕГО ПОРТРЕТОМЪ, ФАКСИМИЛЕ И СТАТЬЕЮ О ЕГО СЦЕНИЧЕСКОМЪ ТАЛАНТЪ,
ПИСАННОЮ С. Т. АКСАКОВЫМЪ.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА
Николая Ивановича
Свободина

№ 661
т. III пол. 2

МОСКВА.

Издание Н. М. Щепкина.

1864.

У.м. 5176

ЗАПИСКИ И ПИСЬМА

М. С. Ш. П. К. Н. А.

Дозволено ценсурой. Москва, 4 января, 1864 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМ.

МОСКВА. Н. М. ПЕЧЕНКОВЪ.

1864

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О М. С. ЩЕПКИНѢ.

(СТАТЬЯ, ЧИТАННАЯ НА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕМЪ ЮБИЛЕѢ ЕГО ТЕАТРАЛЬНАГО ПОПРИЩА.)

Въ исходѣ ноября 1805 года, въ городѣ Курскѣ, на частномъ публичномъ театрѣ содержателей-актеровъ Барсовыхъ назначенъ былъ спектакль въ пользу актрисы г-жи Лыковой. Молодой человекъ лѣтъ семнадцати, съ живою и умною физіономіей, безпрестанно бѣгалъ съ ранняго утра изъ дома своего господина графа Волькенштейна въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ помѣщался театръ. На озабоченномъ лицѣ юноши ясно выражалась радость, тревога и опасеніе: это былъ дворовый мальчикъ графа, всѣми называемый Миша, которому, по случаю внезапной болѣзни какого-то мелкаго актера, дали сыграть маленькую роль. Миша съ дѣтскихъ лѣтъ страстно любилъ смотрѣть театральныя представленія. Его охотно пускали и въ оркестръ, и за кулисы, гдѣ всѣ его знали, любили, и гдѣ онъ всѣмъ услуживалъ. Сыграть какую-нибудь роль на

публичномъ театрѣ было его любимой мечтою, его постояннымъ и горячимъ желаніемъ; наконецъ желанная мечта превращалась въ дѣйствительность, и Миша выходилъ на сцену въ драмѣ «Зоя», въ роли почтаря Андрея. Этотъ Миша — теперь нашъ знаменитый артистъ, ветеранъ театральнаго искусства, честь и гордость русской сцены, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Щепкинъ страстно полюбилъ театръ еще въ ребячествѣ. Семи лѣтъ онъ увидѣлъ на домашнемъ театрѣ у графа Волькенштейна оперу «Новое семейство», и неожиданное зрѣлище такъ его поразило, что съ тѣхъ поръ въ воспріимчивой, горячей головѣ мальчика безпрестанно роились декорации, оркестръ, сцена и дѣйствующія лица. Вскорѣ послѣ того, когда онъ былъ уже въ народномъ училищѣ городка Суджи, удалось ему сыграть слугу Розмарина въ комедіи Сумарокова «Вздорщица»: разумѣется, это усилило его страсть. Впослѣдствіи, когда Щепкину уже было лѣтъ четырнадцать, онъ сыгралъ на домашнемъ театрѣ своего господина нѣсколько ролей, и между прочимъ роль актера въ комедіи «Опытъ искусства» и Степана-сбитенщика въ оперѣ «Сбитенщикъ». Съ 1801 года Щепкинъ жилъ въ Курскѣ, учился въ народномъ училищѣ и всѣ свободные часы проводилъ въ театрѣ. Въ этомъ положеніи оставались дѣла до незабвеннаго дня, до бенефиса г-жи Лыковой.

Итакъ, въ исходѣ ноября (подлинное число неизвестно) настоящаго 1855 года, исполняется пятиде-

сятъ лѣтъ съ перваго появленія Щепкина на сценѣ публичнаго театра. Долгое поприще, рѣдко совершаемое не поденщиками, не простыми исполнителями, равнодушными къ своему ремеслу, а художниками по призванію, пламенно, тревожно любящими свое дѣло! Какихъ горячихъ усилій, какихъ постоянныхъ трудовъ, какой напряженной работы духа и тѣла — стоило возведеніе на степень искусства простой, повидимому, охоты мальчика: выбѣжать передъ публикою въ какомъ-то святошномъ нарядѣ и пробормотать нѣсколько выученныхъ рѣчей. Такъ начинаютъ многіе, и трудно бываетъ разгадать въ безотчетномъ влеченіи молодыхъ людей: минутная ли это забава, или призваніе истиннаго таланта.

Разумѣется, въ достопамятный день представленія «Зои», за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, никто изъ окружающихъ Щепкина не подозрѣвалъ въ немъ будущаго славнаго актера, и всякій только посмѣивался, глядя на его озабоченное лицо и важность, придаваемую имъ такому, повидимому, пустому дѣлу; но Щепкинъ чувствовалъ безсознательно, что роль почтаря Андрея рѣшаетъ его судьбу и опредѣляетъ славную будущность.

Съ этого времени, послѣ удачнаго дебюта, Щепкину начали давать многія небольшія роли, и разумѣется—самыя разнохарактерныя. Захворалъ ли, загулялъ ли кто-нибудь изъ актеровъ — Щепкинъ въ нѣсколько часовъ выучивалъ его роль и, конечно, игралъ всегда

лучше того, чье занималъ мѣсто. Однимъ словомъ: имъ затыкали всѣ прорѣхи малочисленной труппы и скуднаго репертуара. Оркестръ прозвалъ его: «контробасною подставкой», и вся труппа со смѣхомъ повторяла *остроумное* прозвище.

Публика начинала любить и принимать Щепкина съ одобреніемъ. Каждый спектакль былъ шагомъ впередъ для молодаго актера, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ самъ и всѣ его окружавшіе убѣдились въ томъ, что Щепкинъ родился для театра. Не получивъ достаточнаго образованія, не видавъ ни одного актера, который бы имѣлъ какое-нибудь понятіе о сценическомъ искусствѣ, который бы ходилъ и говорилъ на театрѣ по-человѣчески, Щепкинъ, конечно, не могъ тогда создавать себѣ идеала представляемаго лица, не могъ не подчиняться вреднымъ традиціямъ, отъ которыхъ трудно отдѣлываться во всю жизнь, не могъ не перенимать формъ, которыми былъ окруженъ; но нѣтъ такой неестественной формы, которая не могла бы быть одушевлена, а Щепкинъ, одаренный необыкновеннымъ огнемъ и чувствомъ, оживлялъ ими каждое произносимое слово: кстати или некстати, вѣрно или не вѣрно — до этого никому не было дѣла, этого никто не понималъ, и всѣ безусловно восхищались новымъ и свѣжимъ талантомъ.

Чрезвычайно было бы любопытно и поучительно прослѣдить постепенно, какъ уяснялся взглядъ молодаго актера, какъ зарождалось пониманіе лицъ, имъ пред-

ставляемыхъ, какъ блеснула и разгоралась мысль объ истинѣ, естественности игры, и какъ онъ понялъ наконецъ, что сцена—искусство, что онъ—художникъ!... Но этого никто не можетъ сдѣлать, кромѣ самого Щепкина, и на немъ лежитъ долгъ написать исторію своего театральнаго поприща, чѣмъ онъ окажетъ великую услугу не только театальному искусству, его служителямъ и почитателямъ, но и всякому мыслящему человѣку, для котораго дороги проявленія, усилія и торжество духа человѣческаго надъ всѣми препятствіями и случайностями жизни. У Щепкина хранится листъ бумаги, на которомъ великій художникъ Пушкинъ своею рукою написалъ слѣдующее:

ЗАПИСКИ АКТЕРА ЩЕПКИНА.

«Я родился въ курской губерніи, обоянскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ...»

Какъ краснорѣчиво выражается въ этомъ поступкѣ важность интереса, который придавалъ Пушкинъ запискамъ актера Щепкина.

Семнадцать лѣтъ игралъ Щепкинъ на губернскихъ театрахъ, переходя изъ труппы въ труппу, разъѣзжая по ярмаркамъ съ своими товарищами, и постоянно идя впередъ. У Щепкина не было амплуа, онъ не выбиралъ себѣ ролей, а игралъ все, что было необходимо для составленія спектакля. Такъ, напримѣръ, въ «Железной маскѣ» онъ, начиная съ часоваго, дошелъ до маркиза Лувуа, а въ «Рекрутскомъ наборѣ» пере-

игралъ всѣ роли, кромѣ молодой дѣвушки Варвары. Слава Щепкина росла, преимущественно въ южной части Россіи, дошла до Москвы, и наконецъ въ 1823 году поступилъ онъ на Императорскій московскій театръ. Не входя въ подробности, потому что я пишу не біографію Щепкина, а краткій очеркъ пятидесятилѣтняго театральнаго его поприща, должно однако сказать, что Щепкинъ въ продолженіи своей провинціальной сценической жизни получилъ два толчка, какъ онъ самъ выражается, которые были ему очень полезны. Первый случился въ 1810 году, когда онъ увидѣлъ домашній благородный спектакль въ селѣ Юноковкѣ (харьковской губерніи): въ этомъ спектаклѣ князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій игралъ роль Салидара въ комедіи Сумарокова «Приданое обманомъ». Естественная игра князя Мещерскаго сильно поразила молодаго актера и произвела рѣшительное вліяніе на его понятія о сценическомъ искусствѣ. Второй толчокъ случился гораздо позднѣе: его произвелъ замѣчательный актеръ Павловъ, выѣхавшій изъ Казани и странствовавшій тогда по разнымъ провинціальнымъ театрамъ. Этотъ актеръ, съ необыкновенною для того времени истиною и простотою, игралъ многія роли, особенно роль Неизвѣстнаго въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Актера Павлова мало понимали и мало цѣнили; но Щепкинъ понялъ, оцѣнилъ его и воспользовался добрымъ примѣромъ, не смотря на противоположное значеніе своего амплуа.

Московская публика обрадовалась прекрасному таланту и приняла Щепкина съ живѣйшимъ восторгомъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; но Щепкинъ не успокоился на скоро-пріобрѣтенныхъ лаврахъ, какъ дѣлаютъ это многіе. Постоянно трудясь, съ перваго дня поступленія своего на сцену, постоянно изучая, обрабатывая свою игру, — онъ удвоилъ свои труды, поступя на московскую сцену. Онъ дѣлалъ это не для пріобрѣтенія бѣльшей славы или выгодъ житейскихъ, онъ удовлетворялъ собственной душевной потребности. Театръ уже былъ для него необходимостью, воздухомъ, условіемъ жизни... Жить для Щепкина значило — играть на театрѣ; играть значило — жить. Сцена сдѣлалась для Щепкина даже цѣлебнымъ средствомъ въ болѣзняхъ духа и тѣла. Горевалъ ли онъ о чемъ-нибудь, какъ человѣкъ, которому надо было много преодолѣть препятствій, много биться съ жизнью, — искусство мирило его съ дѣйствительностью; болѣлъ ли тѣломъ — искусство, оживляя его нервы, чудотворно врачевало его тѣло. Много разъ и многіе были тому свидѣтелями, что Щепкинъ выходилъ на сцену больной и сходилъ съ нея совершенно здоровый.

Обезпеченный въ своемъ существованіи, получившій независимость, придворный артистъ-Щепкинъ вполне предался искусству. Обширный репертуаръ его съ каждымъ годомъ обогащался новыми значительнѣйшими ролями, надъ которыми надо было подумать, надо было потрудиться. Одинъ рядъ Мольеровскихъ ста-

риковъ представлялъ уже назидательное поприще для его сценической дѣятельности, и Щепкинъ воспользовался этою высокою школою. На московской сценѣ Щепкинъ нашелъ товарищей болѣе или менѣе образованныхъ, нашелъ публику болѣе просвѣщенную, судей болѣе строгихъ и лучше понимающихъ дѣло. Кроме того, Щепкинъ нашелъ въ московскомъ обществѣ дружескій литературный кругъ, въ который приняли его съ радостью и гдѣ вполне оцѣнили его талантъ, природный умъ, любовь къ искусству и жажду образованія. По счастливому стеченію обстоятельствъ, въ этомъ кругѣ находились между прочими главные лица московской дирекціи: Кокошкинъ, Загоскинъ, Писаревъ и Верстовскій; но всего важнѣе было то, что въ этомъ же пріятельскомъ кругѣ былъ нашъ даровитый писатель князь Шаховской, единственный знатокъ сцены, страстный и опытный любитель театральнаго искусства. Этого только и не доставало Щепкину: онъ весь предался труду и ученію, предался пламенно и неутомимо.

Обыкновенно сценическіе артисты, сколько-нибудь замѣчательные, раздѣляются на два разряда: первый состоитъ изъ людей даровитыхъ, иногда въ высокой степени, но не думающихъ объ искусствѣ, объ изученіи его, не признающихъ необходимости труда, иногда даже не понимающихъ прямаго значенія художника. Второй разрядъ состоитъ—не скажу: изъ людей бездарныхъ, но надѣленныхъ отъ природы скудною до-

лею дарованія, обработкѣ которой положены, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсныя границы. Это достойные уваженія труженики. Они, безъ сомнѣнія, несравненно выше лѣнивыхъ дарованій; но увы! всякій изъ насъ предпочтетъ талантливаго актера, у котораго, посреди невѣрной, даже безсмысленной игры, вырвется иногда увлекающее и потрясающее душу слово, предпочтетъ бѣдному труженику, безцвѣтно исполняющему умно и вѣрно понятый характеръ. Это справедливо: сцена требуетъ выраженія яснаго, живаго, такъ сказать осязательнаго, безъ котораго зритель не можетъ видѣть пониманія роли, не можетъ сочувствовать представляемому лицу. Но бываетъ рѣдкое соединеніе таланта съ яснымъ умомъ и горячею любовью къ искусству, и это счастливое соединеніе представляетъ намъ Щепкинъ. Его отличительное качество именно состоитъ въ чувствѣ священнаго долга къ искусству, долга неоплатнаго, каковъ бы ни былъ талантъ человѣка. Щепкинъ всю жизнь выплачивалъ этотъ долгъ по мѣрѣ силъ, платитъ и теперь, и конечно—не перестанетъ платить, пока будетъ жить. Съ ослабленіемъ физическихъ средствъ, которыя не могли не измѣниться въ теченіи пятидесяти лѣтъ, Щепкинъ усиливалъ средства духовныя и вознаграждалъ по возможности неизбѣжныя утраты, наносимыя временемъ.

Не смотря на страшное число ролей, переигранныхъ Щепкинымъ, не смотря на ихъ безконечное, дикое разнообразіе, не смотря на ихъ ничтожность,

Щепкинъ не пренебрегъ ни одною изъ нихъ. Выѣзжая на сцену бабой-ягой, на ступѣ съ помеломъ, являясь Еремѣевной въ «Недоросль» и пр., онъ старался быть тою личностью, которую представлялъ. Отъ смѣшныхъ фарсовъ и каррикатуръ Щепкинъ, въ роляхъ своихъ, доходилъ иногда до характеровъ чисто-драматическихъ, и на одномъ изъ нихъ столкнулся съ первымъ трагикомъ своего времени — съ Тальмой: роль Данвиля, въ комедіи Делавиня «Урокъ Старикамъ», въ Парижѣ игралъ Тальма, а въ Москвѣ Щепкинъ!... И что же? не смотря на тяжелый и темный русскій переводъ, Щепкинъ былъ такъ хорошъ, что удовлетворилъ требованіямъ самыхъ строгихъ судей. Привычка смѣяться отъ комизма игры Щепкина исчезала, и зрители всегда были растроганы до слезъ.

Во всѣ пятьдесятъ лѣтъ театральной службы, Щепкинъ не только не пропустилъ ни одной репетиціи, но даже ни разу не опоздалъ. Никогда никакой роли, хотя бы то было въ сотый разъ, онъ не игралъ, не прочитавъ ее наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ее настоящимъ образомъ на утреней пробѣ въ день представленія. Это не мелочная точность, не педантство, а весьма важное условіе въ дѣлѣ искусства, въ которомъ всегда есть своя, такъ сказать, механическая или матеріальная сторона; ибо никогда не можетъ быть полного успѣха безъ пріобрѣтенія власти надъ своими физическими средствами. Но этого мало: вся жизнь Щеп-

кина и внѣ театра была для него постоянною школою искусства; вездѣ находилъ онъ что-нибудь замѣтить, чему-нибудь научиться; естественность, вѣрность *выраженія* (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особенностей — все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста. Болѣе двадцати лѣтъ я, вмѣстѣ съ другими, слѣдилъ за игрою Щепкина на сценѣ и за его внимательнымъ наблюденіемъ бесѣдъ общественныхъ. Нерѣдко посреди шумныхъ рѣчей или споровъ замѣчали, что Щепкинъ о чемъ-то задумывался, чего-то искалъ въ умѣ или памяти; догадывались о причинѣ и нерѣдко заставляли его признаваться, что онъ думалъ въ то время о какомъ-нибудь трудномъ *мысли* своей роли, которая—вслѣдствіе сказаннаго кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ меткаго слова—вдругъ освѣщалась новымъ свѣтомъ и долженствовала быть выражена сильнѣе или слабѣе, или проще и вообще вѣрнѣе. Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить. Изъ всего сказаннаго мною очевидно, что роли Щепкина никогда не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постепенно и постоянно. Никогда Щепкинъ не жертвовалъ истиною игры для эффекта, для лишнихъ

рукоплесканій; никогда не выставялъ своей роли на показъ, ко вреду играющихъ съ нимъ актеровъ, ко вреду цѣльности и ладу всей пьесы; напротивъ, онъ сдерживалъ свой жаръ и силу его выраженія, если другія лица не могли отвѣчать ему съ такою же силою; чтобъ не задавить другихъ лицъ въ пьесѣ, онъ давилъ себя и охотно жертвовалъ самолюбіемъ, если характеръ играемаго лица не искажался отъ такихъ пожертвованій. Все это видѣли и понимали многіе, и надобно признаться, что рѣдко встрѣчается въ актерахъ такое самоотверженіе.

Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, и я думаю, что въ этомъ отношеніи драма была по преимуществу призваніемъ Щепкина; но его живость, умная веселость, юморъ, его фигура, голосъ слишкомъ недостаточный, слабый для ролей драматическихъ (ибо крикъ не голосъ), навели его на роли комическихъ стариковъ—и слава Богу! По неудобствамъ физическимъ, едва ли бы Щепкинъ могъ достигнуть такого высокаго достоинства въ драмѣ, какого достигъ въ комедіи. Я сказалъ, что у Щепкина есть умная веселость; но въ тѣхъ комическихъ роляхъ, которыя не соотвѣтствовали этому свойству, чего стоило ему выражать глупость или простоту на лицѣ необыкновенно умномъ? вмѣсто проницательности и юмора — изображать простодушную, самодовольную веселость? Чего стоило также вырабо-

татъ свое произношеніе до такой чистоты и ясности, что, не смотря на жидкій, трехнотный голосъ, шопоть Щепкина былъ слышанъ во всемъ Большомъ Петровскомъ театрѣ? Но всего труднѣе было ему ладить съ своимъ жаромъ, съ своими чувствами, и держать ихъ въ настоящей мѣрѣ, въ уздѣ; правда, они иногда одолѣвали его, но съ намѣреніемъ Щепкинъ никогда не украшалъ, не разцвѣчивалъ ими безцвѣтнаго лица въ піесѣ.

Одинъ только разъ былъ я свидѣтелемъ, что Щепкинъ намѣренно сыгралъ цѣлую роль не такъ, какъ понималъ. Это случилось въ 1828 году: давали въ первый разъ переводъ англійской комедіи «Школа супруговъ», піесы очень умной, но растянутой и оттого довольно скучной. Я зналъ, какъ понималъ и какъ исполнялъ свою роль Щепкинъ. Я видѣлъ его на главной репетиціи и восхищался, вмѣстѣ съ другими, строгимъ исполненіемъ характера замѣчательнаго, но уже слишкомъ не эффектнаго. Во время представленія, когда сошелъ уже первый актъ (Щепкинъ въ немъ почти не участвовалъ), принятый публикою съ явными признаками скуки, вдругъ Щепкинъ, съ половины втораго акта, началъ играть съ живостью и горячностью, неприличными представляемому лицу; оживленные внезапно его игрой, актеры также подняли тонъ піесы, публика выразила свое сочувствіе, и комедія была выслушана съ удовольствіемъ и одобреніемъ. Когда я вошелъ къ Щепкину въ уборную, онъ встрѣтилъ меня слова-

ми: «виновать; но я боялся, что зрители заснутъ отъ скуки, если досидятъ до конца піесы.» Именно то и случилось при повтореніи бенефиснаго спектакля, въ которомъ Щепкинъ игралъ уже свою роль, какъ требовала неподкупная истина и строгія правила искусства: въ третій разъ этой комедіи уже не играли.

Идя неуклонно путемъ опыта, труда, ученья, дошелъ наконецъ Щепкинъ, еще въ полной силѣ своихъ средствъ, до того возможнаго совершенства, съ которымъ онъ игралъ «Бота», «Досажаева», «Транжирина», «Богатонова», «Арнольфа» въ «Школѣ женъ» (любимая его роль), «Гарпагона», «Сганареля», «Любскаго» въ «Благородномъ театрѣ» Загоскина и наконецъ «Фамусова», «Шейлока» и «Городничаго» въ «Ревизорѣ». Кромѣ того, Щепкинъ перенесъ на русскую сцену настоящую малороссійскую народность, со всѣмъ ея юморомъ и комизмомъ. До него мы видѣли на театрѣ только грубые фарсы, каррикатуру на пѣвучую, поэтическую Малороссію, Малороссію, которая дала намъ Гоголя! Щепкинъ потому могъ это сдѣлать, что провелъ дѣтство и молодость свою на Украинѣ, сроднился съ ея обычаями и языкомъ. Можно ли забыть Щепкина въ «Москаль-чаривникѣ», въ «Наталкѣ-полтавкѣ»?

Въ эпоху блистательнаго торжества, когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ рукоплесканій — былъ въ театрѣ одинъ человѣкъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человѣкъ — былъ самъ Щепкинъ. Ни-

когда не былъ собою доволенъ *взыскательный художникъ*, ничѣмъ не подкупный судья!

Въ продолженіи тридцати-двухъ-лѣтняго своего служенія на московской сценѣ, сколькимъ людямъ доставилъ Щепкинъ сердечное наслажденіе и слезъ и смѣха! Кто не плакалъ отъ игры его въ «Матросъ», кто не смѣялся въ «Ревизоръ»? . . . Но смѣхъ надъ собой—тѣ-же слезы, и равно благодѣтельны онѣ душѣ человека. Изъ людей, видѣвшихъ полное развитіе таланта Щепкина, уже многихъ нѣтъ на свѣтѣ: нѣтъ именно тѣхъ людей, которыхъ вѣрная оцѣнка и нелицепріятный приговоръ были для Щепкина высшею наградою, съ мнѣніемъ которыхъ соглашалось и общественное мнѣніе.

Изъ всѣхъ художниковъ, художникъ-актеръ, безъ сомнѣнія производитъ самое сильное, живое впечатлѣніе; но за то и самое непрочное. Нѣтъ выше наслажденія, нѣтъ болѣе утѣшительнаго чувства, какъ двигать тысячи людей однимъ словомъ, однимъ взглядомъ. Актеръ, заставляя зрителей одно съ нимъ чувствовать, одному радоваться, одно ненавидѣть и объ одномъ скорбѣть, вдругъ отъ нѣсколькихъ тысячъ людей слышитъ голосъ сочувствія и одобренія, выражаемыхъ громомъ рукоплесканій! . . . Но увы, мимолетно это впечатлѣніе, и если не исчезаетъ въ зрителяхъ мгновенно, по возвращеніи ихъ въ міръ дѣйствительный, то конечно слабѣетъ и умираетъ вмѣстѣ съ ними. Актеръ не оставляетъ свидѣтельства своего таланта,

хотя раздѣляетъ творчество съ драматическимъ писателемъ: ни картина, ни статуя, ни слово, увѣковѣченное печатью, не служатъ памятникомъ его художественной дѣятельности, и потому о художникѣ-актерѣ надобно болѣе писать, чѣмъ о художникахъ другаго рода, которые своими созданіями говорятъ сами о себѣ даже отдаленному потомству. Да сохранится же, по крайней мѣрѣ, благородное имя сценическаго художника въ исторіи искусства и литературы, да сохранится память уваженія къ нему признательныхъ современниковъ!

Не благосклонно мирному искусству настоящее грозное время; мраченъ нашъ небосклонъ, строго испытаніе... Но всегда время отдавать справедливость заслугѣ; благодарнымъ быть всегда время. Если мы признаемъ за истину, что воспитаніе, усовершенствованіе въ себѣ природнаго дара есть общественная заслуга, то не должны ли мы признать, что Щепкинъ оказалъ такую заслугу русскому обществу, преимущественно московскому? Итакъ благодарность ему за доставленіе намъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, высокихъ наслажденій, сердечныхъ и умственныхъ! Благодарность за благотворныя слезы и благодѣтельный смѣхъ!

С. АКСАКОВЪ.

1855 года ноября 18-го.

ЗАПИСКИ АКТЕРА ЩЕПКИНА.

I.

«Я родился въ курской губерніи, обоянскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ», *) въ 1788 году ноября 6 числа. Отецъ мой Семенъ Григорьевичъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Волькенштейна, но дѣдъ мой былъ сынъ священника Іоанна, который священствовалъ въ калужской губерніи мосальскаго уѣзда въ селѣ Спасѣ, что на рѣчкѣ Перекшѣ, и потомъ скончался іеромонахомъ въ Москвѣ въ Андроньевъ монастырѣ, гдѣ и прахъ его почиваетъ; правнукъ же его и теперь еще священствуетъ въ селѣ Спасѣ. Это не должно казаться страннымъ, ибо въ томъ вѣкѣ дѣлалось это часто, такъ что дѣдъ мой не слишкомъ удивился, когда, заснувъ свободнымъ, проснулся крѣпостнымъ, а только немного погрустилъ — и то, разумѣется, безотчетно; наконецъ совершенно привыкъ къ новому своему званію. Мать моя Марья Тимоѣевна была также изъ крѣпостныхъ, пришедшая въ приданое за графиней: такъ ужъ издавна велось и теперь продолжается, что камердинеръ молодаго господина женит-

*) Строки, означенныя вносными знаками, писаны рукою А. С. Пушкина.

ся всегда на сѣнной дѣвушкѣ молодой барыни. Оба они были любимы своими господами и оба вполне заслуживали такую любовь; ибо они принадлежали къ числу тѣхъ слугъ, какихъ въ наше время уже не встрѣчаешь. Графъ и графиня были примѣрной доброты, хотя оба, какъ люди, имѣли свои недостатки; но эти недостатки такъ были мелочны, что для людей имъ подвластныхъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и образѣ мыслей, не могли быть чувствительны. Отецъ мой пользовался неограниченною довѣренностію графа, а мать — графини.

Въ первыхъ годахъ супружества своего родители мои были не слишкомъ счастливы — не семейнымъ несогласіемъ; нѣтъ! въ этомъ отношеніи они были совершенно счастливы, хотя, можетъ быть, и не чувствовали другъ къ другу любви пылкой и страстной: они жили просто, не разсуждая, жили дружно, мирно, и потому счастливо. Но двое первыхъ дѣтей, сынъ и дочь, родившіеся въ первые два года супружества, умерли одинъ за другимъ и не давъ имъ, какъ говорятъ, налюбоваться на себя: вотъ одно, что заставляло ихъ иногда грустить и задумываться, при чемъ и господа, по любви своей къ нимъ, а болѣе по природной добротѣ, съ душевнымъ участіемъ дѣлили ихъ горе. Наконецъ мать моя сдѣлалась беременна мною; слѣдуя совѣту старыхъ людей, которые придерживались предразсудковъ, родители мои положили: ежели Богъ дастъ благополучно родить — взять встрѣчныхъ кума и ку-

куму, не смотря на то, что первыхъ дѣтей крестилъ который-нибудь изъ господъ. А потому, когда благополучно явился я на бѣлый свѣтъ, крестный отецъ мой былъ пьяной лакей, а (крестная) мать — повариха.

Родители мои, кажется, были совершенно счастливы; однако-же не смотря на встрѣчныхъ кумовьевъ, повивальная бабка (которая, разумѣется, была простая крестьянка) чуть было не испортила всего дѣла. Она, отправляя свою должность, что-то и какъ-то плохо перевязала — и я едва не изошелъ кровью. Но видно уже такъ должно было быть, чтобы предразсудокъ имѣлъ еще событіе, которое бы давало ему право на бѣольшую вѣру: кто-то въ время разсмотрѣлъ бѣду, и новой суровой ниткой, ссученной вдвое, такъ сказать, привязали меня къ жизни, и благодарю Бога — по сіе время я не имѣлъ причинъ жаловаться на ея непрочность.

Разумѣется, я ничего не помню о первыхъ дняхъ моего дѣтства; но по рассказамъ извѣстно, что я былъ самой тихой и самой покойной ребенокъ, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій случай. Однажды (когда мнѣ было не болѣе восьми недѣль) мать моя, которая, оправившись отъ родовъ, должна была неотлучно находиться при графинѣ, прибѣжала въ свою комнату, чтобы меня выкупать, и только начала мыть — пришелъ посолъ отъ графини, чтобы какъ можно скорѣе шла къ ея сіятельству. Будучи всегда точной исполнительницей воли господъ, она, не размышляя о по-

слѣдствіяхъ, оставила меня въ теплой водѣ, и прося золовку окончить начатое ею, сама тотчасъ отправилась къ графинѣ. Золовка или не вслушалась въ просьбу матери или, можетъ быть, захлопотавшись по хозяйству, забыла; только три часа спустя, мать моя, возвратясь домой, нашла меня въ томъ-же самомъ положеніи, какъ оставила, покойно-спящаго въ довольно уже холодной водѣ. Натурально она сначала испугалась, а потомъ обрадовалась, видя минувшую опасность, и невольно вспомнила встрѣчное кумовство. Тогда уже не оставалось никакого сомнѣнія въ дѣйствительности этой примѣты.

По прошествіи полугода, мать моя, по милости господъ, отправляясь для услугъ, уже брала и меня съ собою, и я имѣлъ полное право валяться на господскихъ диванахъ и пользоваться всѣми правами ребенка. А если иногда случалось мнѣ быть не очень вѣжливымъ, то графъ по обыкновенію ворчалъ; а графиня отъ души смѣялась. Такая милость, само собою разумѣется, рождала зависть во многихъ матеряхъ, дѣти которыхъ не пользовались такою честію.

Такимъ образомъ я росъ, бывъ утѣшеніемъ и родителей и господъ, и доросъ до четвертаго года. Въ теченіе этого времени отецъ мой перемѣнилъ званіе камердинера на званіе управителя, что было новымъ знакомъ господской милости. Ему ввѣрено было въ управленіе все имѣніе господъ, которое состояло изъ тысячи двухъ сотъ душъ и было разбросано на семи-

десяти верстахъ въ окружности, что заставляло его часто отлучаться отъ семейства; ибо графиня не могла обойтись безъ услугъ моей матери.

Однажды, по дѣламъ управленія, отецъ мой долженъ былъ ѣхать въ имѣніе, отстоящее отъ мѣста жительства его верстахъ въ шестидесяти, — и какъ поѣздка эта дѣлалась на довольно-долгое время, то, по словамъ отца, чтобы ему одному не было тамъ скучно, онъ рѣшился взять и меня съ собою. Мать моя, бывъ въ полномъ повиновеніи у мужа, не могла возражать ничего противъ его воли, хотя мысленно находила множество неудобствъ и для отца и для меня, и потому, сжавъ сердце, изъявила согласіе на эту поѣздку и не подала даже виду, что ей это очень не нравилось, тѣмъ болѣе, что она знала, что всякое возраженіе, какое-бъ она ни сдѣлала, осталось бы безъ вниманія; ибо отецъ мой имѣлъ довольно-сильный характеръ въ семейственномъ быту, и если онъ рѣшалъ что-нибудь — это уже не измѣнялось. Но къ утѣшенію матери явилось возраженіе на отпускъ меня съ отцомъ совсѣмъ съ другой стороны. Графиня, узнавъ, что хотятъ увезти ея любимца (такъ называли меня, видя ласки господъ не только къ отцу моему и матери, но даже и къ пострѣлёнку, всѣ тѣ, кого мучила зависть), рѣшительно объявила отцу, что она меня не отпуститъ, потому что это невозможно: во-первыхъ, что ей будетъ безъ меня скучно; во-вторыхъ, что въ такую дальнюю дорогу отпустить ребенка безъ матери безчеловѣчно; въ-треть-

ихъ, что за мной тамъ некому будетъ и присмотрѣть, и накормить, и напоить, и какъ она знала, что отцу моему надо было отлучаться каждый день изъ дому по дѣламъ, то я долженъ уже оставаться безъ всякаго присмотра и очень легко могъ и ушибиться несчастно и утонуть и проч. и проч.; а всего-то важнѣе, что ей этого не хочется, что на это есть ея воля. Графиня, при всей своей добротѣ, была вспыльчива и не любила, чтобы ея воля оставалась безъ исполненія. Отецъ же мой всегда не слишкомъ жаловалъ, чтобы господа вмѣшивались въ дѣла семейныя, а тутъ и того болѣе: ибо, по его понятіямъ, я былъ въ такомъ возрастѣ, что власть господъ не могла еще на меня простираться; ему они могли все приказать, кромѣ того, когда и какъ онъ долженъ поступать въ своемъ семействѣ. Рѣшивъ ни за что не уступать правъ отца, но избѣгая своей настойчивостію довести графиню до раздраженія, онъ прибѣгнулъ къ просьбамъ. Мать же, зная лучше характеръ мужа и видя, что просьбы эти дѣлались такимъ голосомъ и такими словами, которыя непременно взбѣсили бы графиню, (ибо она твердо была увѣрена, что отецъ въ этомъ случаѣ никакъ не повиновался бы графинѣ, и Богъ знаетъ—чѣмъ бы все это могло кончиться при такихъ характерахъ)—чтобъ только избѣгнуть этой бури, заглушила въ себѣ чувства матери и предалась совершенно чувству жены. Не предвидя другой развязки и зная хорошо графиню, она присоединила и свои просьбы и доказала такъ ясно, что всѣ несчастія,

какія графиня насчитала, здѣсь со мною скорѣе могутъ случиться; ибо сама она не имѣетъ возможности смотрѣть за мной, находясь безотлучно при ней,—и что потому графиня, по добротѣ своего сердца, не откажетъ общей ихъ просьбѣ. Забывая совершенно материнскія чувства, боясь только гнѣва графини, какой могъ излиться на ея мужа, въ лицѣ котораго ясно видѣла готовность противорѣчить всему, она со слезами бросилась цѣловать руку графини. Но истинно-доброе сердце уже произвело свое дѣйствіе, и графиня, найдя средство изъяснить свою доброту, не унижая власти госпожи, внутренно была рада; ибо она въ самомъ дѣлѣ любила отца и мать за ихъ заслуги. Итакъ, обратясь къ моей матери, сказала: «ну, Маша! только для тебя это дѣлаю; а Семенъ право этого не стѣдитъ: онъ меня не любитъ, всегда противорѣчитъ, и если проситъ о чемъ, такъ это такимъ тономъ, который меня всегда обижаетъ.» — И, матушка ваше сіятельство! вы сами изволите знать, сказала моя мать, что онъ умѣетъ служить, а не говорить. «Ну, Богъ съ тобой, Семенъ! возьми Мишу съ собой, только пожалуста не дуйся на меня; ты знаешь, какъ я васъ люблю!» и протянула ему свою руку, которую онъ отъ души поцѣловалъ, видя, что все кончилось благополучно. Въ то время, какъ рѣшалась моя судьба, когда между тремя дѣйствующими загорались страсти, гдѣ съ одной стороны видѣли неповиновеніе власти, а съ другой угнетеніе, и когда всѣ обрадовались, что дѣло кончилось такъ мирно (тѣмъ

болѣе, что каждый изъ трехъ дѣйствующихъ совершенно понималъ, что всѣ они лгали), — я въ это время преспокойно управлялся съ своимъ завтракомъ, какъ будто бы не обо мнѣ была рѣчь.

Эта сцена была какъ-бы недобрымъ предсказаніемъ для наступающаго пути, и въ самомъ дѣлѣ онъ окончился хотя благополучно, но послѣ довольно-страннаго происшествія. Въ дорогу отправился отецъ мой не одинъ; съ нимъ были мужъ сестры его, братъ ея мужа, еще дворовый человѣкъ и я. Ъхали мы на двухъ повозкахъ, запряженныхъ тройками лошадей. Время было лѣтнее, прекрасное — такъ, около Петрова дни. На половинѣ нашего пути надо было покормить лошадей, и потому первое удобное мѣсто, т. е. гдѣ была возможность напоить лошадей и имѣлся для нихъ подножный кормъ, заставило отца моего и его спутниковъ сдѣлать привалъ. Они остановились на поляхъ, принадлежащихъ князю Юсупову, у котораго по близости находились большія имѣнія и поля простирались на весьма большое пространство; отпрягли лошадей, пустили ихъ на траву, ибо тогда еще не воспрещалось проѣзжающему покормить лошадей на чужихъ поляхъ; сами-же, выпивъ водки и закусивъ припасѣнными въ дорогу ветчиной, гусемъ и прочимъ, накормивъ разумѣется и меня, легли поотдохнуть въ тѣни своихъ телегъ, а мнѣ строго наказали не отходить никуда и не гонять лошадей, которыхъ я было уже началъ похлѣстывать кнутикомъ; отнявъ кнутикъ, уса-

дили меня въ телегу, и въ самомъ скоромъ времени заснули всѣ весьма крѣпко. Проснувшись, отецъ велѣлъ напоить еще разъ лошадей и тотчасъ запрягать, дабы раньше прибыть на мѣсто. Все это было сдѣлано съ расторопностью, лошади запряжены, всѣ успѣлись, разумѣется, какъ можно покойнѣе; отецъ сказалъ: «пошелъ!» и добрые кони, послѣ четырехъ-часоваго отдыха, понеслись съ новой бодростью; но не проѣхавъ ста сажо́нъ, онъ-же крикнулъ: «стой! а гдѣ-же Миша?» Лошади остановлены, но на вопросъ: «гдѣ-же Миша?» — не было отвѣта; ибо всѣ этимъ вопросомъ такъ были отуманены, что никто не отвѣчалъ ни слова, и только прійдя въ себя, вспомнили, что и я находился съ ними въ пути, что было они совершенно забыли. Не могу описать положенія, въ которомъ былъ отецъ мой и всѣ его спутники; вопросамъ не было конца, одинъ спрашивалъ другаго: «да ты, братецъ, видѣлъ, какъ онъ ходилъ около лошадей?—Ну, помнишь, я давалъ ему пить? — Э, братцы! это было прежде; а послѣ всего я посадилъ его на телегу, и помнишь: Семенъ Григорьевичъ приказывалъ ему не вставать и не гонять лошадей!....» Такъ толковали спутники отца моего, который — не получивъ отвѣта на сдѣланный вопросъ: «гдѣ-же Миша?» — окинулъ глазами обѣ повозки, и не видя меня, припоминалъ: точно ли взялъ онъ меня съ собою, и если взялъ, то гдѣ-же я? Но по довольно-долгомъ припоминаніи вспомнилъ все къ несчастію, и вслѣдствіе этого воротился на мѣсто, гдѣ кормили лошадей;

начали всѣ кричать, отходя въ разныя стороны, и звать меня, полагая, что вѣроятно я, соскучась на телегѣ, пошелъ бродить по полю, или цвѣты рвать, которые пестрѣли на большомъ пространствѣ, или гоняться за бабочками; что, вѣроятно, отошелъ на довольноное пространство, и какъ трава была очень высока — то я, возвращаясь къ телегамъ и не видя ихъ, пошелъ совсѣмъ въ другую сторону: но со всѣмъ тѣмъ такой маленькой ребенокъ не могъ зайти далеко. А потому кричали и звали меня довольно долго. И какъ было все напрасно, то каждый, возвращаясь къ отцу, излагалъ свое мнѣніе. Одни говорили, что, можетъ быть, меня украли цыганы, когда всѣ спали; но нѣтъ, это предположеніе было явно несправедливо: цыганы увели бы тогда и лошадей. Другіе толковали, что вѣроятно я, отойдя на большое пространство, и какъ день былъ довольно-жаркой—то усталъ, присѣлъ отдохнуть и потомъ заснулъ въ травѣ; слѣдовательно стоить только подождать часа два-три, то само собою ребенокъ проснется и плачемъ своимъ самъ о себѣ дастъ знать, а что отыскать его въ такой травѣ, на такомъ пространствѣ, вовсе невозможно. Это мнѣніе показалось всѣмъ довольно-основательно, и потому отецъ мой рѣшился стоять на мѣстѣ; а чтобы все сколько-нибудь ускорить ожидаемую минуту, онъ упросилъ всѣхъ сѣсть верхами, ѣхать по степи въ разныя стороны и каждого прохожаго опрашивать, и часа черезъ два возвратиться; самъ-же остановился у одной изъ телегъ,

облокотился на неё и простоялъ до самаго возвращенія посланныхъ. Что тогда онъ чувствовалъ—можетъ представить отецъ, имѣющій одного только сына и бывшій въ подобномъ положеніи. Какъ онъ упрекалъ себя, что поупрямился и взялъ меня съ собою! Потомъ приходило ему на мысль: что онъ скажетъ бѣдной матери, которая, сжавъ сердце, разлучилась съ сыномъ? потомъ—что скажетъ графинѣ, которая такъ неохотно отпустила меня? все это перепуталось въ головѣ его въ такомъ безпорядкѣ, и такъ быстро мелькало, что изъ этого не выходило ничего опредѣленнаго. Такъ пробылъ онъ до возвращенія посланныхъ, такъ пробылъ до самаго вечера, не зная на что рѣшиться; ибо всѣ возвратились безъ всякаго успѣха. Наконецъ и предположеніе, что я въ полѣ гдѣ-нибудь заснулъ, разрушилось; потому что они простояли уже около четырехъ часовъ. Тутъ снова пошли толки, догадки, изъ которыхъ не выходило совершенно ничего, и никто не зналъ на что рѣшиться. Всѣ относились въ вопросахъ къ отцу, что дѣлать? но онъ больше всѣхъ не зналъ что, и какъ день клонился уже къ исходу, отецъ машинально сказалъ: «запрягайте лошадей!» — самъ не зная для чего, ибо онъ не рѣшилъ еще что дѣлать: ѣхать или нѣтъ, и если ѣхать, то куда? Кучера начали впрягать лошадей. Въ это время проходилъ мимо ихъ старикъ-пастухъ, впереди котораго шло довольно-большое стадо, и на желаніе «добры вечиръ», сказанное мимоходомъ, не получилъ отвѣта; это удивило его,

заставило взглянуть на тѣхъ, кто такъ сухо принялъ привѣтствіе,—и тутъ-же увидалъ на ихъ лицахъ, что съ ними что-нибудь случилось. И такъ по добротѣ, а можетъ быть и изъ любопытства, принявъ участіе, сказалъ: «здоровы булы, паны! що вы такъ сумуєте? що зъ вами зробылось?» Долго никто ему не отвѣчалъ; но отецъ (который ко всему теперь привязывался съ тоской и надеждою), думая, что можетъ быть пастухъ дастъ ему какую-нибудь вѣсть, рассказалъ ему въ короткихъ словахъ причину своего горя. «Да, се не добре!» промолвилъ пастухъ, и немного погодя сказалъ: «може вамъ покажетця смѣшно, а послушайте мене стараго, колы прылучилась зъ вами такая шкода, то вы вже не покидайте того миста, гдѣ вона зробылась; а простійте тутъ тры дни, да посылайте въ окрестныя села и хутора узнавать — и колы Богъ дастъ, то може и знайдете свою дитыну. Далеко ему зайты не можно — и въ яку-бъ воно сторону не пошло, то все набредеть або на село, або на хуторъ, або и такъ зострине добраго человека: то уже воно все-таки буде извистно; та и я буду роспытываты. Колы-жъ простоятъ се время не достане хлиба, то ђтъ возьмите—у мене је шмотокъ, а завтра я ще вамъ вынесу. Колы-жъ въ тры дни воно не найдетця, то вже мабутъ ёго нема близко: може ёго недобрый человекъ укравъ, може воно утонуло гдѣ въ ставу, або може—чого Боже бороны!—и звиряка ёго зывъ.» Ничего не имѣя въ мысляхъ опредѣленнаго, отецъ безусловно согласился съ мнѣ-

ніемъ старика, благодарилъ его за добрый совѣтъ и за участіе, просилъ развѣдывать, и если паче чаянія что узнаетъ, то тотчасъ извѣстилъ бы его какъ можно скорѣе самъ, или бы нанялъ кого, на что предложилъ нѣсколько денегъ. Но пастухъ не принялъ ихъ и увѣрялъ, что только что узнаетъ—тотчасъ извѣститъ; пожелалъ имъ всѣмъ благополучно оставаться, и побрелъ своимъ путемъ. Между тѣмъ лошади, которыхъ начали было впрягать, по волѣ отца были отпряжены; имъ спутали ноги и пустили пастись на свѣжую траву. Потомъ сдѣлали осмотръ что у нихъ имѣется съѣстнаго, и видя, что на вечеръ очень довольно, хлопотали о свѣжей водѣ, которую черпали изъ близълежащаго родника. Такимъ образомъ приготовивъ все для наступающаго ужина и выпивъ съ горя по доброй чаркѣ вина, поѣли хорошо и разлеглись спать: кто на телегѣ, кто просто на травѣ, разумѣется — кромѣ моего отца, который не ужиналъ и не легъ спать, а остался присматривать за лошадьми, подъ предлогомъ, что люди, цѣлый день ѣздивъ верхами въ разныя стороны на значительное разстояніе, очень поустали, и для того имъ отдыхъ гораздо нужнѣе; но что какъ скоро онъ захочетъ спать, то разбудить кого-нибудь смотрѣть за лошадьми. Такого рода распоряженіе было совершенно согласно съ желаніемъ cadaго, и чрезъ нѣсколько минутъ разногласный концертъ храпѣнія огласилъ воздухъ. Остался одинъ отецъ съ тоской на сердцѣ и съ тяжелой думой, не предузнавая: что зав-

трашній день—обрадуетъ, или совершенно лишитъ его всякой надежды? Такъ проходилъ онъ цѣлую ночь вокругъ спящихъ товарищей своего пути, и только что показалось солнце—онъ всѣхъ разбудилъ. Тотчасъ, разумѣется, всѣ встали, одѣлись, умылись, помолились Богу, кучера напоили лошадей, и на вопросъ: что теперь дѣлать? отецъ упросилъ родныхъ своихъ, а прочимъ приказалъ: сѣсть верхами и отправиться въ разные стороны, указывая каждому путь и мѣсто, до котораго онъ долженъ ѣхать освѣдомляться; а когда всѣ возвратятся — то, отдохнувъ, можно снова пуститься по другимъ направлєніямъ, чтобъ не пропустить не только села, но даже хутора. Онъ указалъ имъ ѣхать сперва въ одну половину окружности, и если къ несчастію никакихъ слуховъ не будетъ, то послѣ обѣда, отдохнувъ немного, отправиться въ другую, и не пропускать ни одного прохожаго и проѣзжаго, не опросивъ его хорошенько. Выслушавъ наставленія, всѣ поскакали въ указанные стороны, и чѣмъ болѣе отдалялись, тѣмъ полукругіе, центромъ котораго былъ мой отецъ, дѣлалось обширнѣе; наконецъ они уже казались вдали какими-то движущимися точками и потомъ совершенно исчезли. Оставшись совершенно одинъ, отецъ почувствовалъ послѣ сдѣланнаго распоряженія какую-то надежду: по его мнѣнію невозможно было, чтобъ поиски остались безъ успѣха. Такъ утѣшалъ онъ себя во все время, пока ни стали возвращаться посланные, — и ни одинъ не принесъ никакой радостной не толь-

ко вѣсти, но даже надежды. И такъ въ душѣ отца все приняло прежній образъ—таже тоска, таже мѹка, которой ужъ не видѣлъ и конца... Родные отобѣдали вмѣстѣ съ людьми, т. е. поѣли кой-чего, что могли купить въ ближнемъ селѣ; приглашали между прочимъ и отца моего раздѣлить съ ними обѣдъ, отъ чего онъ рѣшительно отказался. Послѣ того, отдохнувъ, поскакали всѣ въ противоположныя стороны съ такою-же скоростію; но отецъ теперь не имѣлъ уже прежней надежды и страдалъ ужасно. Снова посланные возвратились, снова не привезли ничего, ни даже намѣка; глубже и глубже становилась горестъ отца! И пастухъ, прогоняя свое стадо въ урочное время мимо мѣста, гдѣ они стояли, не принесъ никакой вѣсти. Вторая ночь прошла такимъ-же порядкомъ, т. е. всѣ спали, кромѣ отца. Наконецъ насталъ роковой день, день, на которомъ еще какъ будто мелькала какая-то надежда, съ исходомъ котораго все уже должно было рушиться; ибо отецъ въ своемъ тягостномъ положеніи безусловно теперь вѣрилъ всѣмъ предразсудкамъ, хотя очень часто любилъ подшучивать на этотъ счетъ надъ другими. Хватаясь, какъ утопающій за соломинку, онъ снова отправилъ верхами развѣдывать, но не всѣхъ; одного изъ кучеровъ, по долгомъ размышленіи, отправилъ обратно къ господамъ объявить имъ несчастіе и попросить ихъ прислать человѣкъ тридцать верхами, дабы объѣздить во всей окружности села, деревни, хутора и лѣса, чтобы по крайности, если уже его нѣтъ въ живыхъ (такъ

выразился онъ), то хоть бы кости его отыскать! какъ будто по нимъ онъ могъ узнать меня. Тотъ нехотя поѣхалъ обратно, ибо ѣхать тридцать верстъ верхомъ безъ сѣдла, казалось ему очень невкусно, а особливо послѣ двухъ-дневной скачки. Скрывшись изъ глазъ, онъ осадилъ лошадь, поѣхалъ шагомъ съ весьма кислой рожей, и не проѣхавъ шести или семи верстъ, замѣтилъ, что ошибся въ дорогѣ. Это тѣмъ болѣе его удивило, что дорога была слишкомъ знакома. Вѣроятно, онъ или задумался, или вздремнулъ немного (хотя послѣдняго вовсе не чувствовалъ), а потому и не замѣтилъ, что лошадь, при раздѣленіи дорогъ, взяла совсѣмъ въ другую сторону; ему было весьма досадно на себя за такую оплошность: «ну, диви-бы ночью, а то среди бѣлаго дня, чортъ возьми, потерялъ дорогу!» Желая вымѣстить свою досаду на комъ-нибудь, пріударилъ плетью лошадь и думалъ понестись во весь опоръ. Но лошадь отъ удара бросилась въ сторону, фыркнула, наострила уши и остановилась. Онъ сталъ оглядываться по сторонамъ, желая узнать, отъ чего лошадь такъ шарахается, и увидалъ что изъ близълежащаго лѣса бѣжитъ волкъ или волчица и прямо на него, и ужъ довольно въ близкомъ разстояніи. Не имѣя ничего при себѣ и не бывъ храброго десятка, онъ поворотилъ лошадь направо, гикнулъ и пустился какъ стрѣла, безпрестанно оглядываясь, но замѣтилъ, что волкъ не отстаётъ; проскакавъ версты двѣ, увѣрился, что ему не уйти отъ него, и очень упалъ духомъ; какъ

вдругъ съ противной стороны оврага, къ которому онъ приближался, услышалъ людскіе голоса, которые кричали: улю-лю! улю-лю! и лай собакъ, которыя неслись прямо ему на встрѣчу. Онъ ободрился, оглянулся, и видитъ, что волкъ уже не преслѣдуетъ его, а напротивъ бѣжитъ отъ собакъ; почему и самъ, поворота лошады, прикрикнулъ: улю-лю! улю-лю! и такъ притравилъ волка чужими собаками, что тотъ ретировался обратно въ лѣсъ. Послѣ сего кучеръ остановился, и тогда уже замѣтилъ, что собаки, которыя его выручили, принадлежали пастухамъ и находились при ихъ стадѣ. Подъѣзжая ближе, онъ узналъ старика, который давалъ имъ совѣты и хлѣбъ; а старикъ тоже въ свою очередь призналъ кучера и тотчасъ спросилъ: «а що, нашли вы своего хлопця?» — Нѣтъ! отвѣчалъ Андрей. «Ну, такъ винъ кланяетця вамъ добрымъ здоровьемъ! винъ у Рокитній. Вертайся швыдче назадъ до ёго батька; я самъ хотивъ уже до васъ идты, да благо ты тутъ прылучився. Та гляды—возьми наливо ѳтъ тою поляною; близько лиса не јизди: або тамъ ѳтъ та вовчиця, що бигла за тобою, бродить съ вовчатами и богацько шкоды робить, поky не попалась моимъ собакамъ; ѳтъ и теперъ проклята далеко ихъ забачила, та й повернула заразъ... Ну, ну, паняй съ Богомъ! та скажи хлопцеви батьку, що дитына ёго у Рокитній у Семёна Господиненка, который знайшовъ ёго близько хутора; а живе винъ пидля новой циркви — тутъ такі на самому базари, такъ соби высокенька хата и нови во-

рота, та тутъ ще й верба дуже велика и мабуть одна тильки је така на всю улицу. Та тамъ якъ разъ найдете! Ну, прощай съ Богомъ соби!» Весело Андрей скакаль обратно къ моему отцу, около котораго сидѣли дядя Дмитрій и дядя Абрамъ, (такъ мы ихъ всегда называли) и другіе сопутники — почти всѣ вмѣстѣ. Замѣтивъ, что кучеръ возвращался назадъ и скакаль во всю мочь, они не знали чему приписать такую поспѣшность, а особливо отца, который дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и не зналъ: бояться ли ему, или радоваться? Но тотъ, не доѣзжая еще, закричалъ: «радуйтесь, Семенъ Григорьевичъ! Миша живъ! Миша нашелся! онъ въ Ракитной...» — и слезы ручьемъ хлынули у отца при этой вѣсти. Долго онъ не могъ прійти въ себя отъ радости и безпрестанно спрашивалъ Андрея: кто нашель? какъ нашель? когда? гдѣ? и подобные тому вопросы, на которые не могъ получить удовлетворительныхъ отвѣтовъ; когда же поуспокоился немного, вздохнулъ и сказалъ: «ну, слава Богу! слава Богу!» и потомъ прибавилъ, что отслужить молебенъ Николаю-чудотворцу, какъ только пріѣдетъ въ Ракитную и увидить меня, что, разумѣется, онъ и исполнилъ въ свое время. Между тѣмъ лошади уже впряжены, и всѣ усѣлись чинно на повозкахъ, повторяя единодушно: «ну, спасибо пастуху, что удержалъ насъ на этомъ мѣстѣ; право спасибо! Что ни говори, а примѣты, надъ которыми иногда смѣются богоотступники, всегда справедливы!» Такъ думалъ каждый про себя,

весьма довольный своими заключеніями, кромѣ отца, который разсуждалъ совсѣмъ о другомъ: онъ думалъ, какъ приличнѣе наказать меня за такую, по его словамъ, вину? и мысленно было положено: какъ только пріѣдетъ въ Ракитную, то тутъ-же меня хорошенько посѣчь. Но вышло совсѣмъ иначе; ибо когда прибыли на мѣсто и отыскали домъ, о которомъ такъ ясно было рассказано, то кромѣ работника никого не нашли дома, и на вопросъ: «гдѣ хозяинъ и хозяйка?»—имъ отвѣтили: «та понесли на ярмарку хлопця, що панъ отецъ найшовъ позавчора; бо дитына все тоскуе! Уже ему и меду, и бубликивъ, и медовникивъ, и таки всего давали; такъ ни, усе таки просытця до батька, та до матери. Та мабудъ уже скоро вернутця, бо вже давненько пойшли. Старый и стара зъ рукъ ёго не спускають; бачъ — у ихъ дитей зъ роду не було, такъ вони такъ соби рады, що Госпидь имъ пославъ хоть чужого, що вже такъ и положили: колы его батько и матирь не найдутця, то взять вмисто сына и всю худобу ему свою зоставить » Все это рассказывалъ работникъ на дворѣ, гдѣ отецъ мой сѣлъ на завалинѣ прямо противъ воротъ, изъ-за которыхъ надѣялся увидѣть меня. И въ самомъ дѣлѣ—еще работникъ не кончилъ своихъ подробностей, какъ я уже шелъ изъ-за воротъ между мущиной и женщиной довольно-пожилыми. Какъ только я увидалъ отца, то съ чувствомъ какой-то вины и радости вмѣстѣ подошелъ къ нему, протянулъ ручонки и залился горькими слезами, самъ не зная вѣрно отъ чего: отъ ра-

дости, или опасенія быть высѣчену? Онъ же не могъ встать и остался въ томъ-же положеніи, и какъ кажется, въ силу своего рѣшенія, хотѣлъ встрѣтить меня строго; но слезы невольно, безъ его вѣдома, пробились и хлынули рѣкой изъ его глазъ. Всѣ вокругъ, глядя на меня и на отца, который держалъ меня уже на колѣняхъ и нѣжно цѣловалъ, — всѣ молча плакали, и только по временамъ слышно было всхлипываніе то того, то другаго. Итакъ, вмѣсто предположенной мной отцомъ экзекуціи, кончилось все концертомъ слезъ. Хозяинъ съ хозяйкою, у которыхъ я отыскался, разыгрывали соло, а особливо она; ибо уже такъ вѣрно разочли и распорядились и въ короткое время такъ себя увѣрили, что я ихъ сынъ, что никакъ не думали меня отпустить. Не смотря на то, должны были теперь разстаться со мною, и разстались, осыпая меня горячими поцѣлуями, проливая ручьи слезъ, и повторяя прощанье много разъ. Такимъ образомъ кончилось мое бѣгство, или потеря, право не знаю — какъ называть.

Теперь слѣдуютъ маленькія подробности, какимъ образомъ я отъ мѣста отдыха, почти на пятнадцать верстъ, очутился въ Ракитной. Изъ того, что можно было собрать изъ отвѣтовъ на дѣлаемые мнѣ вопросы (отвѣты казались имъ удовлетворительными), изъ разсказовъ крестьянина, который меня нашелъ, и изъ показаній другаго свидѣтеля, бывшаго въ то время вмѣстѣ съ нимъ на хуторѣ, вышло слѣдующее. Когда всѣ уснули,

я спустился съ телеги, взялъ кнутикъ и пошелъ хлестать имъ около лошадей; потомъ, соскучась, сталъ рвать цвѣты и ловить кузнечиковъ; такъ шагъ за шагомъ, далѣе и далѣе, наконецъ зашелъ такъ далеко, что когда хотѣлъ воротиться къ телегамъ, то уже не видалъ ни ихъ, ни лошадей. Вѣроятно, желая отыскать телеги, я избралъ какой-нибудь путь, думая, что онъ приведетъ меня къ мѣсту, мною оставленному, а всего вѣроятнѣе, что я ничего и не думалъ; только, по словамъ моимъ, осталось извѣстно, что такимъ образомъ я прибрелъ въ лѣсъ, въ которомъ увидалъ большую сѣрую собаку съ щенятами, что я очень испугался и заплакалъ, и что тутъ-же явился какой-то мальчикъ, который былъ еще меньше меня и такой хорошенькой, и уговаривалъ меня не бояться, такъ какъ собака эта не кусается. Въ доказательство онъ подошелъ къ ней и погладилъ ее по головѣ, при чемъ собака очень къ нему ласкалась; заставилъ и меня ее погладить, что я и сдѣлалъ. Потомъ повелъ меня черезъ лѣсъ, и когда я началъ просить пить, то онъ отвѣчалъ, что какъ только выйдемъ изъ лѣсу—сейчасъ найдемъ воду. Выйдя изъ лѣсу, я оборотился къ мальчику спросить: гдѣ-же вода? но его уже не было. Долго звалъ я его къ себѣ, и не получая отвѣта, сталъ плакать и вмѣстѣ съ тѣмъ сходить съ довольно-крутой горки, внизу которой замѣтилъ воду; и какъ мнѣ, вѣроятно, очень хотѣлось пить, то я спустился внизъ и прилегъ на землю, желая съ обрывистаго берега утолить свою жажду. Но

вдругъ услышалъ голосъ: «хлопче, гляды — утонешь! тутъ така глыбыня!» На что я лёжа со слезами отвѣчалъ: «да мнѣ пить хочется!» Между тѣмъ подошли ко мнѣ два человѣка: одинъ изъ нихъ былъ постарше, хотя и оба уже немолодые люди; старшій изъ нихъ поднялъ меня съ земли, и снявъ съ себя шляпу и сложивъ поля ея на три угла, прилегъ къ пруду, почерпнулъ ею воды и далъ мнѣ пить. Потомъ, поговоря между собою, спросили меня: чья я дитына? и кто отецъ мой? и куда ѣхалъ? — на что я отвѣчалъ имъ такою путаницею, что изо всего мною сказаннаго они могли только понять, что отецъ мой Семенъ Григорьевичъ, мать моя Марья Тимоѣевна, что у меня есть хорошій баринъ Гаврила Семеновичъ и барыня Елизавета Ивановна, что баринъ меня кормитъ конфектами, а барыня поить чаемъ, что у меня есть дядя Дмитрій и дядя Адамъ (ибо я тогда буквы р еще не выговаривалъ), что мы ѣхали куда-то далеко, что въ полѣ обѣдали, что всѣ пили водку и всѣ легли спать, и что я потомъ пошелъ. Изо всего этого они ничего не могли опредѣлить вѣрнаго и не знали, что имъ дѣлать. Одинъ изъ нихъ, который помоложе, совѣтовалъ отвести меня на близъ-лежащую дорогу и пустить: что, вѣроятно, кто-нибудь меня встрѣтитъ, и что такимъ образомъ они избавятъ себя отъ хлопотъ, а можетъ быть и отъ бѣды; ибо Богъ знаетъ, что тутъ такое: такъ ли затерялось хлопья? «або може батько и матирь ёго поризаны, то таку напастъ соби возьмишъ, що съ су-

домъ не розвяжешся по вики!» Но не взирая ни на что, старикъ никакъ не рѣшился послѣдовать его совѣту, говоря: какъ можно такую малу дитыну зоставить одну? що колы съ нею що прылучитця, то ихъ и Богъ накаже, и вже що буде, то буде!—а онъ беретъ меня къ себѣ. И такъ привелъ меня на хуторъ, покормилъ сотовымъ медомъ и уложилъ спать, а на другой день привезъ въ Ракитную и представилъ въ контору, гдѣ объявилъ, что нашелъ меня близъ своего хутора. Управляющій хотѣлъ меня оставить у себя, на что я никакъ не соглашался, говоря, что кто меня нашелъ, у того я и жить буду. Управляющій, не желая меня приводить въ слезы, отпустилъ съ старикомъ, приказавъ конторѣ послать въ судъ объявленіе. И такъ старикъ привелъ меня къ себѣ въ домъ, и вмѣстѣ съ женой положили, что ежели, Богъ дастъ, не отыщутся мои родители, взять меня вмѣсто сына. Вотъ все, что узналъ мой отецъ. Выслушавъ разсказъ хозяина и мой, онъ тутъ-же подумалъ, что велика милость Господня, что очевидно дитя, провожавшее меня черезъ лѣсъ, мимо волчицы съ волчатами, былъ никто другой, какъ ангелъ-хранитель, и мысленно принесъ благодарственную молитву Господу Богу.

И вотъ чѣмъ кончилась эта маленькая драма. Разумѣется, я ничего этого не помню; но это, какъ анекдотъ моего дѣтства, осталось извѣстнымъ въ моемъ семействѣ, часто повторялось и всегда одинакимъ образомъ не только отцемъ и матерью, но даже и товарищами его, безъ малѣйшей перемѣны. Со всѣмъ тѣмъ не выдаю

всего за совершенную истину, а оставляю всякому полную свободу вѣрить и не вѣрить. Мое дѣло было только рассказать вѣрно.

Послѣ этого въ скорости графъ убѣдилъ графиню разстаться съ матушкою и отпустить ее къ мужу (которому уже назначено было жить въ хуторѣ Проходахъ, какъ въ центрѣ управляемаго имъ имѣнія), представляя въ причину, что разлучать мужа съ женою въ такихъ молодыхъ лѣтахъ — грѣхъ, да и за Мишей будетъ кому присмотрѣть. Все это вмѣстѣ рѣшило графиню согласиться. Итакъ вдругъ я переселился изъ обоянскаго уѣзда въ судженскій, гдѣ и жили мои родители лѣтъ около тридцати, то есть — до продажи насъ князю Рѣпнину. Стало быть тутъ промелькнуло мое дѣтство, весьма не интересное, какъ и дѣтство всякаго ребенка, а особливо въ томъ званіи. Извѣстно только, что я былъ самый острый и умный ребенокъ, что былъ два раза ушибенъ самымъ ужаснымъ образомъ, изъ коихъ одинъ разъ — объ дровосѣку, а въ другой разъ такъ странно, что стоить рассказать. Меня просто перебросило черезъ ворота, то есть, черезъ верхнюю ихъ перекладину; а какъ? вотъ въ томъ-то и дѣло: просто съ дрожекъ, въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Какъ это случилось и отъ чего? — извѣстно; но полета, который я сдѣлалъ черезъ ворота, не могла мать объяснить: ибо она одна и была свидѣтельницею, но отъ испуга подробно ничего не помнить. Вотъ какъ это было: въ Свѣтлый праздникъ

отецъ и мать ѣхали въ Турью, гдѣ мы были приходомъ, къ обѣднѣ и, разумѣется, взяли меня съ собою. Какъ вышли садиться на дрожки, которыя были по тогдашнему безъ крыльевъ, довольно-длинные; мать сѣла, посадила меня подлѣ себя; отецъ же сказалъ: «вы сѣзжайте съ горы, а я сойду пѣшкомъ.» (Домъ, гдѣ мы жили, былъ на горѣ.) Тутъ кучеръ, державшій лошадь за поводъ, спросилъ отца: «развѣ и ему ѣхать?» потому что очень часто случалось, что отецъ правилъ самъ, а пріѣхавъ въ Турью, лошадь обыкновенно оставлялъ у попа на дворѣ. Теперь же въ такой праздникъ, при тѣснотѣ, отцу показалось это неудобнымъ; почему на вопросъ кучера онъ и сказалъ утвердительно, чтобъ онъ ѣхалъ, а самъ вышелъ въ растворенныя ворота. Кучеръ, обратясь къ моей матери, которая уже сидѣла со мною на дрожкахъ, сказалъ: «позвольте-жъ мнѣ, Марья Тимоѣевна, надѣть новый зипунъ!» и не дождавшись отвѣта, отправился за нимъ. Лошадь, чувствуя свободу, стала поворачиваться изъ стороны въ сторону; мать только что хотѣла взять возжи, замотанныя напередѣ около шкворня, который былъ выше дрожекъ вершка на два съ половиной, какъ въ это самое мгновеніе лошадь шарахнулась и бросилась со всѣхъ ногъ въ ворота. Отъ быстрого движенія мать свалилась съ дрожекъ, не успѣвъ схватить меня, и видѣла только, что дрожки зацѣпились за вереву передней осью и что отъ толчка я свалился на заднее колесо, съ котораго быстро по-

летѣлъ черезъ ворота; но какъ это случилось? — она не могла объяснить, потому что тутъ-же сама упала безъ памяти. Отецъ, услышавъ стукъ позади себя, оборотился — и увидѣлъ меня, летящаго черезъ ворота; въ ту-же минуту пронеслась и разъяренная лошадь съ дрожками, которыя, разумѣется, въ дребезги избила. Отецъ бросился назадъ, подбѣжалъ ко мнѣ и поднималъ меня безъ всякаго движенія; даже очень долго не было слышно: дышу-ли я? Все это сдѣлалось такъ быстро, что никто и не видалъ! На крикъ отца прибѣжали кучеръ, кухарка, бабушка; отецъ потребовалъ воды, и когда принесли — вспыснулъ меня ею. Между тѣмъ очнулась и мать и вырвала меня у отца; онъ же велѣлъ подать ножъ, которымъ мнѣ рознялъ стиснутые зубы, и влилъ нѣсколько капель воды, проглотивъ которую я въ ту-же минуту вздохнулъ очень протяжно; при этомъ кожа на лбу, отъ ушиба поднимавшаяся почти на вершокъ, видимо начала понижаться и пришла въ обыкновенное положеніе, удерживая на себѣ только синій, почти чорный цвѣтъ — признакъ сильнаго ушиба. Разумѣется, что къ обѣднѣ уже никто не поѣхалъ. Долго сомнѣвались въ моей жизни; купали меня два раза въ день въ какой-то травѣ (кажется, называли ее *завязъ*), и недѣли черезъ три начали надѣяться на мое выздоровленіе, а черезъ шесть я уже совершенно оправился; но чудесный сальто-морталь остался необъяснимымъ. Потомъ въ дѣтствѣ я тонулъ одинъ разъ, отъ чего тоже былъ спасенъ. Всѣ эти чу-

десныя спасенія были ни къ чему другому отнесены моею матерью, какъ къ тому, что были встрѣчные кумовья. Отецъ же просто видѣлъ тутъ благодѣль божію и заключалъ, что онъ съ своимъ семействомъ находится подъ особымъ Господнимъ промысломъ.

Въ исходѣ пятаго года моего возраста, чтобъ я не баловался, отдали меня учиться грамотѣ къ Никитѣ Михайловичу. Фамиліи настоящей его не знаю, а носилъ онъ другую, которую не могу сказать; ибо она смѣшивается съ такимъ именемъ, что никакъ не прилично выразить. Съ этого времени, хотя еще и не довольно ясно, но начинаю кое-что помнить изъ моего дѣтства. Помню, что я каждый день ходилъ въ школу, что у меня были еще два товарища — дѣти Никиты-шинкаря: Гаврило и Никита, что у учителя была дочь — Надѣжка, что учился я весьма легко и быстро; ибо едва мнѣ сравнялось шесть лѣтъ, какъ я уже всю премудрость выучилъ, т. е. азбуку, часословъ и псалтырь: этимъ обыкновенно тогда и оканчивалось все ученіе, изъ котораго мы, разумѣется, не понимали ни слова, а пріобрѣтали только способность бѣгло читать церковныя книги. Помню, что при перемѣнѣ книги, т. е. когда я окончилъ азбуку и принесъ въ школу въ первый разъ часословъ, то тутъ-же принесъ горшокъ молочной каши, обернутый въ бумажный платокъ, и полтину денегъ, которая, какъ дань, слѣдуемая за ученіе, вмѣстѣ съ платкомъ вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на столъ, и послѣ повторенія

задовъ (въ такой торжественный день ученія уже не было) раздавали всѣмъ учащимся ложки, которыми и хватали кашу изъ горшка. Я, принесшій кашу и совершившій подвигъ, т. е. выучившій всю азбуку, долженъ былъ бить учениковъ по рукамъ, что я исполнялъ усердно, при всеобщемъ шумѣ и смѣхѣ учителя и его семейства. Потомъ, когда кончили кашу, вынесли горшокъ на чистый дворъ, поставили его по срединѣ, и каждый бросалъ въ него палкой; тотъ, кому удавалось разбить его, бросался стремглавъ уходить (бѣжать), а прочіе, изловивъ его, поочередно драли за уши. Что это за церемонія? для чего она дѣлалась? когда было ея начало? Ничего не знаю и не могу сказать. Помню только, что по окончаніи часослова, когда я принесъ новый псалтырь, опять повторилась таже процессія, и что кромѣ меня, разъ еще принесъ кашу Никишка, когда кончилъ часословъ, надъ которымъ я и засталъ его: оба брата Никита и Гаврило учились очень тупо. Помню, что ихъ драли немилосердно, хоть толку отъ этого не было никакого; я же, напротивъ, удивлялъ своею остротою, такъ что учитель не успѣвалъ задавать мнѣ уроки.

Когда я окончилъ псалтырь, то отецъ мой, зная, что учитель мой не способенъ болѣе учить ничему, писалъ въ Бѣлгородъ къ знакомому, очень ученому священнику (который когда-то, бывши еще студентомъ, училъ у графа старшаго сына), и спрашивалъ, что онъ возьметъ за мое ученье. Между тѣмъ, во время дол-

гой переписки, я долженъ былъ всякой день ходить въ школу протверживать зады. Помню, что это мнѣ ужасно надоѣдало; я наконецъ сталъ протверживать съ такою быстротою, что только и слышно было: *«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»* — а дальше ужъ и самъ сатана не могъ бы разобрать ни слова. Такимъ образомъ, чрезъ четверть часа, я оканчивалъ все, что было задано читать, и отправлялся гулять въ лѣсъ съ ребятами, оставляя учителя весьма довольнымъ своимъ ученикомъ. Учитель часто ставилъ меня въ примѣръ другимъ ученикамъ, говоря: «отъ, якъ-бы и вы такъ учились, якъ Мышка, то и вы пійшли-бъ теперь гулять.» Обыкновенно въ лѣсу я прогуливалъ до обѣда; ибо твердо зналъ, что если-бы изъ школы пришелъ домой, то меня не пустили бы бѣгать по лѣсу. Наконецъ какъ-то отцу моему стало извѣстно о краткомъ способѣ моего повторенія, и потому онъ строго запретилъ мнѣ выходить изъ школы, пока не кончится общее ученіе; но я на другой же день, кажется, забылъ его приказаніе. Отецъ же мой, которому изъ своего дома видна была школа, нарочно наблюдалъ за мною, и какъ скоро увидѣлъ, что я наострилъ лыжи въ рощу, отправился и самъ туда, наломавъ дорѣгой добрый пучокъ розогъ, и найдя меня, препорядочно выпоролъ. По окончаніи экзекуціи, во время которой я кричалъ во все горло, притащилъ онъ меня въ школу, разбранилъ учителя, что онъ не смотритъ за мною, что ребенокъ совсѣмъ

избаловался, что читать сталъ гораздо хуже, и вмѣсто того, чтобы читать — бормочетъ такъ, что ничего нельзя понять, и въ доказательство тутъ-же заставилъ меня читать. Я, получивъ уже привычку, полетѣлъ, какъ говорится, на почтовыхъ; а потому только и могли разобрать (какъ я уже сказалъ): «*Блаженъ мужъ*», а далѣе ужъ ни слова. Отецъ, остановивъ меня, велѣлъ начать снова, но вышла таже исторія; потомъ въ третій разъ — все то же. Батюшка разсердился, плюнулъ, топнулъ ногою и ушелъ, наказавъ строго учителю исправить ребенка. Гнѣвъ отца произвелъ свое дѣйствіе; ибо учитель имѣлъ школу приватно, главное же занятіе его было при винокуренномъ заводѣ, гдѣ онъ состоялъ ключникомъ у хлѣбнаго магазина; поэтому, боясь потерять это мѣсто, что совершенно зависѣло отъ воли отца моего, онъ обратилъ все вниманіе на исполненіе его желанія, и чтобы поправить зло, то подъ обѣщаніемъ строгаго наказанія велѣлъ мнѣ, читая, останавливаться по точкамъ. Но какъ я забывался, а болѣе потому, что половину болталъ на память, то и получалъ часто должныя награды, какъ то: скубки, удары по рукѣ линейкою; это помогало впрочемъ весьма мало. Однажды, учитель отпустилъ мнѣ двѣ очень ловкія пали (при коихъ я взвизгивалъ, разумѣется), и примолвилъ: «адже я тоби уже казавъ, собачій сыну, щобъ ты читавъ по точкамъ!» Это значило у него — останавливаться на нихъ. Эта малоросійская фраза уже вѣковая: изъ давнихъ временъ го-

ворилась она такъ, какъ сказано выше, почему и ко мнѣ дошла изъ устъ учителя безъ всякой перемѣны. Учитель же мой былъ малороссіянинъ, да и весь уѣздъ населенъ былъ болѣе малороссіянами, нежели русскими. Въ отвѣтъ учителю, противъ всякаго его ожиданія, я, проливая горькія слезы и мотая отъ боли рукою, спросилъ у него: «да для чего-же останавливаться по точкамъ?» При семъ вопросъ учитель мой остолбенѣлъ: въ первый разъ услышалъ онъ такой вопросъ, въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ обучая юношество грамотѣ, — и до того смѣшался и разсердился на такой дерзкой и вольнодумной вопросъ, что долго не отвѣчалъ на него. Но разсудивъ потомъ, что такія слова не могли излиться изъ устъ такого малаго и притомъ умнаго ребенка, и что, конечно, нечистый духъ внушилъ мнѣ ихъ, — онъ сотворилъ крестное знаменіе и сказалъ мнѣ: «тютю, дурный! чи ты не знаешъ, що ты сказавъ?» Я, ничего не понимая, повторилъ сквозь слезы: «я говорю, для чего останавливаться по точкамъ?» Тутъ онъ, видя мое невѣденіе, и увѣрясь, что такой вопросъ сдѣланъ мною безъ всякаго злаго намѣренія, смягчилъ голосъ и сказалъ: «дурный, дурный! хибѣ-жъ ты не знаешъ, що священное писаніе такъ ужъ и писано, щобъ, читая ёго, останавливались по точкамъ, и що вси праведные такъ ёго читали?» Ничего не понимая, я опять спросилъ: «да для чего же это нужно?» Не умѣя дать лучшаго поясненія, онъ началъ мнѣ толковать: «адже тобі не можно прочитати всего псалма

однимъ духомъ, то треба и отдохнуть; ђтъ для того святыя и праведныя, которые сіе писали, нарокомъ и поставили точки. А ты-бъ то, дурный, думавъ, що вони поставили ихъ дарма?» И онъ очень былъ доволенъ, что растолковалъ мнѣ такъ ясно, что болѣе, казалось, нечего было и говорить. Но къ крайнему его изумленію я и тутъ нашель кой-что для себя непонятнымъ, и ворча, все еще сквозь слезы сказалъ: «помилуйте, да это быть не можетъ! Вотъ посмотрите, какъ точки разставлены: вотъ тутъ (указывая на книгу) отъ точки до точки — три слова, а тутъ — цѣлыхъ десять строкъ, а ихъ нельзя проговорить однимъ духомъ; такъ это быть не можетъ, чтобъ онѣ были поставлены для отдыха.» Учитель, видя что злой духъ совершенно овладѣлъ мною (ибо не можетъ быть, чтобъ безъ его наущенія такой умный ребенокъ не понялъ того, что, по его мнѣнію, онъ растолковалъ такъ ясно), а потому, не желая входить въ состязаніе съ сатаною, какъ онъ говорилъ, — отпустилъ мнѣ въ голову порядочную тукманку, говоря: «колы ты тымъ точкамъ не вѣришь, такъ ђтъ тоби точка! ђтъ сей, мабуть, повѣришь; и колы ще будешь пытати, то я тоби, для поясненія, таку задамъ жарѣху, що зъ недѣлю будешь заглядывать!» Послѣ такого сильного доказательства я уже навсегда отказался отъ подобныхъ вопросовъ.

Въ скоромъ времени, по настоянію матери, которой слишкомъ жаль было, что бѣднаго ребенка учитель, самъ ничего не зная, такъ жестоко наказываетъ, —

отвезли меня въ Кондратовку, въ имѣніе, принадлежащее графу и потому находившееся также подъ распоряженіемъ отца моего, къ тамошнему священнику отцу Димитрію, чтобы я повторялъ выученное мною, до того времени, пока повезутъ меня въ Бѣлгородъ. Не оскорбляя памяти покойника, я долженъ сказать, что новый наставникъ мой отецъ Димитрій былъ тоже недальняго образованія и только въ тогдашнее время могъ быть священникомъ: что не каждый день повторялось въ служеніи, то онъ разбиралъ весьма плохо. Такъ напримѣръ, когда мнѣ было уже лѣтъ пятнадцать, то графъ однажды въ Троицынъ день, зная, что священникъ плохо читаетъ, послалъ меня къ нему отъ своего имени попросить, чтобы молитвы, которыя читаются при колѣнопреклоненіи, прочиталъ онъ сперва дома, дабы можно было внятнѣе ихъ слышать. Но онъ сдѣлалъ лучше: онъ прочиталъ во время служенія только двѣ молитвы, а третьей совсѣмъ не читалъ. А когда, послѣ обѣдни, пришелъ къ графу съ просвирою поздравить съ праздникомъ, что дѣлалось въ каждый дванадесятый праздникъ и въ день именинъ графскихъ, то графъ спросилъ: почему онъ прочелъ только двѣ молитвы? Священникъ почтительно отвѣчалъ: «ваше сіятельство присылали, чтобы я прочиталъ молитвы у себя на дому; почему одну и прочелъ дома. Извините, что больше не успѣлъ прочесть; а остальные двѣ прочелъ въ церкви, во время служенія.» Графъ, слушая это, улыбнулся и не сказалъ ни слова.

Другой примѣръ служитъ еще лучшимъ доказательствомъ сколько невѣжества, столько и грубости тогдашняго времени. Однажды лѣтомъ въ какую-то субботу, во время уборки хлѣба, дьячекъ и пономарь, занявшись полевой работой (ибо весь причетъ церковный получалъ на содержаніе 33 десятины земли), упросили нашего-же двороваго человѣка отправить вмѣсто ихъ съ священникомъ всенощную, — и какъ человѣкъ этотъ, по прозванію Козель, былъ горькой пьяница, который только и зналъ что пилъ и пѣлъ на крылосѣ, то они вытрезвили его, съ обѣщаніемъ послѣ всенощной напоить снова. Зная хорошо весь церковный уставъ и не имѣя въ виду другой попойки, онъ охотно согласился. А какъ священникъ нерѣдко видалъ его исправляющимъ должность дьячка, то безъ всякаго возраженія началъ съ нимъ служеніе. Молящихся въ церкви, по случаю полевыхъ работъ, было только три старухи, мальчикъ, отправлявшій должность ктитора, и я. Михайло Козель былъ самой нелѣпой наружности, и отъ безпрестаннаго пьянства съ распухшею рожею; голосъ его — и безъ того самый грубый и непріятный басъ, а тутъ на похмѣльѣ сдѣлался еще отвратительнѣе. Послѣ перваго благословенія, сказавши аминь, началъ онъ чтеніе какимъ-то скрипучимъ голосомъ. Такимъ образомъ все шло своимъ порядкомъ до чтенія каѳизмъ; ибо, какъ я уже сказалъ, Козель былъ очень твердъ въ порядкѣ служенія. По прочтеніи одной каѳизмы, священникъ въ алтарѣ или читалъ какія-либо

молитвы, или мысли его заняты были чѣмъ-либо житейскимъ, только онъ не слыхалъ, что чтеніе каѳизмы уже кончено. Козель же, помолчавъ немного и не слыша слѣдующаго послѣ каѳизмы *наки и наки*, произносимаго обыкновенно священникомъ, рѣшился напомнить ему; почему въ полголоса, хрипя, сказалъ: «отецъ Димитрій! *наки и наки...*» — на что священникъ, преостановивши свое чтеніе и не понимая хорошо въ чемъ дѣло, только помня, что его прервалъ голосъ Козла, быстро отвѣчалъ ему: «ну, ну, читай!» Козель, будучи твердъ въ семъ дѣлѣ, весьма оскорбился и, въ доказательство своего знанія, повторилъ прежнее напоминовеніе голосомъ уже не столь почтительнымъ, а гораздо грубѣе: «*наки и наки!*» Священникъ же, все еще порядкомъ не очнувшійся, или досадуя, что Козель сталъ учить его, опять повторилъ: «читай, читай!...» Тутъ Козель, уже безъ всякаго почтенія къ мѣсту и сану, слишкомъ настойчивымъ голосомъ напомнилъ: *наки и наки!*... Раздосадованный такимъ упрямствомъ Козла, священникъ закричалъ очень сердито: «кажу тебѣ: читай!» Козель нашъ обезумѣлъ, вытаращилъ глаза, въ бѣшенствѣ сжалъ правой кулакъ, заскрипѣлъ ужасно зубами и вышелъ вонъ изъ церкви, оставя бѣднаго священника одного, совсѣмъ растерявшагося отъ злости и отъ незнанія что дѣлать; ибо онъ даже не помнилъ, до котораго мѣста дошло служеніе. Тогда по необходимости я вошелъ къ нему въ алтарь, объ-

яснилъ ему — въ чемъ было дѣло, и предложилъ себя для услугъ вмѣсто Козла: ибо, живя (какъ сказано будетъ послѣ) въ Бѣлгородѣ почти четыре года у священника, я тоже хорошо зналъ порядокъ служенія; и такимъ образомъ кое-какъ всенощная была окончена.

Когда рассказалъ я все это графу, онъ ужаснулся; но потомъ, подумавъ немного, примолвилъ: «я бы давно просилъ архіерея перемѣнить нашего священника, но онъ человѣкъ семейный, у него куча дѣтей, они могутъ остаться всѣ безъ куска хлѣба; а этого грѣха я не возьму себѣ на душу!» И въ тоже время бралъ на себя грѣхъ другой—ужаснѣе.

И вотъ кому ввѣрено было мое дѣтство, такъ быстро развертывавшееся; но къ счастію моему я прожилъ у него только около трехъ мѣсяцевъ. Изъ всего этого времени я только и помню, что на другой день моего поступленія онъ нещадно выпоролъ меня розгами, кажется — за то, что я, отъ излишняго познанія церковнаго чтенія, разорвалъ первый листъ псалтыря: ибо, начиная протверживать зады съ «Блаженъ мужъ», при дѣтяхъ священника, передъ которыми хотѣлось мнѣ блеснуть своими свѣдѣніями, и для того оканчивая страницу, такъ быстро и ловко перевернулъ листъ, что разнёсъ его почти пополамъ, за что и получилъ выше-объясненную награду. Такой дебютъ меня очень испугалъ, и я думалъ, что попалъ изъ огня да въ пымя; но слава Богу—все пришло въ свой порядокъ, и я, повторивъ,

что было мнѣ задаваемо, имѣлъ полное право бѣгать, гдѣ пожелалось; а такъ какъ отецъ мой здѣсь не жилъ, то и некому было замѣтить, что слишкомъ свободно пользуюсь всѣми дѣтскими правами. Когда же въ воскресный день случилось отцу моему прїѣзжать къ намъ къ обѣднѣ и слышать меня уже поющаго на крылосѣ съ дѣвками (ибо я съ самаго дѣтства имѣлъ необычайный слухъ; мнѣ достаточно было слышать одинъ разъ какой-нибудь мотивъ, и я могъ пѣть его безошибочно), то онъ оставался весьма довольнымъ, хотъ мнѣ этого и не показывалъ. У него былъ свой образъ мыслей: онъ полагалъ, что только строгостію можно заставить дѣтей любить и почитать родителей; то есть, по его мнѣнію, бояться и любить—было одно и то же. А потому я, а равно и всѣ дѣти, которыя были потомъ, съ четырехъ-лѣтняго возраста видѣли отъ отца одну только строгость и никогда ласкъ; за то съ избыткомъ осыпала ими мать; отчего и вышло совсѣмъ противное тому, чего ожидали наши родители. Мы до нѣкотораго возраста, то есть до того времени, когда начали уже понимать, отца боялись, но не любили; а мать любили, но не боялись, а потому и не слушались, что было для нея весьма непріятно. Иногда, желая внушить намъ при любви и страхѣ, она наказывала насъ, но наказывала, какъ мать, и потому это очень мало помогало.

При всемъ уваженіи къ моимъ родителямъ, я долженъ былъ высказать ихъ образъ мыслей, тѣмъ болѣе,

что это было въ то время общее мнѣніе насчетъ воспитанія дѣтей—не только въ томъ состояніи, въ какомъ находились мои родители, но и въ высшихъ сословіяхъ. Къ чести же моего отца скажу, что онъ всегда былъ выше своего званія, чему служить доказательствомъ и то, что онъ не удовлетворялся тогдашними общими понятіями своего круга объ образованіи дѣтей, а желалъ научить меня чему-то больше, хотя и слышалъ безпрестанно вокругъ себя отъ своихъ товарищей: «чортъ знаетъ чему управитель хочетъ учить своего сына, отдавая въ Бѣлгородъ; мальчикъ и такъ уже выучилъ азбуку, часословъ и псалтырь, его бы теперь выучить писать—и конецъ, а тамъ отдать въ судъ переписывать дѣла, и вышелъ бы человѣкъ!» — ибо по ихъ понятіямъ не было выше этого образованія; объ остальномъ, т. е. ученіи языкамъ имъ не приходило и въ голову, что крѣпостному человѣку можно ихъ знать. Но отецъ мой, который не разъ бывалъ съ графомъ, во время его службы въ гвардіи, и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и уже издавшій, какъ говорится, многое и слыхавшій объ университетѣ и то, что у иныхъ помѣщиковъ камердинеры, бывшіе съ господами за границей, говорятъ съ ними по-французски, слушалъ ихъ болтовню улыбаясь и пропускалъ мимо ушей безъ всякаго вниманія.

Три мѣсяца моего дѣтства въ Кондратовкѣ у попа Димитрія промелькнули очень скоро, такъ что изо всего времени въ памяти моей ничего не осталось, кро-

мѣ сказаннаго: какъ видно, интереснѣе ничего и не было.

Когда пришло время везти меня въ Бѣлгородъ, то недѣли за двѣ до того взяли меня домой, чтобы обшить всѣмъ нужнымъ на долгое время, дабы я не имѣлъ тамъ ни въ чемъ недостатка: туда уже невозможно будетъ ничего переслать, по причинѣ отдаленности; ибо до Бѣлгорода было отъ насъ слишкомъ сто верстъ. А между тѣмъ мать думала про себя: ребенокъ все-таки погуляетъ! — и на это время я даже не занимался и протверживаніемъ задовъ, и отецъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Иногда только для шутки, и то чтобы попугать бѣдную мать, онъ говаривалъ: «а что, Маша, ты не посадишь Мишу протвердить что-нибудь?» Противъ чего Маша, испугавшись, представляла какую-нибудь невозможность: или что у меня сапоги не готовы, или что надо шаровары примѣрить, и тому подобное, и онъ оставался доволенъ изложенными причинами, — и я бѣгалъ сломя голову, однимъ словомъ — дѣлалъ что хотѣлъ. Мать много разъ сама удивлялась, что отецъ такъ равнодушенъ къ моимъ шалостямъ, а еще болѣе, что казался убѣжденнымъ изложенными ею причинами, обдумавши которыя — сама чувствовала ихъ нелѣпость; но молчала и была довольна, что ребенокъ, съ которымъ она скоро разстанется на долгое время, вполнѣ навеселится и не будетъ забывать дому родительскаго. Она не могла разгадать, что и отецъ, разлучаясь съ сыномъ не безъ

сердечной горести, какъ онъ самъ потомъ сознавался, и не зная, какая будетъ моя будущность, какъ-то невольно уступалъ чувству отца, а не голосу разсудка, и мысленно рѣшилъ: пусть теперь ребенокъ нагуляется въ домѣ отца, а на чужой сторонѣ еще Богъ знаетъ что будетъ! можетъ быть, и не доѣстъ и не допьетъ. Онъ чувствовалъ, что слишкомъ рано отдавалъ меня для продолженія ученія; ибо мнѣ не было еще семи лѣтъ,—и это была главная причина его снисхожденія.

Такъ прошли двѣ недѣли, ужасныя для матери: во все время приготовленія она не осушала глазъ, разумѣется — въ отсутствіе отца, ибо при немъ не смѣла плакать. Она оплакала каждую рубашку, каждую вещь, которую укладывала — какъ теперь помню — въ красненькой сундучокъ; подъ крышкой его приклеена была картина суздальской работы съ какими-то ужасными чудищами, которыя меня очень занимали. Не постигая слезъ матери, я очень помню—спрашивалъ у ней, чего она плачетъ? развѣ въ Бѣлгородѣ меня всякой день будутъ сѣчь?—какъ видно, для меня ничего ужаснѣй не было. На что мать, обнявши и прижавши меня къ своему сердцу, сквозь слезы говорила: «охъ, дитятко, можетъ быть и это будетъ!» При такомъ извѣстіи и у меня потекли слезы; но хорошее яблоко и добрый кусокъ домашняго пряника тотчасъ меня утѣшили.

Все было уже уложено, что казалось нужнымъ для пребыванія моего въ Бѣлгородѣ; все было пригото-

лено, что считалось необходимымъ для пути, какъ-то: пироги, жаркое и разныя лакомства, чтобъ не скучаль дорѳгой (что отецъ хотя и считаль лишнимъ, но однако не мѣшалъ матери распоряжаться). Такъ наступиль назначенный день для отъѣзда, въ который приглашены были батюшкина сестра изъ Мирополья, съ мужемъ и его братомъ, т. е. съ тѣми, кого я зваль дядя Дмитрій и дядя Абрамъ (такъ я называль ихъ и послѣ всю жизнь); бабушка, то есть, мать отца моего, незадолго переселившаяся къ намъ совсѣмъ на житье; въ заключеніе приглашенъ приходской священникъ. И когда все было уже на лицо, отслужили молебенъ; потомъ, какъ водится, выпили водки, пообѣдали сытно, затѣмъ для такого торжественнаго дня велѣли согрѣть чайникъ, напились чаю и чашки по двѣ или по три пуншу. Между тѣмъ лошади были уже готовы, кибитка подана; но прежде отъѣзда всѣ усѣлись по мѣстамъ, потомъ встали, сотворили молитву, и началось прощаніе. Очень помню, что всѣ плакали, что всѣ говорили, чтобъ я не скучаль и не шалилъ, а учился бы хорошо, что родители посадили меня между собой въ повозку, и что у матери на рукахъ была еще сестра моя Александра; ибо насъ было уже двое дѣтей. При всеобщемъ пожеланіи добраго пути и при благословеніи священника, мы отправились на ночь въ путь. На другой день мы благополучно прибыли въ село Красное, въ мѣсто моего рожденія и, такъ сказать, въ резиденцію господъ, о которомъ я не имѣлъ уже никакого воспоминанія.

Тутъ мнѣ все было ново. Куча людей бродила безъ всякаго дѣла; множество дѣтей играло на обширномъ дворѣ, которыя всѣ были одѣты совершенно не такъ, какъ деревенскіе мальчики, но, по тогдашнему моему понятію, удивительно какъ хорошо! На нихъ были синія суконныя курточки и такія-же шаровары. Это возбудило во мнѣ даже зависть, а особливо сообразивъ это приволье, въ которомъ ихъ засталъ, и полагая, что они все время только и дѣлаютъ, что играютъ, тогда какъ меня везутъ куда-то и чему-то учиться; да и костюмъ мой былъ совершенно другаго покроя: на мнѣ былъ китайчатый синій халатъ и такія-же шаровары, надъ чѣмъ они долго смѣялись, да и вообще смотрѣли на меня, какъ на деревенскаго мальчика. Все это сдѣлало меня совершенно несмѣлымъ и неловкимъ, и я очень чувствовалъ свое невѣжество, хотя всѣ дѣти по книжной части были гораздо ниже меня; потому что они сидѣли еще за азбукой, въ то время какъ я уже окончилъ псалтырь. Обо всемъ этомъ я узналъ на другой день, когда отецъ завелъ меня посмотреть пѣвческую школу. Тутъ я узналъ, что это были мальчики, набранные въ пѣвчіе. Отецъ не пропустилъ случая, такъ мимоходомъ, сказать объ моихъ успѣхахъ, — и дѣти смотрѣли на меня съ удивленіемъ, такъ какъ мнѣ не было еще и семи лѣтъ, а каждый изъ нихъ былъ старше меня по крайней мѣрѣ двумя годами; а потому по окончаніи ученія стали обходиться со мною поласковѣе. Когда мы

сѣли обѣдать въ буфетѣ и намъ принесли ѣсть съ господскаго стола, что было знакомъ особой милости,—отецъ между разговоромъ сказалъ, что завтра мы ѣдемъ въ Бѣлгородъ, а сегодня вечеромъ будемъ смотрѣть оперу: *Новое семейство*, которую будутъ играть музыканты и пѣвчіе. Я было пустился въ распросы: что такое опера? но, вмѣсто объясненій, онъ просто сказалъ: «а вотъ самъ увидишь!» и потому я это принялъ равнодушно; я не зналъ, что въ этотъ вечеръ рѣшится вся будущая судьба моя.

Теперь я долженъ сколько-нибудь объяснить случившіяся перемѣны въ домѣ господъ. Во время моего житья въ Проходахъ графиня умерла и графъ остался вдовцемъ, и съ нимъ двѣ дочери. Не слишкомъ бывъ счастливъ семейною жизнію, онъ, такъ сказать, отдыхалъ и наслаждался жизнію сельскою. И какъ онъ имѣлъ хорошій оркестръ музыкантовъ и порядочный хоръ пѣвчихъ, то для разнообразія удовольствій основалъ домашній театръ, чѣмъ забавлялъ дѣтей, которымъ было отъ 10 до 12 лѣтъ; равно и всѣ дворовые люди утѣшались этой забавою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ графъ вдвойнѣ наслаждался своей выдумкой. Онъ такъ рассуждалъ, что этимъ доставить дѣтямъ забаву, музыкантамъ занятіе, а дворовымъ людямъ, которыхъ, разумѣется, было очень много, случай провести время полезнѣе, нежели за картами или въ питейномъ домѣ. И признаюсь, впослѣдствіи оправдались его предположенія: нигдѣ въ тогдашнемъ вѣкѣ я не встрѣчалъ, гораздо позже се-

го времени, господскихъ людей менѣе испорченныхъ и грубыхъ.

Не помню, какъ я провелъ этотъ день; думаю, что прорѣзвился съ ребятишками. Вечеромъ отецъ съ матерью взяли меня въ театръ, какъ они называли; но что такое театръ? — объясненія на мой вопросъ я не получилъ, а сказано просто: «дожидайся, самъ увидишь!» И вотъ мы явились въ довольно-большую комнату, которую, какъ я узналъ послѣ, почему-то называли заломъ; а равно и другія комнаты имѣли свои названія, какъ-то: гостиная, диванная, спальня, буфетъ, лакейская, дѣвичья, и проч. Все это меня очень удивляло; ибо я не думалъ, чтобъ были другія названія, какъ свѣтлица, комната и кухня. Сколько свѣдѣній пріобрѣлъ я въ продолженіи двухъ сутокъ, которыя я прожилъ въ резиденціи господина моего! Въ залѣ нашелъ я нѣсколько народу обоего пола: одни сидѣли на стульяхъ, другіе разговаривали, стоя у окна. Зала, какъ казалось, была раздѣлена на двѣ половины разноцвѣтной холстиной во всю ширину комнаты, т. е. начиная отъ потолка до полу; на холстинѣ были разныхъ цвѣтовъ полосы: желтая, синяя, зеленая, красная, и все это, какъ послѣ объяснили мнѣ, домашняго крашенья. У самого потолка, немного впереди упомянутой холстины, протянута была еще синяя холстина во всю ширину комнаты, и потомъ по бокамъ у самой стѣны — съ обѣихъ сторонъ спущены были такіе-же холсты, отъ чего и вышло: какъ будто разноцвѣтная холстина была въ синей

рамкѣ. Чтò тамъ за нею дѣлалось? — оставалось для меня тайною. Между занавѣсомъ (такъ называли разноцвѣтную холстину: мнѣ это скоро объяснили) и первымъ рядомъ стульевъ — надобно замѣтить, что ихъ было всего три ряда — стоялъ довольно — длинный столъ-не столъ, Богъ знаетъ чтò такое, сдѣлано изъ досокъ, на высокихъ, но совсѣмъ не такихъ какъ у стола ножкахъ: у стола ихъ обыкновенно четыре по угламъ подъ верхней доской, а тутъ какъ-то чудно! Такъ какъ этотъ странной столъ былъ очень длиненъ и узокъ, то хотя подъ нимъ и были четыре ножки, но какія-то широкія — какъ будто ножка сдѣлана изъ цѣлой доски, и поставлены не по угламъ, а разставлены подъ верхней доской поперегъ стола, одна отъ другой разстояніемъ на аршинъ или съ чѣмъ-то. Ножки эти были болѣе похожи на кòзлы, которые употребляются на подмости при строеніи; но и тамъ у каждаго козла тоже четыре ноги. Однимъ словомъ, я никакъ не могъ понять, чтò это такое, тѣмъ болѣе, что вмѣсто гладкой верхней доски сдѣлано было что-то удивительно мудрѣное; то есть, нѣсколько узенькихъ дощечекъ во всю длину стола были какъ-то скрѣплены между собою и были гораздо выше верхней доски — съ довольной косиной, такъ что еслибъ его покрыть чѣмъ-нибудь, то все это походило бы на длинный церковный налой, на которомъ дьячекъ въ церкви читаетъ, только откосы были со всѣхъ сторонъ и съ длинной и съ узкой. На нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ этихъ откосовъ положены были тетрадки очень странно излинованныя, и что всего страннѣе — линованныя чернилами, и когда я разсмотрѣлъ поближе, то увидѣлъ, что это не просто линейки, а что-то другое: тутъ сначала пять линеекъ — одна подлѣ другой близко проведены, такъ какъ будто-бы составляли одну пятилинейную линейку, потомъ отступя опять такія же пять линеекъ, и такъ до конца всего столбца въ подобномъ - же порядкѣ; да и линовано совершенно не такъ, какъ обыкновенно дѣлается, т. е. не поперегъ, а вдоль страницы. Мнѣ очень хотѣлось узнать: что это? для чего это? И къ тому-жъ я замѣтилъ: на пятилинейныхъ линейкахъ понаставлены чернилами какія-то точки, очень похожія на узелки, что бывало вышиваютъ на воротникахъ у рубашекъ; къ нѣкоторымъ точкамъ приписаны хвостики, иногда прямой, иногда съ крючкомъ, иногда же нѣсколько хвостиковъ вмѣстѣ перечеркнуто чернилами—въ иномъ мѣстѣ разъ, а въ другомъ и два, и три; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и точка перечеркнута, если она поставлена выше или ниже пяти линеекъ, а иныя точки, хотя тоже стоятъ выше или ниже ихъ, а не перечеркнуты. Все это приводило меня въ тупикъ. Между тѣмъ музыканты одни разсматривали эти тетрадки, другіе настраивали скрипки: это ужъ я самъ догадался; ибо я видалъ не однажды играющаго на скрипкѣ музыканта, который пріѣзжалъ къ намъ иногда въ Проходы изъ Говтаревки. Только я тутъ увидѣлъ такія скрипки, что и не зналъ какъ на нихъ будутъ

играть: это были басъ и контрабасъ. Потомъ бросились мнѣ въ глаза такіе инструменты, о которыхъ я и не слыхивалъ; а особливо волторны и фаготы поразили меня своими формами. Флейты и кларнеты не произвели на меня никакого впечатлѣнія: они мнѣ казались такія-же дудки, какія я уже видалъ у крестьянъ, а только сдѣланы изъ господскаго дерева, т. е. изъ хорошаго. Все это, т. е. необычайно-разгороженная комната, этотъ занавѣсъ въ рамкѣ, этотъ столъ удивительный, тетрадки съ точками, скрипки маленькія и большія, дудки разныхъ манеровъ и ужасная волторна — такъ закружили мою едва-семилѣтнюю голову, что я смотрѣлъ во всѣ глаза, и кажется — ничего не видалъ. Вдругъ сдѣлалась маленькая суматоха, въ которой только и слышно было: графъ!... графъ!... Какое-то невольное чувство страха ощутилъ я въ это время: изъ боковыхъ дверей вышелъ средняго роста мужчина довольно-полный и красивый, лѣтъ за сорокъ; подлѣ него вели двухъ дѣвочекъ — одной было лѣтъ десять, а другая помоложе. Тутъ отецъ взялъ меня за руку и представилъ графу, который погладилъ меня по головѣ и въ знакъ особой милости далъ мнѣ поцѣловать свою руку; ибо онъ этого вообще не любилъ. Потомъ заставили меня поцѣловать ручонки маленькимъ графинямъ, и велѣли посадить меня между ними; а отецъ и мать стали позади насъ и безпрестанно мнѣ шептали: «не бойся, Миша, не бойся!» Я воображаю, съ какой миной сидѣлъ я между барышнями — точно медвѣженокъ, потупя голо-

ву, и еслибы не подоспѣлъ мнѣ на помощь хорошій кусокъ пряника, который дала мнѣ одна изъ маленькихъ графинь, то я думаю, что, не взирая ни на что, я заревѣлъ бы во все горло. Я никогда не слыхалъ отъ отца, что при господахъ можно сидѣть, а тутъ сижу между барышнями очень сконфуженный; но пряникъ придалъ мнѣ бодрости, и я изъ подлобья началъ, какъ волчонокъ, выглядывать на обѣ стороны....

II.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ *), въ Суджѣ, уѣздномъ городѣ курской губерніи, одинъ изъ учениковъ принесъ въ классъ книгу подъ названіемъ: *Комедія Вздорщица*. **) Это привело моихъ товарищей въ большое недоумѣніе; всѣ наперерывъ спрашивали одинъ другаго, что такое это комедія? Я, видѣвши одинъ разъ игранную оперу, толковалъ имъ, что это ничто иное, какъ представленіе, то есть, что нѣсколько человѣкъ, выучивъ каждый какое-нибудь лицо въ комедіи и потомъ соединясь вмѣстѣ, могутъ сыграть такъ, какъ будто бы все написанное въ комедіи происходило на самомъ дѣлѣ передъ глазами зрителей.

*) Писано въ 1846 году.

**) Сочиненіе А. Сумарокова; дѣйствующихъ лицъ въ комедіи семь, а не восемь, какъ сказано по ошибкѣ въ „Запискахъ“.

Разумѣется, этому никто не повѣрилъ и, какъ слѣдуетъ, надо мной же стали подшучивать. Это такъ меня оскорбило, что я рѣшился доказать имъ, что я не вралъ и что ихъ насмѣшки можно отнести къ ихъ же невѣжеству. Господи! какой содомъ вышелъ изъ этой комедіи! Всѣ рѣшительно возстали на меня: одинъ называлъ меня хвастуномъ, другой — самохваломъ, третій... однимъ словомъ—не скупились на титулы. Такъ какъ въ числѣ учениковъ, возставшихъ на меня, были и такіе, которые учились гораздо лучше меня, то я, не бывши точно увѣренъ, можно ли и комедію играть такъ, какъ видѣнную оперу, мысленно началъ робѣть и сомнѣваться. Со всѣмъ тѣмъ я спорилъ до нѣльзя. Сторона моя была слабѣйшая, и потому я подкрѣплялъ себя крикомъ, который наконецъ и разбудилъ учителя, спавшаго въ сосѣдней комнатѣ. (Училище помѣщалось въ его собственномъ домѣ.) Въ самый развалъ общаго крика отворилась дверь, и всѣ окаменѣли, увидавши невыспавшееся лицо учителя, которое очень ясно выражало гнѣвъ. Каждый какъ будто читалъ въ его глазахъ и почти былъ увѣренъ, что первымъ его словомъ будетъ: «подать розогъ!» Но я не допустилъ его выговорить это роковое слово и съ видомъ оскорбленнаго самолюбія, даже со слезами, принесъ ему жалобу. «Помилуйте, И. И., разсудите насъ; на меня напалъ весь классъ и смѣется надо мной за то, что я объ этой книгѣ: *Комедія Вздорщица* (не знаю, почему она все еще была у меня въ рукахъ) сказалъ, что ее

можно играть, такъ какъ будто бы все это не написано, а въ самомъ дѣлѣ случилось.» Разумѣется, все это было высказано съ жаромъ, который совершенно угасъ, когда учитель, выслушавъ жалобу и доказательства моей правоты, громко захохоталъ. Отъ стыда и досады я былъ ни живъ, ни мертвъ, а взгляды товарищей еще болѣе меня уничтожали. Когда же учитель, насмѣявшись въ волю и оборотившись къ моимъ противникамъ, сказалъ имъ: «дураки вы, дураки! какъ-же вы спорите о томъ, чего не знаете? Щепкинъ правъ: это точно комедія и ее можно сыграть такъ, что другіе примутъ за дѣйствительность.» И тутъ-же онъ прибавилъ, что есть еще драмы, трагедіи и оперы, которыя точно также можно играть, и что по этой части въ Москвѣ есть очень хорошіе актеры, какъ-то: Ожогинъ, Шушеринъ и многіе другіе. Посмотрѣли бы вы тогда на меня, съ какою гордостью стоялъ я и какъ уничтожились мои бѣдные товарищи... Знаете ли, мнѣ было даже стыдно за нихъ: какъ спорить о томъ, чего не знаешь! А вѣдь и самъ билъ на пропалую, защищая свое мнѣніе. Эта комедія сдѣлала большую перемѣну въ предстоявшихъ намъ часахъ ученія: въ продолженіи цѣлаго класса учитель безпрестанно возвращался къ одной и той-же мысли, и что бы ни толковалъ онъ, а кончалъ или комедіей, или трагедіей. Въ первый еще разъ у него въ классѣ не было скучно; не знаю—отъ чего? отъ того ли, что въ его преподаваніе ворвалась совершенно новая мысль и новостью своею сдѣ-

лалась интересна, или онъ самъ впервые нарушилъ обыкновенный образъ своего чтенія и, вмѣсто мертвыхъ словъ, познакомилъ насъ съ мыслию. Однимъ словомъ, мы не скучали въ классѣ, намъ было весело; мы какъ будто вдругъ поумнѣли, и даже намъ сдѣлалось скучно, когда звонокъ пробилъ объ окончаніи класса; по крайней мѣрѣ, такъ было со мною. Но представьте же себѣ нашу общую радость, когда учитель, сходя съ кафедры, обратился къ намъ съ слѣдующею фразой: «вотъ, дураки! вмѣсто того, чтобы бѣгать по улицамъ да биться на кулачки, или другими подобными занятіями убивать время, не лучше ли было бы, если бы вы разучили эту комедію да передъ роиспускомъ на масленицѣ сыграли бы ее у меня; а времени, кажется, не мало: по средамъ и субботамъ послѣ обѣда классовъ не бываетъ, за неимѣніемъ рисовальнаго учителя. Такъ вотъ сошлись бы да и сладили бы хорошенько. Только съ уговоромъ, не шумѣть!»

Нельзя было описать нашего восторга, и мы всѣ въ одинъ голосъ закричали: «если вы это позволите, то мы сейчасъ же эту комедію разучимъ.» Точно будто всѣ могли играть въ ней! Въ комедіи было всего восемь лицъ, а насъ въ классѣ было обоего пола до шестидесяти человѣкъ. Однакожь, какъ бы то ни было, каждый, выходя изъ класса, выносилъ съ собою мысль, что онъ играетъ въ комедіи, и подпрыгивая, дорѣгою объявлялъ объ этомъ встрѣчнымъ ребятишкамъ; никому въ голову не приходило, что всѣмъ играть невоз-

можно; такъ поразила насъ эта радость, и мы всѣ шли дружно и весело. Даже тѣ, которые спорили, что комедія не то, что я говорилъ, даже тѣ какъ-то добродушно сознались, что они несправедливо спорили со мной, что они точно не знали, что такое комедія, а только хотѣли подразнить меня за то, что я будто бы хотѣлъ показать себя умнѣе другихъ. Словомъ, мысль, что мы играемъ въ комедіи, овладѣла всѣми, сдѣлала насъ какъ-то добрѣе, и вѣрите ли, мнѣ отъ чего-то было совѣстно, что они извинялись передо мной. Вотъ какія чудеса надѣлала *Комедія Вздорщица*! Изъ самыхъ вздорныхъ, буйныхъ ребятишекъ сдѣлала, хотя на нѣсколько минутъ, кроткихъ, милыхъ и добрыхъ. Каждый изъ насъ, возвратясь — кто въ домъ родителей, кто на квартиру къ своему хозяину, съ радостью сообщалъ новость, что онъ играетъ въ комедіи: одинъ отцу и матери, другой хозяину съ хозяйкой и даже кухаркѣ; однимъ словомъ, у каждаго зналъ весь домъ, что онъ играетъ въ комедіи; но что и какъ? — этотъ вопросъ никому еще не приходилъ въ голову. Когда прошли первыя мгновенія восторга, мнѣ пришло въ голову, что очень легко можетъ случиться, что я не буду играть. Эта мысль очень прохледила меня, и я порядкомъ приунылъ. Думаю себѣ: «какъ-же это? всѣмъ играть невозможно; какъ-же это будетъ? Кто-же укажетъ, кому именно играть? Вѣроятно, будутъ назначать старшіе ученики, и очень легко можетъ случиться, мнѣ не дадутъ никакой роли. Много есть дѣтей дво-

рянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, которые всѣ далеко выше моего званія, и эти дѣти, вѣроятно, будутъ предпочтены.» И разсуждая съ сестрой, я горько жаловался и говорилъ, что это будетъ совершенная несправедливость. Все въ короткое время измѣнилось; вмѣсто радости тоска и чувство униженія чрезвычайно тяготили меня, хотя какой-то лучъ тайной надежды мелькалъ въ головѣ моей, что можетъ быть я и буду играть. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, кромѣ двухъ, да и ихъ преимущество состояло, кажется, въ томъ, что они уже третій годъ сидѣли въ послѣднемъ классѣ, а я только всего полгода. Въ знаніи же они недалеко уходили отъ меня, потому что мы всѣ ровно ничего не знали.

Итакъ я жилъ надеждою и уже воображалъ, какъ хорошо буду играть. Тутъ я началъ припоминать оперу: *Новое семейство*, которую, какъ уже сказалъ, видѣлъ въ дѣтствѣ, и припомнилъ ее всю; она такъ живо возобновилась въ моей памяти со всѣми подробностями, которыя меня тогда занимали, всѣ лица этой оперы такъ живо предстали предо мною, что я чуть не плакалъ отъ удовольствія. А въ чемъ состояло это удовольствіе, что это было такое?—я самъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета; только мнѣ было такъ хорошо, хотя изрѣдка и щемила мое сердце мысль: а ну, какъ я не буду играть въ комедіи! На другой день все объяснилось, и для меня весьма выгодно. Отправясь въ обыкновенное время утромъ въ училище, мы увидѣли

съ сестрой на первомъ перекресткѣ двухъ учениковъ, которые преисправно таскали другъ друга за волосы, приговаривая: «врешь, ты не будешь играть, а я буду!...» — Нѣтъ, ты не будешь, а я буду! третьяго дня учитель былъ у насъ въ гостяхъ, и батюшкѣ стоить только слово сказать, я и буду играть... «А все-таки не будешь: моя матушка отнесла ему вчера гостинца, пол-пуда меду; она только слово пикнетъ, и я буду непременно играть!» Когда же мы пришли въ школу, тамъ былъ просто сѹдомъ; только и слышно было: «я буду, ты не будешь! нѣтъ, ты не будешь, а я буду!» и эти увѣренія подкрѣплялись иногда такими фразами, которыя несовсѣмъ приличны были ни мѣсту, ни возрасту. Приходъ учителя все прекратилъ, и на строгій и суровый его вопросъ, почему мы не на своихъ мѣстахъ, бѹльшая часть примолкла; нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, отвѣчали, что мы толковали о томъ, кому играть въ комедіи, что всѣ желаютъ, но что лицъ въ комедіи только восемь и въ томъ числѣ три женскихъ. Учитель подумалъ, потеръ себѣ рукою лобъ и сказалъ: «подайте сюда книгу, я самъ назначу, кому играть!»—и отмѣтивши своею рукой въ книгѣ, прибавилъ: «я назначилъ тѣхъ, кто лучше учится; это имъ въ награду, а лѣнтяямъ это будетъ наказаніемъ.» Когда прочли назначеніе учителя, и я услышалъ, что слугу Розмарина буду играть я,—я обезпамятѣлъ отъ радости, кажется: даже заплакалъ. Женскія роли назначены были учащимся дѣвицамъ; но почтенные родители, сановни-

ки и супруги возстали противъ этого: «какъ, дескать, можно, чтобы наша дочь была комедіанткой!» и учителю пришлось было плохо. Наконецъ, кое-какъ все уладили. Старуху и служанку играли мальчики, а любовницу сестра моя: ее можно было заставить играть. Дѣло пошло на ладъ. Въ первую среду сошлись толковать, какъ выписать каждому свое лицо и какъ сдѣлать, чтобы онъ зналъ, когда ему говорить. Много было толковъ; наконецъ, и это уладили и даже выписали почти также, какъ теперь пишутъ роли, только съ маленькимъ излишествомъ въ репликахъ. Эта выдумка была собственно моя, и ее одобрили. Черезъ недѣлю каждый выучилъ свою роль. Когда мы въ субботу сошлись и начали пробовать, то какъ-то не ладилось, и мы рѣшились, когда проснется учитель, просить его показать намъ: какъ это сдѣлать, чтобъ каждый зналъ, когда ему говорить; и учитель объяснилъ намъ, что нужно-де, чтобы кто-нибудь подсказывалъ по книгѣ, и все пошло какъ по писанному. Съ каждою репетиціею все шло тверже и тверже; я свою роль читалъ съ такою быстротою, что всѣ приходили въ удивленіе, а учитель приговаривалъ, улыбаясь: «ты, Щепкинъ, ужъ слишкомъ шибко говоришь, а впрочемъ хорошо, хорошо.»

Наконецъ, насталъ давно-желанный день. Изъ классовъ вынесли скамейки, и комнату раздѣлили пополамъ: одну половину устали стульями, а другая служила сценой; за нею повѣсили пологъ съ кровати,

въ родѣ задней занавѣсы, изъ-за которой мы и выходили. Учитель пригласилъ всѣ городскія власти: городничаго, судью, исправника и прочихъ, кромѣ того семейства всѣхъ участвовавшихъ въ комедіи. Надо сказать, что для нѣкоторыхъ это было совершенно неожиданно, особенно для властей, и сколько помню, когда учитель сдѣлалъ приглашеніе городничему, то онъ немного изумился и даже сдѣлалъ вопросъ: не будетъ ли въ этомъ представленіи чего-нибудь неприличнаго? Но когда учитель увѣрилъ, что, за исключеніемъ барыни, которая бьетъ свою дѣвку башмакомъ, нѣтъ ничего такого, — «ну, въ этомъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго!» сказалъ городничій.

Въ пять часовъ вечера собрались зрители. Актеры одѣлись кто какъ могъ поопрятнѣй, поумылись, причесались; играющіе женскія роли, разумѣется, были одѣты, смотря по содержанію роли: сестра была въ бѣломъ платьѣ, съ ленточкой на головѣ, въ башмакахъ на высокихъ колодочкахъ. На мнѣ былъ длинный сюртукъ и розовый платокъ на шеѣ. Посѣтители усѣлись, и началось представленіе.

Въ началѣ я какъ будто струсиль, но потомъ былъ въ такомъ жару, что себя не помнилъ, и чувствовалъ какое-то самодовольствіе, видя, что быстрѣе меня никто не говоритъ. Посѣтители были очень довольны, хлопали на пропалую, а городничій изрѣдка одобрялъ словесно: «хорошо, лихо!» и тому подобными восклицаніями. По окончаніи пьесы насъ всѣхъ позвали и

начали расхваливать; а родители игравших осыпали дѣтей поцѣлуями и потомъ стали изъяслять благодарность учителю за то, что помѣстилъ ихъ дѣтей въ число играющихъ. Городничій и исправникъ были въ полномъ удовольствіи и говорили, что они никакъ не ожидали, чтобы все было такъ хорошо.

Такъ кончился день, для меня весьма памятный; но мнѣ предстоялъ еще другой, гораздо торжественнѣе этого. Возвратясь на квартиру, въ пьяной радости, мы пересказали всѣмъ живущимъ въ домѣ, какъ насъ хвалили, и къ большей еще радости узнали, что отецъ прислалъ за нами лошадей; потому что на масленицу распускали учениковъ. Ночь проспалъ я, разумѣется, славно; во снѣ все грезился мнѣ спектакль, что будто я играю, что совсѣмъ не знаю роли, что я одѣтъ Богъ знаетъ какъ—неприлично, и тому подобное. На другой день пошелъ я къ учителю проситься въ отпускъ. Дорогой забѣжалъ къ двумъ-тремъ товарищамъ рассказать имъ мимоходомъ, какъ меня всѣ хвалили. Когда я пришелъ къ учителю и объявилъ ему мою просьбу, онъ отвѣчалъ, что отпустить меня не можетъ съ сестрой раньше четверга; потому что городничій просить, чтобы комедію сыграли у него въ домѣ въ среду: въ этотъ день онъ, по случаю бракосочетанія дочери своей, вышедшей за откупщика Д., даетъ молодымъ обѣдъ; гостей будетъ много, и онъ хочетъ этимъ, что называется, потѣшить весь городъ. Я былъ внѣ себя отъ радости; но вмѣстѣ съ тѣмъ показывалъ, что это ста-

вить насъ въ затруднительное положеніе, что за нами присланы лошади, что держать ихъ до четверга нѣтъ никакой возможности, потому что нечѣмъ кормить. Учитель подумалъ, и къ удовольствію моему уничтожилъ это затрудненіе. «Ты, сказалъ онъ, отпусти лошадей и напиши къ отцу, по какому случаю вы оставлены; а я скажу городничему: онъ возьметъ у исправника предписаніе, и вы поѣдете на обывательскихъ. А между тѣмъ соберитесь завтра да прорепетируйте комедію, чтобы еще подтверже было; а то вотъ К. чуть было не остановился во время представленія; хорошо, что онъ игралъ дурака, такъ это ничего, а то бы просто срамъ да и только!»

Получивъ отъ учителя разрѣшеніе на такой затруднительный вопросъ, по случаю поѣздки, и выслушавъ наставленіе касательно репетиціи, я вышелъ отъ него съ ужасною гордостью: я видѣлъ, что я необходимъ, что безъ меня спектакль не поидеть, и городничій и городъ будутъ лишены удовольствія, и что все это зависитъ отъ меня, какъ будто бы я одинъ игралъ всю пьесу. Разумѣется, первымъ дѣломъ моимъ было обѣгать всѣхъ, кто участвовалъ въ пьесѣ, и повѣстить ихъ, чтобы завтра они собрались къ учителю на репетицію, что мы играемъ комедію въ среду въ домѣ городничаго, по его усиленной просьбѣ, — что за мною съ сестрой прислали было лошадей, но что учитель упросилъ меня остаться до среды и лошадей отпу-

стить, потому что мнѣ дадутъ предписаніе и что я поѣду на перемѣнныхъ, и прочее.

Кромѣ того я забѣгалъ къ нѣкоторымъ товарищамъ, не участвовавшимъ въ представленіи, и имъ, какъ слѣдуетъ, мимоходомъ было рассказано тоже самое, только съ разными варіаціями.

По приказанію учителя, лошади были отпущены, и я написалъ къ отцу о причинѣ, по которой мы остались до четверга. Въ четвергъ къ обѣду, писалъ я, мы будемъ непремѣнно, потому что поѣдемъ по предписанію на перемѣнныхъ; а теперь никакъ не можемъ ѣхать — безъ насъ спектакль не можетъ быть сыгранъ.

Два дня дѣлались репетиціи, на которыхъ присутствовалъ самъ учитель и безпрестанно повторялъ: «хорошенько, дѣти, хорошенько! чтобъ не осрамиться!» Онъ велѣлъ въ среду собраться въ домъ уѣзднаго секретаря, сынъ котораго игралъ въ комедіи, поопрятнѣе и поприличнѣе всѣмъ одѣться, а часа въ четыре отправиться въ домъ городничаго, который былъ недалеко отъ дома секретаря.

Праздникъ, который давалъ городничій для своихъ молодыхъ, привелъ въ волненіе весь городъ. Народъ на рынкѣ и въ особенности торговли толковали, что праздникъ будетъ знатный, что, какъ слышали онѣ, даже плошки заказаны, что музыку привезли отъ подгороднаго помѣщика, что цыганы будутъ плясать и даже будетъ какая-то комедія. И пошли толки по всему рынку. Что за комедія? кто будетъ играть? Одни тол-

ковали, что прїѣзжіе штукари будутъ глаза отводить, т. е. вотъ, напримѣръ, покажется вдругъ, что вы по колѣни въ водѣ, и вы изъ предосторожности подымете платье, чтобъ не замочить его, анъ глядь — и нѣтъ ничего, и разныя другія будутъ мороченья. Другіе говорили, что все это вздоръ, что они точно слышали отъ учительской кухарки, что учитель цѣлый годъ училъ дѣтей играть комедію, и что она уже играна въ прошлое воскресенье. И много другихъ было предположеній. Съ рынка новость эта перенесена была въ дома, которые еще не знали объ ней, такъ что въ среду весь городъ былъ на ногахъ. Бѣгали, суетились, сообщали другъ другу свои догадки; словомъ, болтовнѣ не было конца. Уже съ полудня начали стекаться къ дому городничаго толпы народа, а къ четыремъ часамъ къ нему не было уже никакого прохода. Жена секретаря принуждена была посылать въ полицію просить квартальнаго провести дѣтей, которые будутъ играть комедію. Вскорѣ появился квартальный съ двумя будочниками, и мы, подъ охраненіемъ сей стражи, отправились къ дому градоправителя. Съ большимъ трудомъ провели насъ сквозь толпы народа. Когда мы прибыли въ домъ, гости были уже въ порядочномъ разгарѣ, потому что пошли въ ходъ стаканы съ пуншемъ: шумъ, говоръ, смѣхъ оглушили насъ, такъ что мы, или по крайней мѣрѣ я порядочно струхнулъ. Какъ играть передъ такимъ множествомъ народа и предъ такими лицами? (На этотъ разъ уже были и предводитель дворянства, всѣ засѣдатели и даже

нарочный изъ губернаторской канцеляріи.) Когда дали знать учителю, что мы пришли, онъ шепнулъ городничему. Городничій крикнулъ довольно замысловато, и обратясь ко всѣмъ, сказалъ: «ну, дорогіе гости! теперь я васъ угощу тѣмъ, чего еще никогда здѣсь не бывало, и какъ стоитъ городъ нашъ, такого чуда еще не было, и все вотъ по милости моего пріятеля.» При этомъ онъ указалъ на учителя. «Вотъ такую шутку соорилъ изъ дѣтей, что просто животики надорвешь! Итакъ милости просимъ садиться.» Разставили стулья и усѣлись; а тѣ, которымъ не достало мѣста, смотрѣли изъ гостиной въ двери. Мы должны были выходить изъ лакейской, набитой биткомъ музыкантами и лакеями, а въ залѣ оставлено было для насъ такъ мало мѣста, что играть пришлось передъ самымъ носомъ гостей. Въ первомъ ряду, разумѣется, сидѣли первые сановники съ дамами, которые составляли аристократію этого города.

Отъ начала до конца пьесы хохотъ не прерывался; хлопали безпрестанно, однимъ словомъ — такой былъ шумъ, что насъ, я думаю, и на половину не слышали. По окончаніи же пьесы, всѣ гости наперерывъ осыпали насъ похвалами; дамы всѣхъ цѣловали, а самъ городничій, притопывая ногой, кричалъ: «славно, дѣти, славно! Спасибо И. И.! то есть вотъ какъ одолжилъ! Ну, дѣти, на масляную вамъ рубль денегъ... да подайте имъ большой пряникъ, что вчера принесли мнѣ!»

Рубль мѣдныхъ денегъ тотчасъ же былъ врученъ одному изъ игравшихъ въ комедіи. Когда же принесли пряникъ, удивившій своей величиною (въ немъ было, по крайней мѣрѣ, аршина полтора длины и аршинъ ширины), городничій потребовалъ ножъ, и на кругломъ столѣ собственноручно разрѣзалъ пряникъ съ математическою точностью на восемь кусковъ, и каждому игравшему вручилъ слѣдующую часть. При томъ, цѣлуя каждого, приговаривалъ: «хорошо, плутишка!» Меня же для отличія отъ прочихъ, согласно моему званію, погладилъ по головѣ, потрепалъ по щекѣ и позволилъ поцѣловать свою ручку, что было знакомъ величайшей милости, да прибавилъ еще: «ай да Щепкинъ! молодецъ! бойчѣе всѣхъ говорилъ; хорошо, братецъ, очень хорошо! Добрый слуга будешь барину!» Послѣ чего велѣно было насъ отпустить. Съ трудомъ отыскавши свои шубенки, уже безъ проводниковъ, пустились мы сами прочищать себѣ дорогу сквозь толпу любопытныхъ и очутились въ крайнемъ затрудненіи. Къ счастью, кучеръ городничаго закричалъ: «пропустите, толкачи проклятые! это дѣти, которые играли комедію.» Въ этихъ словахъ было что-то магическое: толпа раздвинулась и даже помогла намъ пройти, толкая другъ друга. Нѣкоторые изъ очень любопытныхъ проводили насъ даже до дома секретаря, куда отправились мы, чтобы раздѣлить жалованный капиталъ. Оттуда разбрелись всѣ по своимъ домамъ.

Я былъ въ такомъ чадѣ, что мнѣ все казалось

сномъ, и если бы не огромный кусокъ пряника и не двадцать пять копѣекъ, доставшихся мнѣ съ сестрою по раздѣлу, если бы не эта сумма, слишкомъ громко звенѣвшая въ заднемъ карманѣ сюртука моего, при каждомъ моемъ движеніи, то я точно усомнился бы въ дѣйствительности. Что тогда было у меня на мысли, что меня волновало, я не могу выразить; только мнѣ было такъ хорошо, такъ весело, что и сказать нельзя. Говорили, что къ свѣтлому празднику хотѣли разучить еще комедію; но это не состоялось, потому что не отыскалось другой комедіи, или, что всего вѣрнѣй, потому что отъ игранный комедіи разстроился весь городъ, и учителю было не очень ловко. Родители дѣтей, неучаствовавшихъ въ пьесѣ, сильно оскорбились, что ихъ дѣти обойдены; между тѣмъ они вездѣ громко кричали, что сами своимъ дѣтямъ не позволили играть, хотя учитель и хотѣлъ помѣстить ихъ, — что, дескать, какъ можно дѣтей благородныхъ отцовъ занимать такими мерзостями, и что какъ тѣ отцы одурѣли, что позволили дѣтей своихъ сдѣлать скоморохами; дѣло другое дѣти Щепкина: ну, ихъ и родъ ужъ такой! изъ нихъ все, что хочешь, дѣлай! — и что-де надо довести до высшаго начальства, чтобы лучше учили дѣтей, а не дѣлали ихъ лицедеями. Отъ тѣхъ или другихъ подобныхъ сплетней, или за неимѣніемъ комедіи, только спектакль другой не состоялся.

Получивъ два предписанія, для полученія лошадей: одно отъ городничаго въ волостное правленіе, а дру-

гое отъ исправника въ заштатный городъ Мирополье, который былъ намъ по пути, я съ величайшей гордостію отправился за ними въ волостное правленіе, и представляя предписаніе, покрикивалъ, чтобы скорѣе давали лошадей. По полученіи ихъ, я пріѣхалъ на квартиру, уложилъ свое имущество и съ особеннымъ тщаніемъ завернулъ пряники, которые мы рѣшились сохранить въ цѣлости и, какъ трофей торжества нашего, представить отцу и матери, а въ знакъ бережливости привезти въ наличности жалованье двадцать пять копѣекъ. Такимъ образомъ посадили, или, лучше сказать, уложили насъ въ сани, завернули въ бараньи тулупы сверхъ нашихъ шубенокъ, которые обыкновенно зимою изъ дому присылались, чтобы не переморозить насъ (отпуская присланныхъ отъ отца лошадей, я догадался удержать ихъ), и мы съ сестрой наконецъ отправились на тройкѣ обывательскихъ лошадей. Проѣзжая по городу мимо знакомыхъ домовъ, я покрикивалъ: пошелъ!... Выѣхавъ за заставу, тоже изрѣдка покрикивалъ. Дорогой пришло намъ на мысль заѣхать въ Александровку къ Шеповалкѣ и рассказать ей все, что было, и показать куски пряника, чему она будетъ очень рада и накормить насъ бубликами и медомъ. Надобно знать, что Александровкой назывался хуторъ, въ числѣ другихъ имѣній находившійся подъ управленіемъ отца моего, куда мы хотя изрѣдка въ вакантное время ѣзжали съ матерью на нашу пасѣку, которая тамъ находилась, и во время пріѣздовъ всегда останавлива-

лись у Шеповалки. (Тутъ-то мы познакомились съ ея бубликами, которыми она прославилась.) Только вотъ бѣда, надо было свернуть въ сторону съ лежащаго пути; поѣдетъ ли мужикъ въ сторону. А между тѣмъ, во время такихъ размышленій, морозъ съ вѣтромъ началъ насъ сильно пронимать; какъ ни тщательно закутали насъ въ тулупы, но дорогою отъ ухабовъ все это раскрылось, и бѣдные актеры, забывъ все, принялись горько плакать; мужикъ обернулся къ намъ, поглядѣлъ на насъ, покачалъ головой и прехладнокровно сказалъ: «отъ-же дитва замерзне!» Тутъ только изъявили мы свою просьбу завезти насъ въ Александровку отогрѣться, и обѣщали, что ему тамъ дадутъ пообѣдать и что лошадямъ сѣна дадутъ, что Александровка наша, и что я все это прикажу. Не знаю, это ли убѣдило малороссіянина, или ему просто жаль насъ стало, только онъ рѣшился исполнить просьбу нашу, сказавъ: «ну, добре, хлопцы! тилько пострывайте, я васъ заверну хорошенько кожухами, та лежить, не ворочайтесь; а то щобъ и вправду не замерзли. Бачъ, якъ дере морозъ!» Исполнивъ сказанное, онъ присвиснулъ на лошадей, и чрезъ полчаса мы были на мѣстѣ. Шеповалка выбѣжала, втащила насъ по одиначкѣ въ теплую свѣтлицу, окостенѣлыхъ отъ холода и всхлипывающихъ. Мы объяснили ей, что мы совсѣмъ замерзли, что мы играли комедію, что ѣдемъ на обывательскихъ, что намъ подарили два куса пряника и двадцать пять копѣекъ денегъ, и все

это было высказано со слезами и дрожа всѣмъ тѣломъ. «Да ну вже мовчить, диточки! перше отогрійтесь, а то уже раскажете.» И снявъ съ насъ шубенки и сапоги, положила насъ на печь прямо въ горячее жито, которое было насыпано для сушки; оно приняло насъ, такъ сказать, въ свои теплыя объятія. Мы очень скоро отогрѣлись, а особливо, какъ она подала намъ горячаго молока, а на закуску бубликовъ съ медомъ. Когда потъ градомъ валилъ съ насъ, мы свѣсили головы съ печи, и наконецъ рассказали хозяйкѣ всѣ наши подвиги, разумѣется, съ украшеніями. Трудно было ей втолковать, чтò такое комедія; да къ тому-же ей, я думаю, трудно было и понять насъ, потому что мы съ сестрой говорили оба вдругъ, такъ что насъ и разобрать нельзя было. Изъ всего рассказаннаго она заключила, что мы очень умныя дѣти; подводчикъ былъ накормленъ, лошади его тоже; Шеповалка прибавила намъ на дорогу еще овчинный тулупъ, и мы отправились въ Мирополье, гдѣ должно было мѣнять лошадей и гдѣ жила наша родная тетка, бывшая замужемъ за миропольскимъ мѣщаниномъ. Не стану описывать, съ какою важностію рассказывали мы теткѣ о нашихъ подвигахъ и съ какою гордостію дядя ходилъ съ предписаніемъ въ волостное правленіе и вытребовалъ лошадей, потому что все это было въ томъ-же тонѣ; а расскажу прямо пріѣздъ нашъ домой. Мать выбѣжала, прислуга тоже, внесли насъ въ комнаты, мать плакала отъ радости, отецъ пресерьёзно позволилъ себя поцѣловать, сказавъ:

«что? промерзли! сами виноваты, почему тогда не поѣхали; въ повозкѣ было бы теплѣй. Да что ты вралъ въ письмѣ? какую ты тамъ игралъ комедію?» Я было хотѣлъ уже рассказывать, но онъ остановилъ: «ну, ну! послѣ расскажешь, а теперь отогрѣвайтесь; да напой ихъ чаемъ, Маша! видишь, какъ продрогли.» Это меня очень удивило: не въ первый разъ насъ привозятъ продрогшихъ, но чаемъ никогда не поили: что-жь бы это значило? этого я не могъ рѣшить; но нетерпѣніе удивить отца и мать своими подвигами заставило меня во время питья чаю все рассказать: все объяснили, и какъ мы играли, и какъ насъ хвалили, и что намъ подарили двадцать пять копѣекъ и два куска пряника. Тутъ отецъ, шутя, улыбнулся, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ: «ну, пей чай, да повтори, что ты тамъ игралъ; я посмотрю, братъ, каковъ ты молодецъ.» Признаюсь, я былъ радъ, что онъ вызвался меня послушать; думаю: покажу же я ему себя! ужъ когда городничій и прочіе дворяне довольны были, такъ ужъ человѣкъ его званія еще болѣе будетъ доволенъ — и я съ восторгомъ ожидалъ минуты испытанія. Надобно вамъ сказать, что отецъ мой, на мою бѣду, лѣтъ по нѣскольку живалъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ и не одинъ разъ бывалъ въ театрѣ, и разумѣется, видѣлъ лучшихъ артистовъ того времени, и даже, по его словамъ, видалъ спектакли въ эрмитажѣ; все это объяснилось для меня уже послѣ. Когда дошло до дѣла и я началъ болтать свою роль съ ужасной быстро-

той, отецъ расхохотался, а мать отъ радости плакала, видя въ сынѣ такую бойкость. Я же, примѣтивъ, что произвожу такое дѣйствіе, еще быстрѣй и громче пустился работать и съ самодовольствіемъ подмигивалъ сестрѣ: дескать, знай нашихъ! пусть, дескать, отецъ увидитъ, каковъ я; не станетъ уже безпрестанно ворчать! Все это толпилось въ головѣ моей во время хохота отца; но судите же мое удивленіе, когда отецъ остановилъ меня: «ну, ну! говорить, довольно; и вы всѣ такъ играли?» — Всѣ, отвѣчалъ я, и я лучше всѣхъ! «И васъ хвалили?» — Хвалили. «И учитель былъ доволенъ?» — Очень доволенъ! Тутъ отецъ ѣдко усмѣхнулся и примолвилъ: «дураки вы, дураки! за такую игру и васъ всѣхъ и учителя выдрать бы розгами!»

III.

Въ 1802 году привезли меня въ Курскъ и отдали въ губернское училище, которое состояло изъ четырехъ классовъ, и по экзамену меня приняли въ 3-й классъ. Это было въ первыхъ числахъ марта, и хотя до переходнаго годичнаго экзамена, который бывалъ обыкновенно въ первыхъ числахъ іюня, оставалось немного времени, но я успѣлъ догнать всѣхъ

своихъ товарищей, что въпрочемъ, было очень не трудно; потому что все ученіе основывалось тогда на одной памяти. Всѣ науки, исключая математику, законъ божій и церковную исторію, диктовались учителемъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, въ слѣдующей на примѣръ формѣ: *Вопросъ*. «Какая была причина войны троянской?» *Отвѣтъ*. «Причина была слѣдующая: потомки Пелопсовы, усилившись въ разныхъ странахъ Пелопонеса, не могли забыть обиды, которую учинили трояне предку ихъ Пелопсу лишеніемъ его владѣнія во Фригійи и изгнаніемъ изъ оной. Сверхъ того примѣтили греки, что они будутъ имѣть препятствіе въ плаваніи по Черному морю, пока трояне въ силѣ своей пребудутъ, почему и ожидали только случая объявить войну троянамъ.» Такіе вопросы и отвѣты ученикъ долженъ былъ выучить слово въ слово, и Боже сохрани, если кто изъ учениковъ осмѣлился бы измѣнить фразу и сказать своими словами: такого ставили на замѣчаніе, какъ нерадиваго и невнимательнаго. Такимъ образомъ, при моей памяти, мнѣ было легко стать не только на ряду съ своими товарищами, но даже и выше, такъ что на экзаменѣ я оказался первымъ ученикомъ и получилъ въ награду книгу: «О должностяхъ челоуѣка и гражданина», съ надписью: *За прилежаніе*. Такъ какъ въ училище поступилъ я въ концѣ года, то все, что было пройдено до меня и записано по диктовкѣ учениками, я доставалъ у кого-нибудь изъ товарищей; бралъ, обыкновенно въ субботу, записки изъ

какого-нибудь предмета, и въ понедѣльникъ возвращалъ, изучивъ ихъ слово въ слово; за такое одолженіе я помогалъ товарищамъ въ рисовальномъ классѣ составлять краски и владѣть искусно кистью. Такимъ образомъ на будущій учебный курсъ меня перевели въ 4-й классъ, гдѣ уже прибавились языки нѣмецкій и латинскій. Послѣднимъ я занимался немного еще въ Бѣлгородѣ, у священника; а нѣмецкому учили насъ по книгѣ, называемой: «Зрѣлище вселенной», съ нѣмецкимъ и латинскимъ текстомъ и съ русскимъ переводомъ. Но это ученье продолжалось недолго: съ восьмисотъ втораго года народное губернское училище приготовлялось уже къ переименованію въ губернскую гимназію, въ которой прибавился классъ французскаго языка. Къ моему несчастію крѣпостнымъ людямъ не позволялось быть въ этомъ классѣ; это меня такъ оскорбило, что я не сталъ ходить ни въ нѣмецкій, ни въ латинскій классы.

Въ 4-мъ классѣ словесность преподавалась въ современной формѣ; за тѣмъ: всеобщая и русская исторія, географія, естественная исторія, изъ математики — вторая часть ариѳметики, геометрія, и также часть механики, архитектуры и физики. Изъ трехъ послѣднихъ насъ знакомили, конечно, только съ начальными основаніями; такъ мы узнали, напримѣръ, что такое астролябія, компасъ, рычагъ, блокъ и воротъ, что такое колонна, карнизъ и модуль, но не болѣе. Словесныя науки и историческія, кромѣ церковной исторіи и зако-

на божія, преподавалъ П. Г. К., а математическія — С. А. Зубковъ. У перваго было любимое слово въ обращеніи къ кому-либо изъ учениковъ, именно слово — ракалія, съ произношеніемъ на о; оно служило ему и въ изъявленіяхъ ласки, и на случай выговора. Сколько припоминаю, онъ отличался разными, назидательными для учениковъ наставленіями, такъ наримѣръ: «когда тебѣ, рокалія, предлагаютъ на экзаменѣ вопросъ, и ты его не знаешь, то вмѣсто его отвѣчай изъ той-же науки, чтò знаешь; тогда подумаютъ, что ты не вслушался въ вопросъ, а не то, что ты не знаешь его.» И много было у него подобныхъ родительскихъ наставленій. Этотъ же учитель словесности завѣдывалъ и рисовальнымъ классомъ, за неимѣніемъ учителя рисованія, и здѣсь также не обходилось у него безъ нѣкоторыхъ нравственныхъ наставленій; такъ наримѣръ: при началѣ урока онъ отправлялъ обыкновенно всѣхъ учениковъ въ 3-й классъ, окна котораго выходили не на улицу, а на училищный дворъ, и гдѣ срисовывать на стекло было поѣтому не предосудительно. Срисовка на стекло дѣлалась, по его словамъ, для скорости, а перемѣщеніе учениковъ въ 3-й классъ для того, «чтобъ проходящіе не могли подумать, какъ говорилъ онъ, что я васъ такъ и учу»; а всѣмъ извѣстно было, что онъ и карандаша не умѣлъ держать — какъ слѣдуетъ, и занималъ этотъ классъ только изъ-за прибавочнаго жалованья. И если случалось ему замѣтить, что кто-нибудь изъ учениковъ, поторопясь при съемкѣ

на стекло, сдѣлаетъ ошибку, и онъ рѣшался поправить ее карандашемъ отъ руки, то такая поправка сохранялась, какъ рѣдкость; ученикъ въ другой разъ снималъ рисунокъ на стекло, а поправленный оставался, какъ документъ неискusstва учителя. Ариѳметику преподавали намъ очень недурно, но къ несчастію учитель часто бывалъ въ веселомъ расположеніи, или просто—навеселѣ, и ученики этимъ пользовались; такъ бывало, когда онъ только что появится въ классъ, и мы замѣтимъ его веселость, то прежде, чѣмъ успѣетъ онъ дойти до учительскаго стола, — кто-нибудь изъ учениковъ подбѣжитъ къ нему, съ слѣдующею, наприкладъ, жалобой: «какъ-же, С. О., Щепкинъ говоритъ, что пушки въ полтавскомъ сраженіи не такъ были поставлены, какъ вы рассказывали?» или что-нибудь подобное, только бы рѣчь шла о полтавской битвѣ. Онъ былъ жаркій почитатель Петра Великаго, и полтавская битва была для него выше всѣхъ происшествій міра сего. Первымъ словомъ его на это бывало: «почему онъ такъ говоритъ? Потому, что онъ дуракъ, и я ему, дураку, это докажу!» — и тутъ-же бывало возьметъ мѣлъ, подойдетъ къ доскѣ и начнетъ чертить планъ сраженія, со всѣми подробностями: гдѣ стояла наша пѣхота, гдѣ кавалерія, гдѣ казаки, гдѣ артиллерія, съ поименованіемъ всѣхъ начальниковъ, кто чѣмъ командовалъ. Потомъ начертитъ планъ, какъ стояла армія Карла XII, тоже со всѣми подробностями. «Ну, вотъ видите, дураки! вотъ какъ все это было на са-

момъ дѣлѣ» — и переведа духъ, начнетъ бывало говорить о началѣ сраженія, и тутъ одушевленіе его уже не имѣло предѣловъ. Разсказывалъ все это онъ съ величайшими подробностями, и нѣсколько разъ прибѣгалъ къ такому обороту: «Карлъ, видя, что дѣло не подается въ его пользу, вдругъ выдумаетъ штуку и выкинетъ такой чертовской маневръ, что намъ точно было плохо; но батюшка, великій государь Петръ, который, находясь вотъ здѣсь» — и укажетъ тотчасъ мѣсто на доскѣ — «все это видѣлъ, на его маневръ такъ командуетъ и такую поднесетъ ему штуку, что всѣ его хитрости ему же на пагубу.» И все это объяснялъ онъ съ величайшею душевною теплотой, не забывая ни одного движенія, ни одного лица, кто гдѣ отличался въ этотъ достопамятный для Россіи день. Но когда доходилъ до мѣста, гдѣ былъ страшный бой, гдѣ обѣ стороны поставлены были въ положеніе умереть, или побѣдить, тутъ онъ заливался горячими слезами и съ страшнымъ энтузіазмомъ говорилъ, что «батюшка Петръ «тутъ показалъ себя, что онъ такой человѣкъ, какого «еще не было, и матушка Россія ему сочувствовала въ «этомъ великомъ дѣлѣ: Карлъ разбитъ, этотъ современ- «ный герой, на котораго Европа смотрѣла, какъ на великаго полководца, палъ ницъ и утратилъ въ полтавской битвѣ всю свою славу, пріобрѣтенную годами. И «на самомъ этомъ мѣстѣ, гдѣ была страшная бойня, воз- «вышается могила, подъ которой похоронены тѣла убитыхъ; это—огромнаго размѣра холмъ, теперь уже ума-

«лившійся отъ времени, и на немъ стоитъ великій памятникъ великаго дня; памятникъ этотъ есть ни что иное, какъ святой крестъ, большаго размѣра, который «и будущимъ вѣкамъ укажетъ, что такое былъ для Россіи — Богомъ данный великій Петръ!» Какъ рассказъ такой продолжался довольно долго, то этимъ обыкновенно и оканчивался классъ: «Ну, дѣти! заговорился я съ вами; тройное правило начнемъ въ слѣдующій разъ...» — и это повторялось довольно часто.

Преподавателя закона божія и церковной исторіи, который былъ протоіерей изъ прихода Смоленской Божіей Матери, отецъ З., я мало помню; кажется, я рѣдко ходилъ въ его классъ, потому что, живши въ Бѣлгородѣ, у очень умнаго священника, я зналъ все по этимъ предметамъ, въ той формѣ, какъ тогда преподавалось: зналъ всѣ библейскія происшествія, имена всѣхъ пророковъ, всѣ замѣчательныя эпохи, зналъ хорошо Давида, со всѣми эпизодами его царствованія, а псалтырь его читалъ наизусть; однимъ словомъ, я очень силенъ былъ въ древней священной исторіи, а изъ новой — зналъ имена всѣхъ евангелистовъ, апостоловъ и прочихъ распространителей христіанской церкви, и на репетиціяхъ, передъ экзаменомъ, отецъ З. ставилъ меня всегда въ примѣръ ученикамъ: «вотъ вы занимались бы, какъ Щепкинъ, вамъ и не было-бъ такъ стыдно»; а того онъ и не замѣчалъ, что я рѣдко бывалъ въ классѣ, а только спрошу бывало у товарищей, о чемъ вчера была лекція, и тотчасъ переберу все въ

своей головѣ; если-жъ случилось, что я плохо что-нибудь помнилъ, то сейчасъ же загляну въ книгу: «Сто четыре священные исторіи», и припомню опять все, что нужно. Поэтому, не смотря на такой родъ ученья, я былъ первымъ ученикомъ, и это зналъ весь городъ; самъ губернаторъ П. П. Протасовъ обращалъ на меня особенное вниманіе, очень ласкалъ меня и каждый свѣтлый праздникъ присылалъ мнѣ полсотню красныхъ яицъ и 5 р. ассигнаціями денегъ, въ чемъ мнѣ всѣ завидовали. Даже прикащикъ въ книжной лавкѣ любилъ меня, предложилъ мнѣ приходить въ лавку и давалъ мнѣ на домъ книги для чтенія. Притомъ я пользовался книгами изъ библіотеки Ипполита Ѳедоровича Богдановича. Это произошло случайно: однажды въ воскресенье Богдановичъ пріѣхалъ къ графу Волькенштейну; вошедши въ залу, онъ увидѣлъ меня съ книгой въ рукахъ и тотчасъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «ты, душенька, любишь читать?» и на отвѣтъ — да, онъ взялъ у меня книгу изъ рукъ и прочиталъ заглавіе: «Мальчикъ у ручья». — Да, это довольно мило; но тебѣ, душенька, въ эти годы надо читать книги, которыя бы научали тебя, развивали бы твой умъ; или, можетъ быть, онѣ скучны? — Я въ отвѣтъ: «читаю то, что дастъ книгопродавецъ.» — Ну, такъ приходи ко мнѣ, я тебѣ буду давать книги; только будь аккуратенъ, не держи долго, не рви и не пачкай. Я въ этотъ же день былъ у него, и онъ мнѣ далъ — какъ теперь помню — «Ядро російской исторіи», и

велѣлъ расписаться. Когда по прочтеніи я принесъ книгу обратно, онъ, осмотрѣвши ее, сказалъ: «вотъ умница! бережешь книги.» Потомъ разспросилъ, что я упомнилъ, и какъ при моей памяти я рассказалъ ему обо многомъ изъ нея, то онъ поцѣловалъ меня въ голову и сказалъ: «хорошо, душенька, учись, учись! это и въ крѣпостномъ состояніи пригодится.» Съ тѣхъ поръ онъ постоянно надѣлялъ меня книгами, съ такою же акуратностью всегда спрашивая отчетъ о содержаніи прочитаннаго. «Если чего не поймешь, говаривалъ онъ мнѣ, ты, душенька, не стыдись спросить у меня: я тебѣ можетъ быть и помогу.» Но все это длилось очень недолго: Богдановичъ сдѣлался нездоровъ и умеръ—или въ послѣднихъ числахъ декабря 1802, или въ первыхъ января 1803 года; опредѣлить точно не могу, только знаю, что это было около того времени: доказательствомъ можетъ служить то, что онъ выписалъ на 1803 годъ журналъ «Вѣстникъ Европы», который по смерти его оказался лишнимъ; братъ его, бывшій въ то время городничимъ въ Сумахъ, зная моего отца и помня, что покойникъ ласкалъ меня, передалъ билетъ отцу моему, и такимъ образомъ мы имѣли журналъ этотъ, какъ наслѣдство отъ знаменитаго поэта. Одно меня долго удивляло: при жизни еще Богдановича, я нѣсколько разъ просилъ у него прочесть его «Душеньку»; но онъ всегда отказывалъ, приговаривая: «послѣ, послѣ, душенька! еще успѣешь.» Съ кончиною его, чтеніе мое не прекратилось; я лишился только

указателя, о смерти котораго горевалъ долго; прежній книгопродавецъ одолжалъ меня книгами по своему произволу. Между тѣмъ ученіе шло своимъ порядкомъ, съ маленькимъ даже улучшеніемъ: учитель математики, опасаясь, чтобъ при открытіи гимназіи его не замѣнили другимъ, сталъ рѣже являться готовымъ къ разсказамъ о полтавской битвѣ, довольно серьезно началъ проходить геометрію и въ скоромъ времени довелъ насъ до того, что познакомилъ и съ практикой. Мы ходили съ нимъ въ поле и измѣряли озеро, съ помощью астролябіи и всѣхъ принадлежностей, нужныхъ для измѣренія; потомъ онъ научилъ насъ какъ записывать углы и румбы, такъ, чтобы возвратясь домой, къ будущему классу всякій положилъ на планъ измѣренное, что и было исполняемо, хотя не всѣми аккуратно. Мною вообще онъ былъ всегда доволенъ, и послѣ нѣсколькихъ вояжей, я уже былъ дѣйствующимъ у астролябіи.

Страстишка къ театру шла также своимъ путемъ, и къ моему счастью, между учениками 3-го класса былъ ученикъ Городенскій, родной братъ по матери содержателямъ театра, гг-мъ Барсовымъ. Такъ какъ въ рисовальный урокъ всѣ ученики соединялись въ третьемъ классѣ, по извѣстной уже причинѣ, то я тутъ и познакомился съ Городенскимъ и взялъ его, такъ сказать, подъ свое покровительство; а онъ за это, если я почему-нибудь опаздывалъ забраться въ театральнй оркестръ съ музыкантами, которые были изъ нашего дома, и которымъ я всегда помогалъ таскать въ театръ

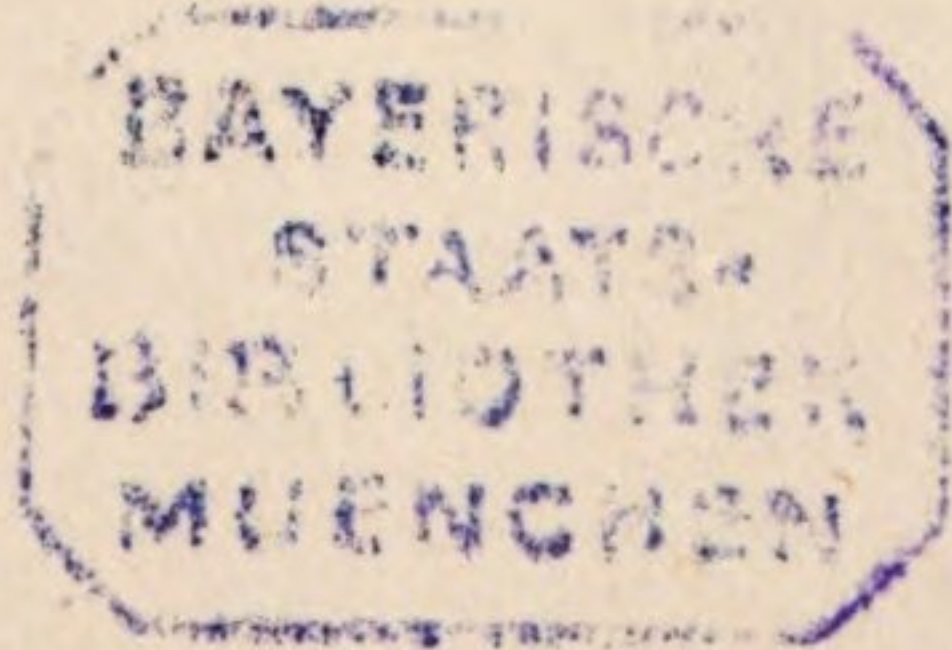
или литавру, или контрабасъ, провожалъ меня въ такомъ случаѣ въ раѣкъ, гдѣ мнѣ было смотрѣть гораздо удобнѣе, чѣмъ изъ оркестра. Случалось, что Городенскій приглашалъ меня къ себѣ обѣдать; тамъ я узналъ его семейство: отца, Вакха Андреевича, и старшихъ сыновей: М., А. и Петра, которые были содержателями театра. Старшій изъ этихъ сыновей былъ уже на волѣ, а меньшіе — еще крѣпостные, и меня удивляло одно: они тоже были господскіе, а съ ними — и ихъ господа, и весь городъ обходились не такъ, какъ съ крѣпостными, да и они сами вели себя какъ-то иначе, такъ что я даже завидовалъ имъ, и все это приписывалъ не чему иному, какъ именно тому, что они актеры; а потому быть актеромъ — была главная моя цѣль. Во время вакаціи, въ деревнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ день именинъ графини всегда игралась какая-нибудь опера, и я помню, что однажды умолялъ регента П. Г. Смирнова, чтобы мнѣ дали какую-нибудь роль въ «Несчастьи отъ кареты», и мнѣ дали роль Фирюлина, хотъ мнѣ было только 14 лѣтъ. Итакъ, я игралъ Фирюлина, а покойная сестра Александра—Фирюлину. Ну, про радость, которую я тогда чувствовалъ, я не буду говорить, потому что на это и словъ нѣтъ; а особливо когда покойный графъ, послѣ спектакля, погладивъ меня по головѣ, сказалъ: «хорошо, Миша, хорошо!» и тутъ-же далъ мнѣ поцѣловать свою руку.

Теперь считаю нужнымъ познакомить читателя съ домашнимъ образомъ моей жизни: вѣдь изъ всѣхъ-то этихъ

мелочей и составилось мое будущее. Когда отдали меня въ ученье, то приказано было, чтобъ я обѣдалъ и ужиналъ у П. Б., любимой женщины графини; а когда послѣ экзамена я оказался первымъ ученикомъ, то велѣно было поить меня и чаемъ. По случаю переѣзда господъ въ деревню, мнѣ приказано было обѣдать съ дворецкимъ. На другой годъ случилась маленькая перемѣна; смѣнили дворецкого въ Курскѣ, и сдѣланъ новый, который прежде былъ прикащикомъ въ селѣ Красномъ. Такъ какъ отецъ мой былъ главнымъ управляющимъ надъ всѣмъ имѣніемъ, и притомъ строгой честности, то замѣтивъ не совсѣмъ чистыя дѣйствія по управленію красновскаго прикащика, онъ отставилъ его, и на его мѣсто опредѣлили курскаго дворецкого. Около этого времени красновскій прикащикъ женился на одной приданной за графинею дѣвушкѣ, и по ходатайству жены получилъ означенное мѣсто дворецкого въ Курскѣ. Когда господа уѣзжали въ деревню, то не дали этому новому дворецкому особаго обо мнѣ приказанія, и онъ, будучи сердитъ на моего отца, лишившаго его доходнаго мѣста, вздумалъ вымещать на мнѣ, и не удостоилъ меня чести допускать къ своему обѣду, а приказалъ кормить меня въ людской, вмѣстѣ съ дворникомъ и кучеромъ. До смѣшнаго это оскорбило меня! Сына управителя, а главное — перваго ученика въ народномъ училищѣ посылать обѣдать вмѣстѣ съ людьми — казалось мнѣ ужаснымъ, и я нѣсколько дней питался хлѣбомъ съ водой; наконецъ началъ пріискивать

средства: переписывалъ для товарищей кой-какія записки, что я дѣлалъ и прежде, но тогда — изъ лакомства, а теперь за деньги,—такъ что у меня всегда былъ грошъ въ карманѣ, и на него покупался слѣдующій обѣдъ: на денежку салату, на денежку пивнаго уксусу, а на копѣйку коноплянаго масла, и мы съ башмачникомъ Петромъ уписывали порядочную корчагу этого лакомства. Однакожь всякой день одно и тоже — скоро надоѣло; а измѣнить нашего обѣда было невозможно, и такое положеніе очень тяготило меня. Наконецъ однажды Городенскій объявилъ мнѣ, что братья его, то-есть содержатели театра, предлагаютъ мнѣ выписать роли изъ комедіи: «Честное слово», и что за это они мнѣ хорошо заплатятъ. Я согласился, и хотя комедія была въ 5-ти актахъ — я, не манкируя уроками, выписалъ роли очень скоро, но когда принесъ свою работу, мнѣ выдали 25 копѣекъ мѣдныхъ. Съ полною радостью прибѣжалъ я домой и обдумывалъ: какой обѣдъ себѣ устроить, даже такъ сказать—прихотливый, чтобъ вознаградить себя за сухояденіе, и на другой-же день, съ солнечнымъ восходомъ, отправился на рынокъ. Такъ какъ это было въ Петровъ постъ, то я купилъ себѣ на уху великолѣпныхъ ершей, десятка два, и заплатилъ за нихъ 10 копѣекъ; изъ остальныхъ денегъ — 10 копѣекъ уплачено сбитеньщику, который пересталъ было отпускать мнѣ сбитень въ кредитъ, а пять копѣекъ оставилъ на будущія покупки салату. Кухарку попросилъ, чтобы сварила уху, хорошенько

бы вычистила рыбу, а главное, чтобъ не раздавила желчи и не наводнила много: чтобъ уха была и вкуснѣе и жирнѣе. Кухарка не отказалась, но предложила мнѣ свои маленькія условія: чтобъ я прежде принесъ ей съ Тускари три ведра воды, а то таскать ей на гору — тяжело, и разумѣется, за мною дѣло не стало; я тотчасъ это выполнилъ и въ наказѣ прибавилъ, чтобы она, ради Бога, не пересолила, и чтобъ рыба не переварилась,—и потомъ пошелъ въ классъ, гдѣ все время былъ въ какомъ-то пріятномъ ожиданіи. Изъ всего, что въ этотъ день проходили, я ничего не слыхалъ, потому что въ глазахъ у меня только и видѣлось что въ ухѣ плавающіе ерши; всѣ товарищи это замѣтили, и я сознался въ причинѣ моей разсѣянности. Тогда одинъ изъ нихъ, Булгаковъ, сказалъ: «возьми меня съ собой, такъ я и калачей куплю.» Разумѣется, спору не было, и мы насилу дождались окончанія класса. Наконецъ онъ кончился, и мы полетѣли домой, только Булгаковъ сбѣгалъ прежде за калачами. Пришли. «Что, Аксинья, уха готова?» — Давно готова!... Да вы бы тутъ поѣли, вотъ свободная комнатка, подлѣ кухни, гдѣ работаютъ портные; она теперь пустая; а то нести горшокъ въ домъ неудобно: пожалуй остудится еще, разобьешь... а главное — простынетъ.» И мы убѣдились ея доводами. Она постлала какую-то скатертину, или что-то въ родѣ простыни не слишкомъ чистой, и подала горшечекъ съ ухой. Паръ отъ ухи привелъ насъ въ неописанную радость; сама уха заплыва жиромъ; я отвѣдалъ — чудо

какъ хороша! помѣшалъ ложкой: «гдѣ-же ерши?» — «Я вынула ихъ на тарелку, чтобы не разварились; они въ ящикѣ — въ столѣ. Да ѣшьте скорѣе, а то остынетъ; а тамъ и рыбу достанете сами въ вашемъ столѣ.» Мы принялись работать. Съѣвши по тарелочкѣ ухи съ калачами — я говорю: «теперь по другой, да положимъ прежде ершей на тарелку, а то они теперь вѣрно остыли, и нальемъ ихъ ухой.» Отодвигая ящикъ и — о ужасъ!... надъ послѣдней рыбкой сидитъ кошка и преспокойно докушиваетъ ее. Высказать состояніе, въ которомъ я тогда находился — нѣтъ словъ. Я окаменѣлъ, а не заплакалъ: былъ въ какомъ-то странномъ оцѣпененіи; товарищъ хохоталъ какъ сумасшедшій, а я не сводилъ глазъ съ кошки, которая, докушавши послѣднюю рыбку, такъ сладко облизывалась и такъ умильно смотрѣла на меня, какъ-бы благодаря за угощеніе. Но я, опомнившись, не взирая на ея умильные взгляды, взялъ ее за шиворотъ, взмахнулъ, и такъ сильно ударилъ о каменный полъ, что убилъ ее до смерти, — и вмѣстѣ съ тѣмъ горько заплакалъ. Когда горе прошло, я помню, что долго сердился на самого себя за такой поступокъ, потому что прежде я никогда не замѣчалъ въ себѣ склонности къ озлобленію. Но съ другой стороны обстоятельство это помогло мнѣ, и положеніе мое скоро измѣнилось къ лучшему. Когда я пріѣхалъ въ деревню, то при встрѣчѣ со мной К. Г. спросила меня: жива ли ея кошка? (убитая мною кошка была ея любимой.) Я

отвѣчалъ, что приказала долго жить, и тутъ-же сознался, что я убилъ ее, и когда разсказалъ ей — при какихъ обстоятельствахъ, то она не разсердилась даже на меня, но на другой же день передала все отцу, и дворецкому отдано было обо мнѣ особое приказаніе — содержать меня прилично; съ той поры все пошло своимъ прежнимъ порядкомъ.

Лѣтомъ графъ выпросилъ у губернатора Переверзева землемѣра, для размежеванія земли на поля и десятины; меня отдали въ помощники, и я оказался съ достаточными для того свѣдѣніями. По возвращеніи въ городъ дѣла мои шли тѣмъ-же путемъ, до самаго экзамена. На экзаменѣ я опять отличился, опять получилъ въ подарокъ книгу съ надписью: за прилежаніе, и хотѣлъ было уже просить графа, чтобъ взяли меня изъ училища, потому что учиться мнѣ уже нечему. Но директоръ училища И. С. Кологривовъ уговорилъ графа оставить меня на вакацію въ городъ, потому что отъ правленія университета получено предписаніе: пріискать копію съ плана курской губерніи, съ показаніемъ почтовыхъ дорогъ; а какъ лучше меня никто этого не сдѣлаетъ, то я и долженъ былъ остаться на это время; притомъ, въ послѣднихъ числахъ августа, пріѣдетъ въ Курскъ, для открытія гимназіи, первый попечитель харьковскаго университета С. Ос. Потоцкій, и безъ меня некому будетъ сказать ему рѣчь. Всѣ эти уважительныя причины склонили графа, и къ моему горю, давши мнѣ погулять немного, посадили

меня за съемку плана. Тоска, скука! въ классѣ одинъ! Подъ конецъ только дали мнѣ помощника подписывать названія сель и деревень, товарища Попова (сына городского нотариуса), и все это было вдвойнѣ огорчительно послѣ случившагося со мной слѣдующаго происшествія.

Черезъ нѣсколько дней по началѣ моего черченія, входитъ однажды въ классъ учитель, который тутъ-же объявилъ мнѣ, чтобъ завтра утромъ я не приходилъ въ классъ, а отправился бы, часовъ въ девять, къ князю Мещерскому: «князь проситъ директора прислать тебя срисовать ему что-то, и за это дастъ тебѣ на калачи.» На другой день я отправился къ князю. Когда ему доложили о моемъ приходѣ, онъ вышелъ и повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ. На столѣ у него лежали кое-какіе рисунки, которые я рисовалъ къ экзамену. Указывая на нихъ, князь сказалъ: «это, милый, очень хорошо; а теперь ты мнѣ срисуй съ этой вазы группу фигуръ, только въ уменьшенномъ видѣ» — и онъ поставилъ передо мной алебастровую вазу, кругомъ которой были сдѣланы фигуры. «Мнѣ нужно для столика, чтобъ эти фигуры вырѣзать изъ дерева, на выдвижномъ ящикѣ.» Я покраснѣлъ, сколько могъ, и заикаясь отвѣчалъ, что я этого сдѣлать не могу. Князь же, указывая на мои рисунки, продолжалъ: «они очень вѣрны съ оригиналами, которые я хорошо знаю, и сходство чрезвычайное.» — Да при нашемъ ученьи — сходство дѣло нетрудное, потому что мы срисовы-

ваемъ на стекло. Боже мой, какъ князь взбѣсился: «да чего-жь смотритъ директоръ? Я сейчасъ поѣду къ нему и объясню ему все; а ты ступай, милый, домой. Очень жаль, что ты не можешь: я бы тебѣ хорошо заплатилъ», и все-таки онъ далъ мнѣ при этомъ 15 коп. серебромъ на орѣхи. Я отправился домой, а онъ тотчасъ же поѣхалъ къ директору. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ сторожъ Устиновъ: «пожалуйте, говорить, къ П. Г.» Когда я пришелъ къ нему, онъ съ гнѣвомъ напустился на меня: «какъ-же ты, рокалія, сказалъ князю, что я учу васъ рисовать на стекло!...» — Нѣтъ, говорю я, П. Г., я ему сказалъ, что мои рисунки, лежавшіе у него на столѣ, въ которыхъ онъ находилъ большое сходство съ оригиналами, были мною срисованы на стекло. «А для чего-же ты это сказалъ, рокалія?» — Да помилуйте, какъ-же мнѣ было не сознаться, когда князь заставлялъ меня срисовывать фигуры съ алебастровой вазы, да еще въ уменьшенномъ видѣ, — и когда я ему сказалъ, что я этого не могу и просто не умѣю, то онъ, указывая на мои рисунки, возразилъ мнѣ: кто такъ вѣрно умѣетъ срисовывать съ оригиналовъ, тому стыдно не сдѣлать этихъ фигуръ. Тогда я сознался князю, что снималъ на стекло. «Ты бы, рокалія, сказалъ, что у тебя теперь болитъ голова; а не клеветалъ на учителя.» — Да помилуйте, вы сами всегда посылали въ третій классъ для этого. «Это дѣлалось, рокалія, для вашего облегченія, и я васъ такъ не училъ; а теперь я изъ-за

тебя получилъ отъ директора выговоръ; такъ я тебя научу, рокалія, какъ подвергать учителя подобнымъ выговорамъ!» И тутъ-же П. Г. приказалъ принести розогъ и выпоролъ меня преисправно. Все это меня такъ ожесточило, что я не могъ дождаться конца моей работы и прїѣзда попечителя. Въ отмщеніе, по окончаніи плана, я прибавилъ, и самъ ужъ не знаю для чего, въ ольговскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Сеймѣ, село Хархабаево. Наконецъ прїѣхалъ и попечитель. Собрали въ городѣ учениковъ, которые были въ это время на лицо; между ними и азъ грѣшный. Когда дано было мнѣ знать, чтобы я началъ рѣчь, то я подошелъ къ попечителю, сдѣлалъ поклонъ, и довольно громко произнесъ слѣдующія слова: «Ваше высокографское сіятельство! когда вседѣйствующій Промыслъ соблаговолить на какое-либо государство излить свои милости, то обыкновенно посылаетъ мудрыхъ начальниковъ», и проч. и проч. Вся рѣчь состояла изъ подобныхъ любезностей. На другой день я уже ѣхалъ въ деревню и везъ графу отъ директора благодарственное письмо за мои подвиги. Тѣмъ и кончилась моя наука.

IV.

Первый успѣхъ на губернской сценѣ.

Въ 1805 году мы переѣхали съ господами въ Курскъ довольно поздно, и за небытностью моей въ городѣ до-

говорень былъ другой суфлеръ на зиму и на Коренную, то есть для спектаклей во время Коренной ярмарки. Горько было для меня узнать это. Средство бывать въ театрѣ осталось одно, прежнее, то есть — ходить съ оркестромъ музыкантовъ, нести контрабасъ или литавры; впрочемъ, если удавалось мнѣ, передъ спектаклемъ, увидеть Городенскаго, то есть меньшаго брата содержателей Барсовыхъ, то онъ меня всегда проводилъ или въ партеръ, или въ оркестръ, или за кулисы. Но особенно горько было то, что я утратилъ право свободно входить въ театръ и самъ быть участникомъ въ дѣлѣ.

По счастію случай, который баловалъ меня въ течение цѣлой жизни, что ясно будетъ видно изъ моихъ «Записокъ», и въ настоящее время помогъ мнѣ. Въ половинѣ ноября актриса П. Г. Лыкова пріѣхала къ господамъ съ бенефисной афишей. Графъ взялъ у ней билетъ въ кресло, заплатилъ 10 рубл. ассигнаціями (это по тогдашнему была значительная плата, потому что въ обыкновенные спектакли цѣна кресламъ была полтора рубля ассигнаціями), и тутъ-же, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Миша, проводи г-жу Лыкову въ чайную и скажи Парашѣ, чтобы она напоила ее кофеемъ.» Въ то время не было въ провинціи въ обычаѣ сажать и угощать актрисъ въ гостиной. Между разговоромъ г-жа Лыкова жаловалась, что билеты раздаетъ, а еще не знаетъ, будетъ ли бенефисъ, потому что актеръ Арепьевъ прислалъ записку изъ трактира,

что онъ все платье проигралъ и обрѣтается въ одной рубашкѣ: такъ чтобъ прислали ему денегъ для выкупа платья; если же не вышлютъ, то онъ играть въ бенефисъ не можетъ, потому что ему выйти не въ чемъ, да и не выпустятъ. А какъ онъ почти все жалованье забралъ впередъ, то содержатель отказалъ ему въ деньгахъ — «и я, говорила бенефициантка, не знаю, милая, что мнѣ дѣлать.» При этихъ словахъ во мнѣ все такъ и закипѣло! Я дрожащимъ голосомъ спросилъ ее: «а что онъ играетъ?» — Андрея-почтаря въ драмѣ «Зоя», отвѣчала она. Такъ какъ прошедшую зиму часто я суфлировалъ эту драму и зналъ ее очень хорошо, поэтому тутъ-же, задыхаясь отъ волненія, предложилъ Лыковой: позвольте, я сыграю эту роль. «Да развѣ ты когда игралъ на театрѣ?» — Помилуйте, нѣсколько разъ, въ деревнѣ — на домашнемъ театрѣ. «Что же ты игралъ?» — Помилуйте... я игралъ Фирюлина въ «Несчастьѣ отъ кареты» и даже инфанта въ «Рѣдкой вещи», а будущее лѣто буду играть Оому въ «Новомъ семействѣ». — Да какъ-же, милый мой, продолжала Лыкова, вѣдь бенефисъ завтра: успѣешь ли ты выучить роль, кажется — листа два? «Помилуйте, да это бездѣлица.» — Ну, милый, спасибо тебѣ! — и поцѣловала меня въ голову: «я, говорить, отсюда-же поѣду къ М. Е. Барсову (онъ былъ старшій изъ братьевъ-содержателей), скажу ему объ твоей готовности помочь намъ, — и если онъ согласится, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, то я попрошу его, чтобы онъ

прислалъ къ тебѣ книгу для скорости; а то роль не- скоро отъ Арепьева получишь. Вѣдь тебѣ все равно, что по роли, что по книгѣ? а я тебѣ скажу, что по книгѣ для скорости гораздо лучше учить; а ты не полѣнись, прочти всю драму, и если хватить время, то не одинъ разъ: это весьма полезно. Ну, прощай! черезъ часъ ты получишь книгу.»

Послѣ этого что со мной было — я пересказать не могу: я готовъ былъ и плакать и смѣяться и первому встрѣчному бросаться на шею, что я и сдѣлалъ, повстрѣчавшись съ Васей, котораго я любилъ. А онъ мнѣ: «что ты, съ ума сошелъ? вѣшаешься на шею!» — Вася, Вася! знаешь ли, я завтра играю на театрѣ роль Андрея-почтаря въ драмѣ «Зоя!» — «Нѣтъ?! право, смотри — не осрамись! это вѣдь не то, что въ деревнѣ.» — Ну, Вася, что будетъ, то и будетъ! — и въ домѣ не осталось ни одного человѣка, которому бы не разсказалъ я объ этомъ.

Разумѣется, тутъ были и маленькія насмѣшки на мой счетъ, но меня уже ничто не оскорбляло, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые отъ души желали мнѣ успѣха. Въ домѣ былъ я общій любимецъ. Я не сходилъ съ крыльца, потому что съ него былъ видѣнъ домъ П. И. Анненкова, гдѣ жили Барсовы: я видѣлъ, какъ Лыкова туда пріѣхала и черезъ полчаса уѣхала къ себѣ на квартиру. Прошло два мучительныхъ часа, а никакой вѣсти ни отъ нея, ни отъ Барсовыхъ не было. Грусть начинала одолевать меня. Чтобы выйти изъ этого по-

ложенія, я прибѣгнулъ къ хитрости, и надѣвъ картузь, отправился къ Лыковой на квартиру. Когда я вошелъ, она спросила меня: «что ты, мой милый?» — Я, говорю, пришелъ узнать, нуженъ ли я вамъ завтрашній день или нѣтъ? а то теперь есть оказія, я хочу отпроситься въ деревню повидаться съ родителями. «Ахъ, милый, пожалуйста не ѣзди, а то мнѣ безъ тебя будетъ плохо: развѣ М. Е. не присылалъ тебѣ книги?» — Нѣтъ, я отвѣчалъ. «Ну, такъ скоро пришлетъ; пожалуйста, выручи меня изъ бѣды.» — Помилуйте, всей душой радъ быть для васъ полезнымъ. «А когда выучишь, то приди ко мнѣ; я тебя прослушаю и замѣчу что нужно.» — Да вы вечеромъ будете дома? спросилъ я. «Буду.» — Такъ я вечеромъ приду, и вы меня прослушаете. «Смотри, не скоренько ли?» — Нѣтъ, выучу. «Ну, такъ приходи; я тебя и чайкомъ напою.»

Возвратясь домой, я спрашиваю у товарищей: «Не приносили ли мнѣ отъ Барсова книги?» и общій отвѣтъ было — нѣтъ! Всѣ опять начали шутить и острить на мой счетъ, но мнѣ было не до нихъ: тотъ-же картузь на голову — и прямо къ Барсову. Прихожу къ нему и говорю, что молъ Пелагея Гавриловна Лыкова просила меня придти къ вамъ и спросить, ежели вы не передумали насчетъ ея бенефиса, то чтобы пожаловали книгу — драму «Зоя», изъ которой она просила меня выучить роль. «Нѣтъ, милый! отвѣчалъ онъ, не передумалъ — и очень радъ, что ты пришелъ; а то братьевъ нѣтъ дома, человѣка я услалъ, и мнѣ

некого было къ тебѣ отправить.» Сказавъ это, онъ тотчасъ вручилъ мнѣ книжку и примолвилъ: «ты, я увѣренъ, выучишь — я о твоей памяти знаю отъ брата Николая, и говоришь ты всегда ясно — это мнѣ извѣстно: вѣдь ты прошлаго года былъ у насъ нѣсколько разъ славнымъ суфлеромъ. Жаль, что поздно нынѣшній годъ вы пріѣхали, и мы принуждены были нанять суфлера: такая дрянь, что мочи нѣтъ!... Прощай, а завтра поутру приди, я тебя прослушаю.» Все это было сказано, какъ я понималъ, для ободренія; но для меня это уже было лишнее. Одна мысль, что я завтра играю, такъ прищипывала меня, что мнѣ нужна была напротивъ крѣпкая узда, чтобы только сдерживать. Выйдя за ворота, я все забылъ, кромѣ того, что я завтра играю, и не смотря на то, что шелъ по улицѣ, дорѣгой началъ учить роль и нѣсколько разъ останавливался, не замѣчая, что прохожіе подсмѣивались надо мной; но я кромѣ книги ничего не замѣчалъ, и когда пришелъ домой, то роль была почти уже выучена. Съ какою гордостью показалъ я товарищамъ книгу: «что! говорю — смѣялись, не вѣрили, а я вотъ завтра непременно играю!» — и тутъ-же отправился въ комнату. Черезъ три часа роль была вытвержена какъ Отче нашъ, книга, по наставленію Лыковой, прочтена два раза, и не осталось, кажется, въ домѣ человѣка, отъ дворецкаго до кучера, кому бы я не прочиталъ роль свою наизусть. Вечеромъ отправился къ Лыковой, которая встрѣтила меня словами: «что!... выучилъ?» — Выучилъ. «Благодарю тебя,

мой милый. Книгу принеси съ собою?» — Принеси. «Ну, садись же. Вотъ мы прежде напьемся чаю, а тамъ я тебя и прослушаю.» Но мнѣ ужь было не до чаю, а дѣлать нечего. Тутъ все какъ будто сговорилось противъ меня: и самоваръ нескоро поданъ, и чай она дѣлала мѣшкотно, и наливала чашки слишкомъ медленно, и хотя все шло своимъ порядкомъ, да нетерпѣніе мое было таково, что мнѣ это время показалось очень долгимъ. Но вотъ все и кончено. Чай отпили, самоваръ и чашки убраны, и хозяйка обратилась ко мнѣ: «ну, говоритъ, прочти, душка! я тебя прослушаю. Дай мнѣ книгу.» Я вручилъ ей книгу, и какой-то огонь пробѣжалъ по всему моему тѣлу; но это былъ не страхъ — нѣтъ! страхъ не такъ выражается, — это былъ просто внутренній огонь, страшный огонь, отъ котораго я едва не задыхался, но со всѣмъ тѣмъ мнѣ было такъ хорошо, и я только что не плакалъ отъ удовольствія. Я прочелъ ей роль такъ твердо, такъ громко, такъ скоро, что она не могла успѣть мнѣ сдѣлать ни одного замѣчанія, и по окончаніи встала и поцѣловала меня съ такой добротой, что я ужь не помнилъ себя, и слезы полились у меня рѣкою. Это ее очень удивило. «Что съ тобой?» сказала она. — Простите, Пелагея Гавриловна, это отъ радости, отъ удовольствія: другихъ слезъ я почти не знаю. «Что-жь, мой дружокъ, неужели ты обрадовался тому, что тебя поцѣловала старуха? будто тебѣ поцѣлуй старухи такъ дорогъ?» — Да, дорогъ, потому что онъ первая моя награда за

малый трудъ, который вы по добротѣ своей слишкомъ оцѣнили, и этого я никогда не забуду. «Охъ ты, ребенокъ, ребенокъ! прибавила она. Ну, это въ сторону. Спасибо тебѣ, спасибо, а все-таки послушай меня: ты слишкомъ скоро говоришь. Конечно, всякое твое слово слышно, но этой быстротой ты вредишь самому себѣ: ты душишь себя; отъ этого выходитъ, что когда нѣкоторымъ словамъ надо дать больше силы, а ты уже ее напрасно истратилъ.» И тутъ-же указала мнѣ на нѣкоторыя фразы, объяснила—почему надо ихъ усилить, посоветовала запомнить ея замѣчанія, и если не усталъ, то чтобъ дома еще прочиталъ роль, стараясь дать указаннымъ фразамъ болѣе силы. «Ну, прощай! а какъ ты дорожишь поцѣлуями старухъ, то вотъ тебѣ и еще поцѣлуй.» Но послѣдній почему-то не произвелъ на меня никакого дѣйствія, да и голова моя была занята только что выслушанными совѣтами. Возвратясь, я прочелъ роль еще нѣсколько разъ, не замѣчая, что читаю все такъ-же быстро; только указаннымъ фразамъ давалъ я болѣе силы, которой у меня былъ избытокъ. На другое утро я въ 7 часовъ отправился къ М. Е. Барсову. Прихожу — говорятъ: спить. Я вышелъ за ворота, думаю — домой идти не для чего, и просто сталъ шагать взадъ и впередъ по улицѣ, заходя черезъ нѣсколько минутъ узнавать: проснулся ли? — и «нѣтъ» было постояннымъ отвѣтомъ! Наконецъ въ 9 часовъ — говорятъ — проснулся. Я вхожу, М. Е. спрашиваетъ: «выучилъ?» — Выучилъ, отвѣчалъ я.

«Ну, давай книгу, я тебя прослушаю.» Онъ самъ мнѣ говорилъ послѣднія реплики, что дѣлала и Лыкова; а я работалъ отъ всей души языкомъ, и руками, и ногами. Выслушавъ меня, онъ улыбнулся и сказалъ: «хорошо, но только ужъ слишкомъ быстро, да поменьше маши руками. Ну ступай теперь домой, а на репетицію мы пришлемъ за тобой.» Возвращаясь домой, разумѣется, дорѣгой читалъ я опять роль — не знаю и самъ для чего, потому что я ее очень хорошо вытвердилъ; просто мнѣ было какъ-то пріятно ее прочитывать. Дома товарищи обступили меня съ вопросами: что, буду ли я играть? «Разумѣется, буду, отвѣчалъ я съ увѣренностью, и какъ только Барсовы пріѣдутъ въ театръ, то пришлютъ за мной на репетицію.» Но какъ нарочно все тянулось медленно: на репетицію Барсовы пріѣхали довольно поздно, и пріѣхавъ, не скоро за мной послали. Медленность эта была для меня пыткой, а особливо когда и въ назначенное время изъ театра не скоро пришли меня звать. Тутъ ужъ товарищи начали подтрунивать. «Что, братъ, прихвастнулъ! Вотъ они давно ужъ проѣхали, а за тобой не присылаютъ.» Мученію моему не было границъ. Я безпрестанно бѣгалъ на заднее крыльцо поглядѣть, не идутъ ли за мной, хотя и съ передняго крыльца также было видно, но тутъ замучили бы меня насмѣшками надъ моимъ нетерпѣніемъ. Наконецъ сторожъ Устиновъ появился, и я ожилъ. Видя, что онъ идетъ прямо къ намъ, я вошелъ въ залу, гдѣ тогда много было

нашей брати, — вошелъ ужь покойно; и только что принялись было опять за насмѣшки, какъ вдругъ голосъ Устинова въ передней: «гдѣ у васъ тутъ Щепкинъ?» Я изъ залы отвѣчалъ: здѣсь! и подошелъ къ двери. «Идите, васъ ждуть на репетицію!» — Хорошо, сейчасъ! — и всѣ товарищи, оставивъ насмѣшки, были рады такому событію, а Вася даже поцѣловалъ меня. Такой водился у насъ въ домѣ патріархальный порядокъ, что никто никогда и ни у кого не спрашивался, идучи со двора, что разумѣется и я дѣлалъ; а теперь мнѣ показалось какъ-то неловко уйдти безъ спросу, и я тотчасъ-же вошелъ въ гостиную, гдѣ графъ сидѣлъ съ графиней. Онъ, по обыкновенію, курилъ кнастеръ, а графиня занималась приведеніемъ въ порядокъ какихъ-то узоровъ. — Позвольте, ваше сіятельство, мнѣ отлучиться въ театръ. «Зачѣмъ?» — На репетицію. «На какую репетицію?» — Драмы «Зоя»; я играю въ ней Андрея - почтаря. Графъ захохоталъ и закричалъ: «браво, браво, Миша! да смотри—не осрамись! Я буду въ театрѣ, и какъ хорошо сыграешь... ну, да тогда узнаешь.» А графиня прибавила: «ну, я думаю, ты какъ сыграешь, то ужь будешь лѣниться рисовать узоры.» — Нѣтъ, ваше сіятельство! еще лучше зарисую.

На репетиціи все было опять по прежнему, то есть быстрота рѣчей, бѣганье, размахиванье руками: обо всемъ этомъ мнѣ напоминали и Барсовы, и Лыкова. Между репетиціей и спектаклемъ страшный промежу-

токъ: чего ужъ я не дѣлалъ! даже уходилъ незамѣтно въ домашнюю баню, которая разумѣется была холодна, но мнѣ было вездѣ жарко; тамъ я пробовалъ: можно ли говорить не слишкомъ скоро, не махая руками и не бѣгая по сценѣ. И хотя мнѣ казалось, что я довольно успѣлъ, но проклятая недовѣрчивость къ себѣ меня мучила, и я рѣшился Васю сдѣлать свидѣтелемъ моего труда, упросилъ его сходить со мной по секрету въ баню, послушать меня—какъ я играю, и сказать мнѣ правду, только чтобы никому не выдавалъ, а то будутъ смѣяться. И что-же? когда я началъ показывать свое искусство, все опять заговорило—и руки, и ноги. Вася, любя меня, былъ очень доволенъ, но все-таки прибавилъ: «кажется, очень скоро говоришь!» А я вѣдь именно о томъ и думалъ, чтобы говорить порѣже. «Ну, спасибо, Вася! иди себѣ, неравно графъ тебя спроситъ, а я еще здѣсь поучусь говорить порѣже.» И въ такомъ безпокойствѣ и безпрестанномъ ученіи прошелъ этотъ страшный промежутокъ. Когда же я началъ собираться въ театръ, тутъ опять пошли шутки: «куда спѣшишь? еще успѣешь осрамиться!» Другой прибавлялъ: «подожди, рано, да и литавры кстати захвати, снесешь въ оркестръ.» Это было, какъ я сказывалъ, у меня одно изъ средствъ бывать въ театрѣ. Но я не обижался такими шутками. Мнѣ было какъ-то весело, даже самъ смѣялся. Наконецъ я прибылъ въ уборную театра, которая играла двѣ роли—и уборной, и передней для входа на сцену съ актерскаго подъ-

ѣзда. Не припомню всего костюма, въ который меня нарядили; знаю только, что на ноги мнѣ надѣли страшные ботфорты, которые только одни и были во всемъ театрѣ, и потому приходились на всѣ ноги и возрасты. Чѣмъ ближе шло къ началу спектакля, тѣмъ становилось для меня жарче (хотя всѣ жаловались на холодъ), такъ что передъ выходомъ на сцену я былъ уже совершенно мокръ отъ испарины. Какъ я игралъ, принимала ли меня публика или нѣтъ? — этого я совершенно не помню. Знаю только, что по окончаніи роли я ушелъ подъ сцену и плакалъ отъ радости какъ дитя.

По окончаніи пьесы, Лыкова благодарила меня съ одобреніемъ: «хорошо, милый, очень хорошо!» Барсовъ тоже сказалъ: хорошо, и прибавилъ: «а все-таки спѣшилъ говорить.» Иванъ Васильевичъ Колосовъ, учитель изъ народнаго училища и зять Барсова (который въ этотъ день по ихъ просьбѣ суфлировалъ, потому что настоящій суфлеръ оказался на тотъ разъ неспособнымъ), потрепалъ меня по щекѣ, поцѣловалъ въ голову и сказалъ: «спасибо, Миша, спасибо, хорошо! И какъ ты ловко нашелся, когда Михайло Егорычъ перешагнулъ изъ перваго въ третій актъ! Я признаюсь, растерялся, кричу изъ суфлерни: братецъ, не то, не то!—а онъ все поретъ тотъ-же монологъ, и когда онъ кончилъ, я не зналъ что дѣлать. Да ты ловко очень нашелся и выгналъ его со сцены. Правда, по самой пьесѣ это слѣдовало, но ты конечно замѣтилъ, что онъ не то говорилъ, и спасибо — поправилъ сцену, и самъ не

сконфузился: ловко! ловко! Ты, видно, всю піесу хорошо знаешь?» — Чтò мнѣ лгать, Иванъ Васильевичъ! отвѣчалъ я: какъ и чтò было на сценѣ, я право ничего не помню. Пожалуста, скажите мнѣ, не совсѣмъ дурно я игралъ? «Полно, милый! хорошо, очень хорошо, и публика была очень довольна; ты слышалъ, какіе были апплодисменты?» — Ничего не помню. «Ну, спасибо!» Уходя изъ театра, М. Барсовъ тоже повторилъ: «ну, спасибо»; а я ему на это: «мнѣ и Иванъ Васильевичъ сказалъ спасибо; онъ говоритъ, что перепугался, когда вы махнули изъ перваго акта въ третій; да спасибо, говоритъ, ты все дѣло поправилъ.» — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ очень холодно, это ему такъ показалось. И мнѣ было совершенно непонятно, какъ можно человѣку не сознаться въ истинѣ?

Когда я пришелъ домой, всѣ люди и музыканты меня уже ждали, и пошли объятія; кажется, только двое не обняли: Саламатинъ и Александръ (первый скрипачъ), которые тоже игравали на театрѣ и пользовались лаской публики. «Ступай скорѣй къ графу, сказалъ мнѣ Вася; онъ тебя три раза спрашивалъ.» Когда я вошелъ, графъ захохоталъ и закричалъ: «браво, Миша, браво! Поди, поцѣлуй меня!» и поцѣловавъ, приказалъ: «Вася! подай новый, нешитый триковый жилетъ.» Вася принесъ; графъ взялъ и положилъ его мнѣ на плечо: «вотъ тебѣ на память нынѣшняго дня.» Я, по заведенному порядку, хотѣлъ поцѣловать ему руку, но онъ не далъ, и поцѣловавъ меня въ голову,

сказалъ: «ступай къ Парашѣ, я велѣлъ приготовить самоваръ и напоить тебя чаемъ; напейся и ложись отдыхать, а то ты, я думаю, усталъ.» Послѣ чаю, выпитаго, разумѣется, въ порядочномъ количествѣ, я легъ спать и, кажется, всю ночь бредилъ игрой. На другой день все вчерашнее мнѣ казалось сномъ; но подаренный жилетъ убѣждалъ меня, что то было сущая истина, и этого дня я никогда не забуду: ему я обязанъ всѣмъ, всѣмъ!

V.

1808-й годъ.

...Пришло время переѣзжать изъ города въ деревню, потому что графъ Волькенштейнъ только зиму жилъ въ Курскѣ, а каждое лѣто въ деревнѣ. По этому случаю привезли въ Курскъ на сорока подводахъ сто четвертей пшеницы, запроданныхъ орловскимъ купцамъ. По ссыпкѣ пшеницы, на этихъ самыхъ подводахъ повезли въ деревню оркестръ музыкантовъ, хоръ пѣвчихъ, нѣсколько офиціантовъ и меня, хотя настоящая моя должность была—какъ бы сказать?—графскаго секретаря, или письмоводителя, или чего-то въ родѣ этого. По тракту нашему нужно было переправляться черезъ рѣку

Псѣлъ на паромѣ. Дорога была проселочная, поэтому и паромъ былъ не слишкомъ завидный, и такъ малъ, что больше четырехъ телегъ на себѣ не помѣщаль: нужно было оборотиться разъ десять, чтобы перевезти всѣхъ на другой берегъ. Переправившись съ первыми возами, мы вздумали покупаться. Время было теплое, хотя это было и въ началѣ мая. Обозъ между тѣмъ продолжалъ переправляться. Не хотѣлось намъ вылезать изъ воды, а нужно было: уже много возовъ переправилось. Когда мы вышли на берегъ и начали одѣваться, бывший при паромѣ старикъ, съ трубкой въ зубахъ, высѣкая кресаломъ огонь, спокойно сказалъ: «а що вы, хлопци, знаете? чоловикъ тоне.» — Что-жь ты не поможешь ему? отвѣчалъ я. «Та то не нашъ!» отвѣчалъ онъ мнѣ. Я бросился въ ту сторону, куда онъ указалъ. Псѣлъ въ этомъ мѣстѣ дѣлалъ крутой поворотъ, такъ что сначала мы не могли видѣть ничего, что дѣлалось за угломъ поворота. Добѣжавъ до указанного мѣста, я увидѣлъ, что вмѣсто одного тонуть двое, схватившись другъ за друга. Я плаваю очень сильно, а потому и бросился къ нимъ. Пока я добрался до нихъ, они разъ уже нѣсколько окунулись; но къ счастію рѣка въ этомъ мѣстѣ была не слишкомъ глубока; дойдя до дна, они упирались въ дно ногой, выскакивали наверхъ воды, и переведя духъ и побарахтавшись немного, опускались снова. Когда я доплылъ къ нимъ, они показались на водѣ, и увидѣвъ меня, бросились ко мнѣ такъ стремительно, что я при всей

своей храбрости нырнулъ отъ нихъ въ сторону: я чувствовалъ, что одинъ не могъ бы сладить съ ними, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ былъ огромнаго роста, вершковъ двѣнадцати, да и другой вершковъ шести; а съ двумя трудно ладить на водѣ. Вынырнувъ, я крикнулъ мужикамъ, съ любопытствомъ ожидавшимъ, чѣмъ все это кончится, чтобъ они бросили мнѣ конецъ возжи, потому что дѣло было не слишкомъ далеко отъ берега; но спускъ былъ очень крутъ, и у самаго берега была уже глубь. Когда бросили конецъ возжи, я обмоталъ ее около лѣвой руки и наказалъ имъ, чтобы они тянули возжу, какъ только утопающіе схватятся за меня. Распорядившись такимъ образомъ, я подплылъ къ тому мѣсту, гдѣ они начали уже рѣже показываться; я думалъ уже, что все кончено. Но къ счастью они еще разъ показались и очень близко отъ меня. Я схватилъ одного правою рукой за волосы, а другой схватилъ меня самого за горло, и мы всѣ трое пошли ко дну. Тутъ мужики, по моему наставленію, потянули возжу, и мы помаленьку начали подплывать подъ водой къ берегу. Когда не доставало духу, то я, собравшись съ силами, упирался крѣпко въ дно, — насъ выбрасывало, и я переводилъ духъ; но не взирая на все мое мастерство въ плаваніи, я долженъ былъ опять опускаться ко дну. Оба же тонувшіе начали терять память. Между тѣмъ мужики дѣлали свое, и все тянули, да тянули, и вотъ, не одинъ разъ измѣривъ глубину рѣки, мы приплыли къ крутому берегу. Нѣсколько рукъ

явилось на помощь, и хотя съ трудомъ, но насъ вытащили. Утопающіе мои были словно полоумные, особенно самый большой. Между тѣмъ пошли разспросы, какъ это случилось: не скрою, я нѣсколько гордился, впрочемъ только мысленно, своимъ подвигомъ, что вотъ, дескать, спасъ двухъ человѣкъ. Между тѣмъ одинъ изъ тонувшихъ пришелъ въ себя. Кто-то изъ мужиковъ обратился къ нему съ вопросомъ: «тебе, дурный, якій чортъ кинувъ въ воду?» Тотъ ему въ отвѣтъ: «э! чоловікъ тоне.» — Эхъ, дурный, дурный! видь ты плавать не умиешь. «Э! въ голову не пришло!» Этими словами онъ совершенно уничтожилъ меня: я былъ сильный пловецъ—и было бы подло съ моей стороны не броситься спасать ихъ, а онъ кинулся въ воду спасать человѣка, забывъ, что не умѣетъ плавать; признаюсь, мнѣ стало стыдно. Происшествіе это кончилось очень глупо съ моей стороны. Когда и другой тонувшій пришелъ въ себя, то вдругъ ни съ того, ни съ сего поворотилъ прямо къ рѣкѣ и пошелъ въ глубь. Я схватилъ его за руку, и спросилъ: «куда ты?» — Обмыться! былъ его отвѣтъ. Это такъ разсердило меня, что я сильно ударилъ его, такъ что онъ упалъ. Тогда первый обратился ко мнѣ съ ироническою усмѣшкою и сказалъ: «отъ-се, Семеновичъ, вытягъ чоловіка щобъ убити.» Изъ уваженія къ его благородному поступку я записалъ его имя: звали его Алексѣй Хоремѣрь.

VI.

Теперь мнѣ слѣдуетъ разсказать случай, который имѣлъ сильное вліяніе на мое сценическое образованіе. Да, это былъ, такъ сказать, толчекъ, который заставилъ меня мыслить и увидать многое въ совершенно новомъ свѣтѣ.

Жилъ въ Курскѣ вельможа временъ императрицы Екатерины II, князь П. В. Мещерскій, человѣкъ, по своему вѣку, весьма образованный. Онъ зналъ много языковъ, и былъ еще художникомъ: занимался живописью, скульптурою, рѣзбою, токарнымъ и даже слесарнымъ искусствомъ; а въ послѣдствіи князь открылъ столярню, и мебель, выходившая изъ его мастерской, отличалась своимъ изящнымъ рисункомъ. Носился слухъ, что онъ первый началъ употреблять тогда для мебели, вмѣсто краснаго и орѣховаго дерева, березовые выплавки. Про него-же говорили, что онъ былъ удивительный актеръ; но я никогда еще не видалъ его игры, хотя и зналъ его очень давно. Еще когда я былъ въ училищѣ, то на экзаменахъ онъ всегда ласкалъ меня, какъ перваго ученика.

Надобно сказать, что князю было уже лѣтъ за семьдесятъ, но такой красивой старости я другой уже не припомню: благороднѣе лица нельзя выдумать, и при-

томъ въ рѣчахъ и во всѣхъ движеніяхъ его видѣнъ былъ вельможа въ полномъ смыслѣ.

Наконецъ въ 1810 году, я видѣлъ его играющаго въ Сумароковой комедіи «Приданое обманомъ» роль Салидара. Это было въ Юноковкѣ, въ домѣ князя Голицына, на домашнемъ спектаклѣ, въ которомъ участвовали также и другіе любители театра. Надобно сказать, что въ это время я былъ уже актеромъ, лѣтъ пять уже пользовался вниманіемъ публики и получалъ самый большой окладъ жалованья — 350 р. асс. (Сорокъ лѣтъ назадъ эта сумма была очень значительна.) Не могу высказать, съ какимъ стараніемъ искалъ я случая увидать игру князя Мещерскаго. Наконецъ судьба подарила мнѣ этотъ случай, очень важный для меня. Вотъ какъ это было. — Такъ какъ лѣтомъ спектаклей не было, и время было для меня свободное, то я сталъ учиться рисовать, къ чему у меня всегда была наклонность. Учителемъ моимъ былъ академикъ Николай Антоновичъ Ушаковъ. Въ то время портреты его работы славились необычайнымъ сходствомъ. Этому самому Ушакову сдѣлано было предложеніе пріѣхать къ князю Голицыну, въ деревню Юноковку, для списыванія портретовъ, на что Ушаковъ очень охотно согласился. Прислана была коляска. Ушаковъ пригласилъ и меня ѣхать, и мы отправились вмѣстѣ. По пріѣздѣ въ Юноковку мы нашли тамъ и князя Мещерскаго, и къ величайшему моему удовольствію узнали, что вечеромъ будетъ домашній спектакль и князь Мещерскій будетъ

въ немъ участвовать. Не могу передать теперь, что происходило во мнѣ въ то время въ ожиданіи спектакля. Я уже создавалъ себѣ мысленно игру его, и она представлялась мнѣ колоссальною. «Нѣтъ, думалъ я, игра его должна быть ужъ не нашей чета; потому что онъ не только жывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но бывалъ въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Да мало того, онъ игралъ и во дворцѣ императрицы Екатерины! Стало быть, какова-же должна быть его игра!» Все это волновало меня ужасно до самаго спектакля. — Но вотъ я въ театрѣ, вотъ оркестръ заигралъ симфонію, вотъ поднялся занавѣсъ, и передо мною князь... но нѣтъ! это не князь, а Салидаръ скупой! Такъ страшно измѣнилась вся фигура князя: исчезло благородное выраженіе его лица, и скупость скареда рѣзко выразилась на немъ. Но что - же! Не смотря на это страшное измѣненіе, мнѣ показалось, что князь играть совсѣмъ не умѣетъ. У, какъ я торжествовалъ въ этотъ мигъ, думая: «вотъ оно! отъ того что вельможа, такъ и хорошо! И что это за игра? руками дѣйствовать не умѣетъ, а говорить... смѣшно сказать! — говорить просто, ну такъ, какъ всѣ говорятъ. Да что-же это за игра? Нѣтъ! далеко вашему сіятельству до насъ!» Однимъ словомъ, всѣ, игравшіе съ нимъ, казались мнѣ лучше его, потому что *играли*, а особенно игравшій Пасквина. Онъ говорилъ съ такою быстротою и махалъ такъ сильно руками, какъ любой, самый лучшій *настоящій* актеръ. Князь же все продолжалъ

по прежнему; только странно, что не смотря на простоту его игры (что я считалъ неумѣньемъ играть), въ продолженіи всей роли, гдѣ только шло дѣло о деньгахъ, вамъ видно было, что это касалось самаго больного мѣста души его, и въ этотъ мигъ вы забывали всѣхъ актеровъ. Страхъ смерти и боязнь разстаться съ деньгами были поразительно вѣрны и ужасны въ игрѣ князя, и простота, съ которою онъ говорилъ, нисколько не мѣшала его игрѣ. Чѣмъ далѣе шла пьеса, тѣмъ больше я увлекался, и наконецъ даже усомнился, что чуть ли не было бы хуже, еслибъ онъ игралъ по нашему. Словомъ, дѣйствительность овладѣла мною и не выпустила меня уже до окончанія спектакля: кромѣ князя, я никого уже не видалъ; я, такъ сказать, приросъ къ нему. Его страданія, его звуки отзывались въ душѣ моей; каждое слово его, своею естественностію, приводило меня въ восторгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ терзало меня. Въ сценѣ, гдѣ открылся обманъ, и Салидаръ узналъ, что фальшивымъ образомъ выманили у него завѣщаніе,—я испугался за князя; я думалъ, что онъ умретъ, ибо при такой сильной любви къ деньгамъ, какую князь имѣлъ къ нимъ въ Салидарѣ, невозможно было, потерявъ ихъ, жить ни минуты.

Пьеса кончилась. Всѣ были въ восторгѣ, всѣ хохотали, а я заливался слезами, что всегда было со мною отъ сильныхъ потрясеній. Все это мнѣ казалось сномъ, и все въ головѣ моей перепуталось: «и не хорошо-то князь говорить, думалъ я, потому что говорить

просто»; а потомъ мнѣ казалось, что именно это-то и прекрасно, что онъ говоритъ просто; онъ не играетъ, а живетъ. Сколько фразъ и словъ осталось въ моей памяти, сказанныхъ имъ просто, но съ силой страсти; я уже считалъ ихъ своими, потому что думалъ, что могу сказать ихъ также, какъ онъ. И какъ мнѣ было досадно на самого себя: какъ я не догадался прежде, что то-то и хорошо—что естественно и просто! И думалъ про себя: «постой же, теперь я удивлю въ Курскѣ, на сценѣ! Вѣдь имъ, моимъ товарищамъ, и въ голову не прійдетъ играть просто, а я тутъ-то и отличусь.» Чтобъ больше сдружиться съ естественностію игры князя въ комедіи Сумарокова, не охладѣть и не утратить слышаннаго, я тутъ-же выпросилъ эту комедію переписать,—и переписалъ ее не вставая съ мѣста. Изъ Юноковки я поѣхалъ въ деревню къ своимъ, и всю дорогу не выпускалъ пьесы изъ рукъ; по пріѣздѣ, черезъ сутки, я зналъ уже всю комедію на память. Но каково же было мое удивленіе, когда я вздумалъ говорить просто, и не могъ сказать естественно, непринужденно ни одного слова. Я началъ припоминать князя, сталъ произносить фразы такимъ голосомъ, какъ онъ, и чувствовалъ, что хотя и говорилъ точно такъ, какъ онъ, но въ то же время не могъ не замѣчать всей неестественности моей рѣчи; а отъ чего это выходило — никакъ не могъ понять. Нѣсколько дней сряду я уходилъ въ рощу, и тамъ съ деревьями игралъ всю комедію; но тутъ-же понималъ, что игралъ также, какъ

и прежде, а уловить простоту и естественность, какими обладалъ князь, не могъ. Все это приводило меня въ отчаяніе. Мнѣ никакъ не приходило въ голову, что для того, чтобъ быть естественнымъ, прежде всего должно говорить своими звуками и чувствовать по своему, а не передражнивать князя. Послѣ долгихъ трудовъ, я упалъ духомъ, и пришелъ къ такой мысли, что мнѣ никогда не достигнуть простоты въ игрѣ. Я было отказался отъ своихъ напрасныхъ трудовъ; но мысль объ естественной игрѣ уже заронила въ моей головѣ, и когда къ зимѣ я пріѣхалъ въ Курскъ, и начались спектакли, то эта мысль ни на минуту меня не оставляла, и не взирая на всѣ неудачи, я опять старался искать естественности. Долго-долго она мнѣ не давалась; но случай помогъ мнѣ, и тогда уже твердою ногой пошелъ я по этой дорогѣ, хотя привычки старой игры много и долго мнѣ вредили.

Случай этотъ состоялъ вотъ въ чемъ. Какъ-то была репетиція Мольеровской комедіи — «Школа мужей», гдѣ я игралъ Сганареля. Такъ какъ ее много репетировали — и это мнѣ наскучило, да и голова моя была занята въ то время какими-то пустяками, то я велъ репетицію, какъ говорится, неглиже: не игралъ, а только говорилъ, что слѣдовало по роли (роли мои я училъ всегда твердо), и говорилъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. И что-же? я почувствовалъ, что сказалъ нѣсколько словъ просто, и такъ просто, что еслибъ не по піесѣ, а въ жизни мнѣ пришлось говорить эту

фразу, то сказалъ бы ее точно также. И всякій разъ, какъ только мнѣ удавалось сказать такимъ образомъ, я чувствовалъ наслажденіе, и такъ мнѣ было хорошо, что къ концу піесы я уже началъ стараться сохранить этотъ тонъ разговора. И тогда все пошло на выворотъ: чѣмъ больше я старался, тѣмъ выходило хуже; потому что переходилъ опять въ обыкновенную свою игру, которой уже не удовлетворялся, такъ какъ въ тайнѣ смотрѣлъ на искусство другими глазами. Да, въ тайнѣ! Еслибъ я высказалъ зародившуюся во мнѣ мысль, то меня бы всѣ осмѣяли. Эта мысль была такъ противоположна господствовавшему мнѣнію, что товарищи мои къ концу піесы осыпали меня похвалами, потому что я *стараніемъ* попалъ въ общую колею, и игралъ также, какъ и всѣ актеры, и даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ, — лучше всѣхъ. Припомню, сколько могу, въ чемъ состояло, по тогдашнимъ понятіямъ, превосходство игры: его видѣли въ томъ, когда никто не говорилъ своимъ голосомъ, когда игра состояла изъ крайне-изуродованной декламаціи, слова произносились какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника декламировали такъ страстно, что вспомнить смѣшно; слова: любовь, страсть, измѣна выкрикивались такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ; но игра фізіономіи не помогала актеру: она оставалась въ томъ-же натянутомъ, неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Или еще: когда, на примѣръ, актеръ

оканчивалъ какой-нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то принято было въ то время за правило — поднимать правую руку вверхъ, и такимъ образомъ удаляться со сцены. Кстати, по этому случаю, я вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ товарищей: однажды онъ, окончивши тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку; что-же?—на половинѣ дороги онъ рѣшился поправить свою ошибку, и торжественно поднялъ эту завѣтную руку. И это все доставляло зрителямъ удовольствіе! Не могу пересказать всѣхъ нелѣпостей, какія тогда существовали на сценѣ; это скучно и бесполезно. Между прочимъ во всѣхъ нелѣпостяхъ всегда проглядывало желаніе возвысить искусство: такъ, напримѣръ, актеръ на сценѣ, говоря съ другимъ лицомъ и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой; а публика, съ своей стороны, за такой сюрпризъ аплодировала неистово. Вотъ чѣмъ былъ театръ въ провинціи, сорокъ лѣтъ назадъ, и вотъ чѣмъ можно было удовлетворить публику. Въ это-то время князь Мещерскій, безъ желанія, указалъ мнѣ другой путь. Все, что я пріобрѣлъ въ послѣдствіи, все, что изъ меня вышло, всѣмъ этимъ я обязанъ ему; потому что онъ первый посѣялъ во мнѣ вѣрное понятіе объ искусствѣ, и показалъ мнѣ, что искусство на столько высоко, на сколько близко къ природѣ. Къ этому раз-

скажу мнѣ остается только прибавить, что, по прошествіи 15 лѣтъ, я узналъ уже въ Москвѣ отъ покойнаго князя А. А. Шаховскаго, что этимъ не я одинъ былъ одолженъ князю Мещерскому, а весь театръ русской; потому что князь Мещерскій первый въ Россіи заговорилъ на сценѣ просто, тогда какъ вся прежняя школа, школа Дмитревскаго, состояла изъ чтецовъ и декламаторовъ. И еще узналъ я отъ князя Шаховскаго, что Дмитревскій не расположенъ былъ къ князю Мещерскому за это введеніе простоты и естественности, особенно когда онъ начали увлекать публику и пріобрѣтать много послѣдователей.

VII.

1816-й годъ.

1816-й годъ, въ началѣ, былъ для меня самый горестный по разнымъ обстоятельствамъ; но горе мое стало для меня еще тяжеле, когда я узналъ, что театръ въ Курскѣ разстроился. Домъ благороднаго собранія, въ которомъ помѣщалась и сцена, начали передѣлывать, и какъ слышно было, передѣлка не могла кончиться ближе двухъ лѣтъ; слѣдовательно спектаклей давать было негдѣ, а выстроить театръ — содержатели были не въ состояніи. Я былъ совершенно уничтоженъ:

переѣхалъ въ деревню, гдѣ съ горя прочиталъ исторію Роллена, въ переводѣ Тредьяковскаго, отъ доски до доски. Въ исходѣ іюля вдругъ получаю письмо отъ одного изъ бывшихъ содержателей, именно отъ П. Е. Барсова. Онъ извѣщалъ меня, что получилъ приглашеніе изъ Харькова отъ Штейна, который просилъ его пригласить еще кого-нибудь для ролей комическихъ; почему онъ обращается съ этимъ приглашеніемъ ко мнѣ, и что если я согласенъ, то отпросился бы и приѣхалъ въ Курскъ, чтобы потомъ отправиться въ Харьковъ: «тамъ, молъ, можно кой-что и заработать.» Высказать мою радость я не въ силахъ. Мысль, что я буду играть въ Харьковѣ, приводила меня въ восторгъ. Я зналъ, что въ Харьковѣ театръ давнишній и что на немъ играютъ все; къ тому-же тамъ университетъ, поэтому публика должна быть образованнѣе, слѣдовательно и требованія отъ актеровъ гораздо большія. Это послѣднее обстоятельство, при всей моей радости, внушило мнѣ и нѣкоторое чувство страха, — словомъ, я началъ было робѣть. Потомъ вспомнилъ, что изъ харьковской труппы у насъ уже былъ на лицо актеръ Мурашкинъ, который съ неба звѣздъ не хваталъ; кромѣ того я видѣлъ лучшаго харьковского драматическаго актера, г-на Геца, который проѣздомъ игралъ въ Курскѣ «Сына любви»: въ немъ было много хорошаго, но вообще онъ былъ ниже нашего М. Е. Барсова. Сообразивъ все это, я немного приободрился, и разумѣется, не теряя времени, отпро-

сился у графини Волькенштейнъ, съ маленькой гордостью объяснивъ ей, что меня приглашаютъ на харьковскую сцену. Она отпустила меня и шутя прибавила: «смотри, не срамись!» Сборы были небольшіе. Отцу и матери было лестно, что изо всей труппы Барсовъ пригласилъ меня и никого другаго: стало быть я что-нибудь да значу. Даже женѣ, не смотря на разлуку, такое приглашеніе было не непріятно. Итакъ, поцѣловавъ у родителей ручки и получивъ отъ нихъ напутственное благословеніе съ прибавкою двухъ рублей мѣдными деньгами, перецѣловавъ жену и дѣтей, въ первыхъ числахъ августа отправился я въ Курскъ, чтобы оттуда уже вмѣстѣ съ Барсовымъ ѣхать въ Харьковъ. Не буду рассказывать, какъ я пріѣхалъ въ Курскъ, какъ вскорѣ потомъ отправились мы съ Барсовымъ на долгихъ въ Харьковъ — все это было весьма обыкновенно, безъ всякихъ особыхъ происшествій. Въ Харьковъ мы пріѣхали 15 августа, часовъ около десяти утра; остановились въ квартирѣ актера Угарова, съ которымъ Барсовъ уже былъ знакомъ и съ которымъ онъ уже списался. Самого Угарова мы не застали дома: онъ ушелъ на репетицію комедіи «Донъ-Жуанъ» Мольера. Все это узнали мы отъ жены Угарова, очень милой и чрезвычайно красивой женщины, которая приняла насъ какъ нельзя болѣе радушно, отвела намъ комнату, напоила чаемъ и кофеемъ, уговаривала отдохнуть съ дороги, и Барсовъ былъ почти готовъ на это; но меня мучилъ Донъ-Жуанъ. Мольеръ былъ мною почти весь прочи-

танъ, хотя на нашемъ театрѣ игралось изъ него не болѣе трехъ піесъ. Донъ-Жуана играть у насъ не могли, потому что на нашей сценѣ не было ни проваловъ, ни полетовъ, а въ этой піесѣ являются фуріи и уносятъ Донъ-Жуана. Все это интересовало и волновало меня, и я неотступно присталъ къ Барсову идти въ театръ — застать репетицію. Барсовъ нехотя согласился. Одѣвшись прилично (я въ свой единственный черный фракъ, а товарищъ мой и подрумянился немного: онъ былъ кокетливъ), отправились мы въ театръ. Подходя къ театру, я совсѣмъ разочаровался: я представлялъ себѣ, что въ такомъ городѣ, какъ Харьковъ, театръ — красивое зданіе, а вмѣсто того увидѣлъ какой-то бревенчатый балаганъ. Когда мы взошли на сцену по полуразрушенной лѣстницѣ, то сначала въ темнотѣ ничего не было видно; потомъ, оглядѣвшись немного, Барсовъ, знакомый уже прежде съ содержателями театра (ихъ было два: Штейнъ — нѣмецъ и Калиновскій — полякъ), представилъ меня имъ какъ лучшаго изъ своихъ товарищей. Здѣсь же онъ познакомилъ меня и съ хозяиномъ нашей квартиры, актеромъ Угаровымъ, первымъ комикомъ харьковской сцены. Угаровъ былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добросовѣстно могу сказать, что выше его талантомъ я и теперь никого не вижу. Естественность, веселость, живость, при удивительныхъ средствахъ, поражали васъ, и къ сожалѣнію, все это направлено было Богъ знаетъ какъ, все игралось на авось! Но если случайно

ему удавалось попадать вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастію это было весьма рѣдко, потому что мышленіе было для него дѣломъ постороннимъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ увлекалъ публику своею *жизнью* и веселостью. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ стояли рядомъ: добродушіе и плутоватость, театръ и карты, и охота покутить. Все это было въ немъ смѣшано до такой степени, что не знаешь, бывало, чему онъ отдавалъ преимущество. Хорошій семьянинъ, а для послѣднихъ двухъ страстей онъ готовъ былъ оставить семейство безъ куска хлѣба. Но оставимъ его; я не могу высказать и половины того, что было въ этой замѣчательной личности. Прибавлю только, что потомъ, не смотря на всѣ его недостатки, я всегда любилъ его какъ человѣка и уважалъ какъ талантъ. Въ своихъ запискахъ я часто буду еще обращаться къ Угарову и передамъ объ немъ все, что знаю.

Когда насъ познакомили, онъ тотчасъ взялъ меня за руку и подвелъ къ женѣ Калиновскаго съ такими словами: «Анна Ивановна Калиновская, первая наша актриса — съ огнемъ баба!» Между тѣмъ артисты начали опять прерванную нашимъ приходомъ репетицію. Донъ-Жуана игралъ Калиновскій, а Лепорелло — Угаровъ. Когда я началъ вслушиваться въ разговоръ дѣйствующихъ лицъ, то чрезвычайно смутился: я зналъ Мольерова Донъ-Жуана; но это былъ не тотъ, а другой, и

точно другой. Этотъ Донъ-Жуанъ былъ переведенъ съ польскаго г. Петровскимъ, который, какъ видно, не зналъ хорошо русскаго языка; переводъ этотъ былъ такая галиматья, что я не могъ понять, какъ можно было играть подобную піесу въ университетскомъ городѣ, какъ Харьковѣ. Къ довершенію всего, Калиновскій говорилъ польскимъ выговоромъ, какъ напимѣръ: чѣго, и т. п. Обо всемъ этомъ я не сказалъ ни слова изъ скромности. Но я не могъ утерпѣть, чтобъ не спросить Калиновскаго, какъ у нихъ устроена послѣдняя сцена, гдѣ являются фуріи. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «теперь эта сцена будетъ не такъ эффектна, какъ прежде. Прежде дѣлалась *чистая перемьна*, и декорація представляла адъ: фуріи выбѣгали, вылетали, выскакивали изъ земли и увлекали Донъ-Жуана. Теперь же этого не будетъ, потому что декорацію, представлявшую адъ, какъ везли изъ Кременчуга, смыло дождемъ, и теперь просто фурія слетитъ сверху, схватитъ Донъ-Жуана и унесетъ.» — А! подумалъ я, здѣсь стало быть есть и машины, и пошелъ осматривать сцену; но къ моему удивленію я ничего не замѣтилъ кромѣ балокъ, чистосердечно лежавшихъ поперѣгъ сцены. Мнѣ совѣстно было спросить и обнаружить такимъ образомъ свое невѣжество, тѣмъ болѣе, что учившись въ народномъ училищѣ, я ознакомился нѣсколько съ механикою, по крайней мѣрѣ зналъ силу рычага, пользу блока и дѣйствіе ворота; но здѣсь ничего подобнаго не было видно. Съ нетерпѣніемъ жду я конца репетиціи, полагая, что будутъ пробо-

вать полетъ — не тутъ-то было! Репетиція кончилась, и когда я спросилъ: «не будутъ ли пробовать полета?» то Калиновскій отвѣчалъ: «нѣтъ! эта машина хорошо устроена и пробовать нечего.» И мнѣ стало стыдно, что я не могъ отыскать этой машины.

Обѣдать мы приглашены были къ Калиновскому. Не буду рассказывать всѣхъ любезностей хозяйки и всѣхъ остротъ Угарова. Къ концу обѣда вошелъ очень высокой мущина, въ длинномъ синемъ сюртукѣ, подпоясанномъ кушакомъ, съ волосами въ скобку, но съ бритой бородой, и сказалъ обратясь къ Калиновскому: «пожалуйте, Осипъ Ивановичъ, денегъ за машину.» Меня такъ и взволновало. «Что за машина?» спросилъ я. — А это Донъ-Жуана поднимать, отвѣчали мнѣ. Я попросилъ позволенія посмотреть машину. «Принеси», сказалъ Калиновскій длинному сюртуку, который, какъ я послѣ узналъ, былъ главнымъ машинистомъ. Онъ вышелъ и скоро возвратился, принеся съ собою два толстые ремня немного потоньше тѣхъ, которые употребляются для рессоръ въ дрожкахъ. Оба ремня были съ желѣзными толстыми пряжками. У одного изъ нихъ по срединѣ пришить былъ дратвами желѣзный крючокъ значительной толщины, а у другаго пришито было такой-же прочности желѣзное кольцо. Не понялъ я механизма, и спрашиваю: «что-же изъ этого будетъ?» Тогда Калиновскій беретъ ремень съ крючкомъ, стягиваетъ его на себѣ пряжкой, которая пришлась назадъ; крючокъ же очутился напередъ. «А вотъ что, говоритъ

онъ: этимъ поясомъ подпояшется Фурія, у нея крючокъ напередѣ, а Донъ-Жуанъ подпояшется другимъ поясомъ, у котораго кольцо будетъ назади. Такимъ образомъ Фурія, спустясь сверху, обхватитъ одною рукой Донъ-Жуана, а другою надѣнетъ кольцо на крючокъ и унесетъ его.» — Да! подумалъ я, стало быть я не разсмотрѣлъ; вѣрно есть гдѣ-нибудь и воротъ и блоки, — и еще болѣе убѣдился въ этомъ, когда машинистъ сказалъ: «пожалуйте, Осипъ Ивановичъ, еще денегъ на канатъ, а то старый сгнилъ совершенно.» При выдачѣ денегъ Калиновскій прибавилъ: «да не забудь выкрасить канатъ черною краской, чтобъ не такъ было примѣтно.»

Съ ужаснымъ нетерпѣніемъ я ожидалъ вечера, чтобъ идти въ театръ: механизмъ сводилъ меня съ ума. Наконецъ около семи часовъ мы пришли въ театръ. Я тотчасъ бросился на сцену разсмотрѣть все хорошенько и отыскать машину. По тщательномъ осмотрѣ я нашелъ кое-что, а именно: отъ второй до третьей кулисы, по срединѣ сцены, положено было съ балки на балку круглое бревно, и на этомъ бревнѣ торчали два огромные гвоздя, вершка на полтора одинъ отъ другаго. Кромѣ того точно такое-же бревно, на тѣхъ-же балкахъ и съ такими-же гвоздями, положено было за кулисами. Всего этого прежде не было. Я отыскалъ длинный сюртукъ и спросилъ его, для чего положены эти бревна? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «это машина — подымать Донъ-Жуана.» — Какъ-же это?

разскажи пожалуйста, сказалъ я. «А вотъ изволите видѣть эти два гвоздя на этомъ бревнѣ, за кулисами? между нихъ пропустится веревка и протянется до половины сцены, гдѣ лежитъ вотъ другое бревно, и пропустится также между двумя гвоздями: изволите видѣть? А тамъ фурія будетъ сидѣть на балкѣ, и веревка эта привяжется ей сзади, и когда фурія будетъ спускаться, то гвозди не дадутъ веревкѣ сдвигаться, и фурія спустится прямо.» — «Какъ-же? воротомъ будутъ подымать?» спросилъ я. — Нѣтъ, отвѣчалъ длинный сюртукъ, просто на рукахъ. «Да вѣдь это очень тяжело», говорю я. — Да вѣдь здѣсь, прибавилъ онъ, за кулисами народу будетъ много, а къ тому-же мы веревку намажемъ саломъ: оно будетъ полегче. Покачалъ я головой и пошелъ въ кресла. Начался спектакль; Угаровъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ, да и къ Калиновскому публика, какъ видно, привыкла, такъ что, не смотря на его выговоръ, много разъ одобряла. Передъ пятымъ актомъ я не утерпѣлъ, пошелъ на сцену и увидѣлъ, что фурія уже сидѣла на балкѣ, а человѣкъ съ десять стояли за кулисами и держались за веревку. «Кто это, спросилъ я, одѣтъ фуріей?» — Это мой помощникъ, Миньевъ, отвѣчалъ механикъ. Я возвратился въ кресла и ждалъ окончанія пьесы. Наконецъ дождался: Донъ-Жуанъ въ отчаяніи призываетъ фурій! И вотъ посреди театра изъ паддуги показывается пара красныхъ сапогъ, потомъ бѣлая юбка съ блестками, а наконецъ является и вся фигура

Фуріи. Костюма Фуріи подробно передать я не въ состояніи: какой-то шарфъ перекинутъ черезъ плечо, на головѣ какой-то вѣнецъ съ рогами. Но это все ничего, а вотъ что было изумительно: какъ только Фурія отдѣлилась совсѣмъ отъ балки и повисла на веревкѣ, то новая веревка отъ тяжести стала вытягиваться и раскручиваться,—и такъ какъ Фурію спускали медленно, то она, прежде чѣмъ стать на ноги, перевернулась разъ двѣнадцать, отчего голова у ней разумѣется закружилась (выпила она для храбрости тоже порядочно). Ставши на полъ, Фурія ничего не видитъ; одною рукой держитъ крючокъ, а другою, размахивая, ищетъ Донъ-Жуана, но ищетъ совсѣмъ въ другой сторонѣ. Калиновскій въ бѣшенствѣ забываетъ, что это на сценѣ, и кричитъ громко: «*гунство!* сюда, сюда!» Наконецъ Фурія ощупываетъ кое-какъ Донъ-Жуана, обхватываетъ его одною рукою, а другою старается поддѣть кольцо на крючокъ... но никакъ не поддѣнетъ. Калиновскій въ совершенномъ отчаяніи, желая помочь горю, протягиваетъ назадъ руку, беретъ свое кольцо, а между тѣмъ бранныя слова сыплются на Фурію; но ничто не помогаетъ, и Фурія никакъ не можетъ сдѣлаться съ Донъ-Жуаномъ. Всему этому акомпанируетъ шумъ въ публикѣ: тутъ было и шиканье, и смѣхъ, и громогласное браво. Все это было для меня что-то неслыханное и невиданное, и потрясло меня до основанія. Я выбѣжалъ изъ креселъ, бросился на сцену, вырвалъ у механика веревку и опустил занавѣсъ. И надо было

видѣть, съ какимъ остервененіемъ Донъ-Жуанъ началъ терзать фурію за волосы... Тѣмъ и кончилось представленіе Донъ-Жуана.

VIII.

Въ 1801-мъ году, меня, какъ я говорилъ уже прежде, перевезли изъ Суджи въ Курскъ, и отдали въ народное училище. Съ тѣхъ поръ я началъ знакомиться со всѣми слоями тогдашняго общества, и когда сдѣлался актеромъ, то нѣкоторый успѣхъ, пріобрѣтенный мною на этомъ поприщѣ, далъ мнѣ возможность бывать во всѣхъ обществахъ; ибо, не взирая на то, что я все-таки былъ крѣпостной человѣкъ, меня часто приглашали къ себѣ и купечество, и служащіе по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Дворянскій бытъ я зналъ уже довольно хорошо по нашимъ гостинымъ, потому что меня, какъ ловкаго и умнаго малаго, часто выпрашивали для услугъ у господъ и въ другіе дома, гдѣ бывали большіе обѣды и бальные вечера; и во всѣхъ домахъ, гдѣ бывали такіа собранія, мнѣ, какъ лучшему официанту, платили противъ другихъ двойную цѣну, т. е. всѣмъ платили по 5, а мнѣ 10 р. И тамъ-то, благодаря моей наблюдательности, я хорошо понялъ духъ времени того вѣка. Жили, какъ говорилось, тогда

весело. Такъ, на примѣръ, зимой не доставало вечеровъ для баловъ, и потому часто дѣлались днемъ: столько было открытыхъ домовъ! къ тому-же театръ, собранія, въ городѣ было пять оркестровъ, — ну, кажется, чего-же лучше, а со всѣмъ тѣмъ духъ общества былъ слѣдующій:

Была одна дама въ городѣ, собою прекрасная; не буду называть ее, старожилы вѣрно узнаютъ. Весь городъ сожалѣлъ объ ея болѣзни, которою она несчастная страдала. Болѣзнь ея состояла въ страшной тоскѣ и вся медицина тогдашняя не могла найти средства облегчить ее; но случай открылъ лѣкарство. Какъ-то въ самомъ сильномъ страданіи, одна изъ крѣпостныхъ ея дѣвокъ принесла ей какую-то оконченную работу, весьма дурно сдѣланную; бывъ въ волненіи, она, вмѣсто выговора, дала ей двѣ пощечины, и странное дѣло! — черезъ нѣсколько минутъ почувствовала, что ей какъ будто сдѣлалось лучше. Она это замѣтила, но сначала приписала это случаю. Но на другой день тоска еще болѣе овладѣла ею, и будучи въ безвыходно-страдательномъ положеніи, она бѣдная вспоминала о вчерашнемъ случаѣ, и не находя другаго, рѣшилась попробовать вчерашнее лѣкарство. Пошла сейчасъ въ дѣвичью, и къ первой попавшейся на глаза дѣвкѣ придралась къ чему-то и наградила ее пощечинами, и что-же? — въ одну минуту какъ рукой сняло; а потомъ каждый день, послѣ того, начала лѣчиться такимъ образомъ, и общество даже замѣтило, что она поправляется. Однажды

графиня наша высказала ей свою радость, видя ее въ гораздо лучшемъ положеніи, и она въ благодарность за это дружеское участіе открыла ей рецептъ лѣкарства, который такъ помогъ. И какъ графиня была въ чахоткѣ, и у ней часто бывала тоска, то дама эта совѣтовала ей употреблять тоже лѣкарство, говоря, что оно очень поможетъ; но наша ей въ отвѣтъ на это сказала: «милая! я во всю жизнь щелчкомъ никого не тронула, и ежели бы, Боже сохрани, со мной случилось такое несчастіе, то мнѣ кажется — я умерла бы отъ стыда на другой-же день.» И это не фраза, потому что она была добрейшее существо, хотя и были кой-какія человѣческія слабости.

Не могу опредѣлить точно времени, но только однажды, когда я рисовалъ у графини въ комнатѣ узоръ съ вышитаго платья, вдругъ пріѣзжаетъ больная дама, и очень разстроенная. Графиня тотчасъ замѣтила и отнеслась къ ней съ вопросомъ: «Марья Александровна! что съ вами, вы такъ разстроены?»—и бѣдная больная, залившись слезами, стала жаловаться, что дѣвка Машка хочетъ ее въ гробъ положить.—Какимъ образомъ? спросила графиня. «Не могу найти случая дать ей пощечину. Уже я нарочно задавала ей и уроки тяжелые, и давала ей разныя порученія: все мерзавка сдѣлаетъ и выполнить такъ, что не къ чему придраться... Она, правду сказать, чудная дѣвка и по работѣ, и по нравственности; да за что-же я несчастная страдаю, а вѣдь отъ пощечины бы она не умерла!» Посидѣвши немного и высказавъ

свое горе, она уѣхала, — и графиня, при всей своей добротѣ, все-таки объ ней сожалѣла. Но дня черезъ два опять пріѣзжаетъ Марья Александровна веселая и какъ будто бы въ какомъ-то торжествѣ, обнимаетъ графиню, цѣлуетъ, смѣется и плачетъ отъ радости, и даже, не дожидая вопроса отъ графини, сама объяснила свою радость: «графинюшка! сегодня Машкѣ двѣ пощечины дала.» Графиня спросила: «за что? развѣ она что нашла?» — Нѣтъ, за ней этого не бываетъ. Но вы знаете, что у меня кружевная фабрика, а она кружевница; такъ я такой ей урокъ задала, что не хватить человѣческой силы, чтобы его выполнить. И наша графиня, при всемъ участіи къ больной, не могла не сказать ей въ отвѣтъ: «и вамъ это не совѣстно?» — Ахъ, ваше сіятельство! что-же мнѣ умереть изъ деликатности къ холопкѣ? а ей вѣдь это ничего, живѣхонька — какъ ни въ чемъ не бывало. Такой разговоръ происходилъ въ воскресенье, а во вторникъ, гораздо ранѣе назначеннаго времени для визитовъ, Марья Александровна пріѣзжаетъ къ графинѣ, разстроенная и почти въ отчаяніи, и входя на порогъ, даже не поздоровавшись съ хозяйкой, кричитъ, что дѣвка Машка непременно хочетъ ее уморить. Графиня спрашиваетъ, что такое случилось? «Какъ-же, графиня! представь себѣ, вчера такой-же урокъ задала, — что-же?... значить, мерзавка ни спала, ни ѣла, а выполнила — и все это только, чтобы досадить мнѣ! Это меня такъ разсердило, что я не стерпѣла и съ

досады дала ей три пощечины; спасибо — въ головѣ нашла причину: а, мерзавка! говорю ей, значить — ты и третьяго дня могла выполнить, а по лѣности и изъ желанія сдѣлать непріятность, не выполнила; такъ вотъ же тебѣ! — и вмѣсто двухъ, дала три пощечины, а со всѣмъ тѣмъ не могу до сихъ поръ придти въ себя... и странное дѣло: обыкновенное лѣкарство употребила, а страданія не прекращаются!»

По отъѣздѣ этой дамы, графиня стала сожалѣть объ ней; а какъ я и на этотъ разъ рисовалъ узоръ въ ея комнатѣ, то не вытерпѣлъ и сказалъ: «простите меня, ваше сіятельство, за смѣлость, что я позволю себѣ сказать вамъ: я не могу понять, какъ при вашей добротѣ вы тоже сожалѣете о подобной женщинѣ?» — Э, милый! чѣмъ она бѣдная виновата, когда у ней болѣзнь такого рода. «Извините, ваше сіятельство, что я не соглашусь съ вами: какая это болѣзнь? это — глупость, капризь и безотчетность въ своихъ дѣйствіяхъ!» На что графиня уже тономъ госпожи сказала: «еще молодъ! и не осуждай, не зная, что есть на свѣтѣ разныя болѣзни, въ которыхъ искусство докторовъ бесполезно.» — Въ этомъ я не смѣю спорить съ вашимъ сіятельствомъ; но коли доктора ей не помогаютъ, такъ посовѣтуйте ей простое народное лѣкарство, основанное на пословицѣ: клинъ клиномъ выгоняютъ. Итакъ пусть она своимъ дѣвушкамъ скажетъ: милыя! если я опять когда забудусь и кому-нибудь изъ васъ дамъ пощечину, то вы наобо-

ротъ тоже отвѣсьте мнѣ двѣ пощечины. И повѣрьте, ваше сіятельство, какъ рукой сниметъ! Право, ваше сіятельство, посовѣтуйте ей. «Э, милый! сказала графиня, ужъ разсмѣявшись, какъ можно дать такой совѣтъ?» — Что-жь, ваше сіятельство! это будетъ по половицѣ: рука руку моетъ. Вѣдь она же совѣтовала вамъ свое лѣкарство отъ тоски, хотъ вы, по упрямству своему, и не послушались ея совѣтовъ; а это будетъ только совѣтъ за совѣтъ.

Вотъ былъ вѣкъ!—и во всемъ городѣ не было лица, которое посмотрѣло бы на этотъ случай съ человѣческой стороны; конечно, все это принадлежало времени.

Теперь бросимъ взглядъ на другую сторону жизни тогдашняго общества.

Жили въ Курскѣ, какъ я уже сказалъ, весело, и это продолжалось до губернатора Н. И. Н., со вступленія котораго въ управленіе губерніей (не могу опредѣлить точно времени, когда это было: въ 1808 или въ 1809 году) общество начало разстроиваться и дѣлиться на партіи, такъ что къ концу года его веселость исчезла, и если бывали какія-либо собранія дворянъ въ одну кучу, то или по случаю чьихъ-либо именинъ или свадьбъ. Прислушиваясь во всѣхъ классахъ общества, я услыхалъ одинъ ропотъ на губернатора: первое, что при его средствахъ, жилъ не по-губернаторски и даже, къ стыду дворянства и своего званія, ѣздилъ по городу четверней, а не въ шесть лошадей, и прислуги было мало, такъ что въ царскіе дни, когда давалъ

обѣды, на которые, кромѣ должностныхъ людей, никого не приглашалъ, и для такого небольшого числа посѣтителей приглашали для услуги людей изъ другихъ домовъ, — и даже за пятью дѣтьми или чуть ли не за шестью ходила одна дѣвушка, Сарра Ивановна; а какъ тутъ были и мальчики, то ихъ бѣдныхъ приучили съ четырехъ лѣтъ самихъ одѣваться, такъ что ей стоило только приготовить, что надѣть. «Воля ваша, говорили всѣ, это не по-дворянски!» Но главное, что возмущало все общество, это то, что онъ не бралъ взятокъ. «Что мнѣ въ томъ, говорилъ всякой, что онъ не беретъ? за то съ нимъ никакого дѣла не сдѣлаешь.» А въ этомъ вѣкъ не было и жалобы на взятки, а былъ попрекъ отъ общества слѣдующій: «вотъ, говорятъ, былъ дуракъ — покойникъ такой-то; 25 лѣтъ былъ секретаремъ гражданской палаты, а умеръ — похоронить было нечѣмъ!» Въ самомъ Курскѣ было два человека, которыхъ имена были записаны у каждаго гражданина, имѣющаго дѣла, или въ святцахъ или въ календарѣ: это — П. М. Торжевскій и Л. С. Бакановъ; да въ судженскомъ уѣздѣ было знаменитое лицо Котельниковъ — тотъ самый, о которомъ Гоголь сказалъ въ «Мертвыхъ Душахъ» нѣсколько словъ, и въ томъ числѣ фразу: «полюбите насъ черненькими, а бѣлинькими насъ всякой полюбить». Всѣ означенныя три лица считались за благороднѣйшихъ людей, потому что брали и дѣлали; а то все служащее брало и ничего не дѣлало. Послѣдній былъ по вѣку удивительное лицо, хотя служба его была какъ-бы

черновая; онъ былъ всю жизнь письмоводителемъ при исправникахъ. Я какъ его узналъ, то онъ выражался, что онъ уже на тринадцатомъ исправникѣ ѣздитъ. «Какъ приведутъ, говоритъ, съ выборовъ новаго исправника, а особливо, который служилъ прежде въ военной службѣ, — приступу нѣтъ, точно дикой жеребецъ, бьется и задомъ, и передомъ, и даже кусается; а какъ обгладишь хорошенько, такъ такой въ ѣздѣ хорошій станетъ, что любо-дорого!» Этотъ человѣкъ отличался необычайной памятью, такъ что очень часто пріѣзжали изъ другихъ губерній спрашивать: что вотъ по такому дѣлу не знаетъ ли какого-нибудь закона, который бы былъ въ пользу этого дѣла? и даже при выходѣ какого новаго указа пріѣзжали спрашивать: «ну что, Иванъ Васильевичъ, что вы скажете о новомъ указѣ?» — Что-же, ничего! лазейки двѣ есть. И когда гдѣ случится дѣло, которое подходило подъ смыслъ этого указа, то разумѣется тотчасъ бѣжали къ Ивану Васильевичу, и онъ указывалъ лазейку, за что бралъ условленную плату: и его всегда считали за благороднѣйшаго человѣка.

При такомъ взглядѣ на вещи, разумѣется, губернаторъ не могъ нравиться обществу, и даже полиція горько сѣтовала на него за слѣдующее. Въ то время на театрѣ играли комедію Судовщикова: «Неслыханное диво или честной секретарь», въ которой квартальный выведенъ не совсѣмъ съ выгодной стороны, и каждый разъ, какъ только давалась эта піеса, содержатель обязанъ былъ отправлять нѣсколько биле-

товъ къ полицеймейстеру, за что каждый разъ и деньги были заплачены; а полицеймейстеру данъ отъ губернатора приказъ, чтобы эти билеты были раздаваемы квартальнымъ по очереди и чтобы они были непременно въ театрѣ, а какъ самъ губернаторъ всякой разъ бывалъ въ театрѣ, то и могъ видѣть — исполняется ли его распоряженіе. Въ этой комедіи есть слѣдующая сцена: квартальный, изъ дворянъ, у предсѣдателя (который жаловался, что онъ нездоровъ) выразился: «отъ чего вы ваше высокородіе, не пригласите докторовъ?» — Охъ, боюсь я французовъ и нѣмцевъ. Квартальный говоритъ:

Коль въ страхъ вы себя французу поручить,
У насъ есть будочникъ — ужасно золь лѣчить.

предс. Да развѣ медикъ вашъ будочникъ учился?

кварт. Онъ прежде въ конюхахъ придворныхъ находился;
А тамъ какой-то былъ изъ нѣмцевъ коноваль,
Всю хиромантію и дохтурство онъ зналъ.

Такъ этотъ вокругъ него всегда почти вертѣлся
И медицинѣ препропасть насмотрѣлся:
Припарку ли сварить, проносное ли дать —
Все знаетъ. Мнѣ вотъ онъ старался помогать....

(Показываетъ на подбитый глазъ.)

предс. Что это у тебя?

кварт. *(смѣясь)* За храбрость дали звѣзду.

Третьѣва дни я былъ въ театрѣ у развѣзду,
Такъ кучеръ тамъ меня нечаянно задѣлъ
По рожѣ кулакомъ.

предс. И ты не возымѣлъ
Претензій на него?

кварт. Да гдѣ мнѣ съ нимъ тягаться!

Тебя же обвинять: ну какъ, дескать, связаться

Нестыдно съ кучеромъ? Да это мнѣ пустякъ!

Случается, что насъ колотятъ и не такъ.

предс. Да, должность такова! тутъ нечему дивиться

За то въ другой статьѣ ущербъ вознаградится.

*(Указываетъ на карманъ. Оба смѣются, а квартальный кланяет-
ся председателю съ видимымъ почтеніемъ.)*

Весь городъ сожалѣлъ о бѣдныхъ квартальныхъ, ко-
торые самимъ начальствомъ публично были выставляемы
какъ-бы на поруганіе.

Вотъ (каковъ) былъ духъ общества съ 1801 до
1816 года. Но, къ сожалѣнію, это было не въ одномъ
Курскѣ. Въ 1816 году я уже разстался съ Курскомъ
навсегда, и первый дебютъ былъ въ Харьковѣ, гдѣ
скоро увидалъ все тоже, и доказательствомъ тому слу-
жить повѣсть графа Соллогуба: «Собачка». Она писана
изъ моего разсказа и все было въ дѣйствительности,
такъ, какъ описано, и авторомъ даже еще много смяг-
чено.

Вотъ было время! Благодаря Богу, мы на столько
ужь выросли, что теперь сами стыдимся тогдашняго
образа мыслей, а потому и Курску въ настоящее время
нечего оскорбляться за высказанную истину.

Мои записки будутъ имѣть одно достоинство—истину.
Я ничего не солгу, а записываю только то, что было
въ дѣйствительности.

IX.

Многое, видѣнное мною въ жизни, я не записывалъ; но время, этотъ великій учитель, указалъ мнѣ необходимость передать людямъ многое, чему я былъ свидѣтелемъ: оно будетъ дорисовывать тотъ вѣкъ и образъ мыслей людей тогдашняго времени.

Слѣдующій рассказъ я вспомнилъ по случайной причинѣ: года три тому назадъ *), я былъ въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ генераломъ. А. Д. Ч., который давно меня зналъ и всегда, такъ сказать, дарилъ меня своимъ вниманіемъ. Завязался разговоръ о настоящемъ времени, о томъ движеніи, которое зашевелилось во всѣхъ слояхъ общества. Многое онъ одобрялъ, противъ многаго возставалъ; а я съ своей стороны сказалъ ему, что переходное состояніе всегда было таково: предъ нами прошедшія семь тысячъ лѣтъ, изъ которыхъ ясно видно, что народы не годами растутъ, а вѣками. Слава Богу и то, что мы доросли до мысли и не стыдимся уже сознавать, что у насъ есть много дурнаго; а молодое наше поколѣніе воспользуется прошедшими ошибками и найдетъ лѣкарство. «Повѣрьте, сказалъ я, все идетъ къ лучшему. Ахъ, да! читали вы, А. Д., стихи къ молодому поколѣнію Щербины?» Онъ отвѣчалъ: нѣтъ. «Не угод-

*) Писано въ 1859 году.

но ли я ихъ прочту?» — Когда я прочелъ, онъ сказалъ: «да, хороши; жаль только, что это — фразы и нейдутъ къ нынѣшнему молодому поколѣнію, потому что современное молодое поколѣніе—дрянь; въ наше время было не то, наше поколѣніе было не нынѣшнему чета.» Такія рѣчи меня рѣшительно ошеломили и взволновали такъ, что я, стараясь затушить внутреннее волненіе, сказалъ весьма тихо: «ваше превосходительство поставили меня въ тяжелое положеніе; оспаривать ваше мнѣніе при вашемъ чинѣ—не ловко, а согласиться съ вашими словами въ мои годы будетъ безсовѣстно. Всмотритесь въ меня, генералъ, я не моложе васъ, а русскую жизнь едва ли знаю не лучше васъ; вы ее знаете отъ дворца и до вашихъ гостиныхъ, а я ее знаю отъ дворца до лакейской. У васъ не было жизненнаго толчка, который бы заставилъ васъ поглубже заглянуть въ настоящую жизнь; но моя дорога жизни не была такъ выровнена обстоятельствами, какъ ваша, да и самый родъ моего искусства заставлялъ меня поглубже вникать во всѣ слои общества; потому я и не могъ вынести изъ жизни тѣхъ пріятныхъ воспоминаній, которыя такъ живо вамъ представились. Нѣтъ, генералъ, и въ наше время было много дурнаго, а многое было во сто разъ гаже; но мы-то съ вами тогда не доросли еще до того, чтобы понимать это.» Тутъ я самъ почувствовалъ, что выразился уже немножко рѣзко, и прибавилъ: «простите меня, генералъ, за мою горькую истину: что дѣлать, я мало жилъ въ вашемъ кругу и потому не пріучился

золотить истину, и передаю ее во всей наготѣ; а чтобы убѣдить васъ, что это съ моей стороны не заносчивая выходка, но истина, прошу васъ выслушать, если не поскучаете, рассказъ о случаѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ и надъ которымъ все современное намъ съ вами, генераль, поколѣніе хохотало тогда, а у васъ отъ моего рассказа послѣдніе волосы станутъ дыбомъ.»

— Пожалуста, расскажи, чтѣ за случай? отвѣчалъ онъ.

— Въ 1802 году, какъ видно изъ моихъ прежнихъ рассказовъ, я находился въ народномъ училищѣ, и такъ какъ я, будучи крѣпостнымъ, имѣлъ дерзость быть первымъ ученикомъ, то весь городъ зналъ меня и называлъ не иначе, какъ *милый Миша*, *умный Миша*; меня даже гладили по головкѣ и ласково трепали по пухлымъ щекамъ. Хотя лѣтъ мнѣ было немного, однако я былъ уже тогда офиціантомъ. Въ это время въ Курскѣ стоялъ полкъ; командиръ этого полка князь И. Г. В. былъ съ нашимъ господиномъ въ короткихъ отношеніяхъ, а потому, когда лѣтомъ, въ день своего рожденія, онъ вздумалъ для города дать обѣдъ и балъ въ лагерѣ, то просилъ графа прислать людей для услуги. Это было въ воскресенье, и я сталъ не ученикъ, а офиціантъ; на насъ были возложены всѣ хлопоты, мы отправились очень рано, и что нужно—захватили изъ дому. Къ назначенному времени все было нами приготовлено, и я, вмѣсто отдыха, пошелъ по палаткамъ знакомыхъ офицеровъ, которые всѣ меня знали и ласкали; между прочимъ прихожу въ палатку И. Ф. Б., гдѣ находилось

еще нѣсколько офицеровъ, и слышу споръ: И. Б. держитъ на 500 р. пари съ другимъ офицеромъ, что у него въ ротѣ солдатъ Степановъ выдержитъ тысячу палокъ и не упадетъ. Это меня чрезвычайно поразило, тѣмъ болѣе, что мы знали И. Б., какъ благороднаго человѣка; но вотъ каково было наше хвалёное время: я, сознаюсь, старался скрыть мое волненіе, боясь быть уличеннымъ въ такой слабости. Между тѣмъ послали за солдатомъ, и вотъ явился мущина вершковъ восьми, широкоплечій и порядочно костистый. Б. нестрогимъ голосомъ, а такъ, будто дружески, предлагаетъ ему слѣдующее: «Степановъ! синенькую и штофъ водки — выдержишь тысячу палокъ?» — Ради стараться, ваше благородіе! Мнѣ казалось, что я обезумѣлъ; я незамѣтно вышелъ изъ палатки. Степановъ тоже вскорѣ вышелъ оттуда, и когда онъ проходилъ мимо меня, я не утерпѣлъ и сказалъ: «какъ-же ты, братецъ, на это согласился?» Въ отвѣтъ на это онъ просто объяснилъ задачу: «эхъ, парнюга, все равно даромъ дадутъ!» махнулъ рукой и пошелъ какъ ни въ чемъ не бывало. Желчь разлилась во мнѣ, и я пошелъ въ палатку князя, гдѣ уже было много гостей. Какъ балованный всѣми мальчикъ, я хожу по палаткѣ и смѣюсь, но это былъ желчный смѣхъ... Князь, погладивъ меня по головкѣ, спросилъ: «чему ты, милый Миша, смѣешься?» — Меня, ваше сіятельство, разсмѣшили ваши офицеры. Тутъ я рассказалъ ему забавную шутку и ихъ пари, и повѣрите ли: все это принято обществомъ съ хохотомъ, а нѣкоторые даже по-

вторяли: «ахъ, какіе милые шалуны!» А другіе отзывались: «а! каковъ русскій солдатъ? молодецъ!» Кажется, одно только существо посмотрѣло на этотъ случай человѣчески. Это Алек. Абрам. Анненкова, которая сказала князю: «князь! пожалуста, хоть для своего рожденія, не прикажи; право жалко, все-таки человѣкъ.» Тогда князь, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Миша! поди, позови сюда шалуновъ.» Я исполнилъ, и когда они вошли, князь сказалъ имъ: «что вы, шалуны, тамъ затѣяли какое-то пари? ну, вотъ дамы просятъ оставить это; надѣюсь, что просьба дамъ будетъ уважена.» Вотъ, генераль, наше хвалёное время!

— Но одинъ частный случай не обрисовываетъ всего общества, отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ вотъ вамъ другой, бывшій гораздо позднѣе. Когда кончилась кампанія 12 года, ополченные возвратились домой, а крѣпостные къ своимъ господамъ; за тѣхъ, которые не возвратились, правительство выдало рекрутскія квитанціи,—и одна дама, очень образованная по времени и обществу (даже крѣпостные отзывались о ней, какъ о доброй женщинѣ), у графини на именинахъ, за обѣдомъ, не краснѣя позволила себѣ сказать въ разговорѣ о прошедшей кампаніи: «вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу: онъ отдавалъ въ ополченіе 9 человѣкъ, а возвратился всего одинъ, такъ что онъ получилъ 8 рекрутскихъ квитанцій и всѣ продалъ по три тысячи; а я отдавала 26 человѣкъ, и на мою бѣду всѣ возвратились — такое несчастье!» При этихъ

словахъ ни на одномъ лицѣ не показалось даже признака неудовольствія противъ говорившей. Всѣ согласились, а нѣкоторые даже прибавили: «да, такое счастье, какое Богъ даетъ Ивану Васильевичу, немногимъ дается!»

Тутъ кто-то пріѣхалъ изъ гостей, и разговоръ нашъ кончился. Во всемъ этомъ разговорѣ нѣтъ ни слова лжи, а святая истина, и я счелъ обязанностію занести его въ мои записки.

Въ 1831 году директоръ М. Н. Загоскинъ вздумалъ поручить мнѣ драматической классъ въ школѣ. Не чувствуя себя совершенно-способнымъ, я поблагодарилъ его за это предложеніе и тутъ-же сознался, что не чувствую себя способнымъ для такого, по моему мнѣнію, весьма важнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что я плохой декламаторъ. На это Загоскинъ отвѣчалъ: «въ сторону всякую скромность! Скажи: кто-же въ настоящее время опытнѣе тебя? Къ тому-же вся твоя обязанность будетъ приходить въ школу и изъ находящихся тамъ дѣтей ставить спектакли, чтобы воспитанники знакомились со сценой и искусствомъ; а это мнѣ дастъ возможность прибавить къ получаемому тобой жалованью 2000 руб. ассигнаціями, что при твоёмъ многочисленномъ семей-

ствѣ будетъ нелишнее.» И точно семейство мое состояло тогда изъ 24-хъ человѣкъ. Послѣ такихъ убѣдительныхъ доводовъ я, разумѣется, согласился. «Прикажете же, сказалъ я, назначить часы, когда я долженъ буду являться въ школу.» — Нѣтъ, милой! этого назначить я не могу, а ты иногда заходи въ школу, и когда дѣти не заняты, въ то время и займись ими. Принявъ на себя обязанности такого рода и привыкнувъ исправлять всѣ свои обязанности добросовѣстно, я рѣдкой день не бывалъ въ школѣ; даже и въ тѣ дни, въ которые игралъ, я заходилъ туда до или послѣ репетиціи. Скоро я покороче познакомился со всѣми дѣтьми. Такъ какъ часто бывало, что режиссёръ, по случаю какой-либо перемѣны или чьей-либо болѣзни, присылалъ въ школу роли для отдачи воспитаннику или воспитанницѣ; то я просилъ его присылать роли прямо ко мнѣ, а я уже самъ укажу, кому ихъ отдать. Присылаемые роли я раздавалъ кому слѣдуетъ, разумѣется, соображаясь со средствами; дѣти замѣтили, что я никого не миную и раздаю роли совершенно справедливо: это пріобрѣло мнѣ ихъ любовь, и мы жили дружно, учились понемногу, но съ толкомъ.

Однажды какъ-то я игралъ, не помню — въ какой піесѣ, въ которой одна роль была отдана выпущенной изъ школы уже около полугода дѣвицѣ Сор — ной. Роль ея была небольшая, но она поразила меня своимъ гармоническимъ голосомъ; притомъ каждое ея слово было отъ сердца. Собыой она не была красавица, но у ней была красота мо-

лодости, прекрасныя формы и чрезвычайно выразительное, говорящее лице, такъ что я не утерпѣлъ и послѣ спектакля спросилъ у ней: почему она, бывши въ школѣ, не хлопотала, чтобы играть въ спектакляхъ? «Эхъ, Михаилъ Семеновичъ, кому было обо мнѣ хлопотать? отвѣчала она; сама же я такъ робка и такъ недовѣрчива къ себѣ, что ничего въ себѣ не находила, потому и не рѣшалась просить роли. Благодаря нашему учителю, Н. И. Надеждину, я смотрѣла на драматическое искусство, какъ на что-то великое и для меня недостижимое.» — Ну, а я все-таки поговорю съ режиссёромъ, чтобъ онъ обратилъ на васъ вниманіе. Потомъ мнѣ странно казалось, что она шесть мѣсяцевъ, какъ выпущена изъ школы, а одѣвается хотя чисто, но бѣдно. Конечно, ее выпустили на 250 руб. ассигнаціями жалованья; однакожь многія ея товарки, получая такое жалованье, уже щеголяли въ шелку и бархатѣ, а она не выходила изъ холстиннаго платья. Разумѣется, я сказалъ о ней режиссёру и полагалъ, что съ моей стороны все сдѣлано; а потомъ занятія по сценѣ и по школѣ отвлекли мое вниманіе и подъ конецъ я совершенно забылъ о ней. Какъ-то мѣсяцевъ черезъ шесть прислали роль въ школу, и когда я взглянулъ на нее, тотчасъ вспомнилъ о Сор—ной; тогда-же отправился въ театръ и говорю: «за что-же взяли, роль у Сор—ной?» Режиссёръ отвѣчаетъ мнѣ, что роль передана по ея болѣзни. «Это дѣло другое, а впрочемъ, можетъ быть, она скоро оправится.» Режиссёръ говоритъ мнѣ

смѣясь: «конечно, оправится, только не такъ скоро; попросту сказать — она беременна.» Это такъ обыкновенно было на нашей сценѣ, что я махнулъ рукой и сказалъ: «ну, Богъ съ ней! а жаль, дѣвушка славная.» Я даже не спросилъ, кого она любитъ. Потомъ черезъ нѣсколько времени она опять показалась, но какая-то грустная, очень похудѣлая, и все въ холстинныхъ платьяхъ. Не могу опредѣлить времени — черезъ годъ, а можетъ быть: и болѣе — приходитъ на репетицію въ театръ служащій у коменданта г. Д—въ. Онъ былъ изъ числа короткихъ знакомыхъ директору театра: подобныя лица допускались по волѣ директора, и онъ очень часто бывалъ въ антрактахъ на сценѣ вмѣстѣ съ директоромъ. Мы всѣ хорошо его знали. По окончаніи репетиціи, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «вѣдь сегодня вы свободны, подарите мнѣ нѣсколько времени, у меня къ вамъ есть серьезная просьба; но этой просьбѣ будетъ предшествовать многое, съ чѣмъ я долженъ васъ напередъ познакомить. Тогда вы вполне поймете всю важность моей просьбы. Поѣдемте безъ церемоніи въ гостинницу, возьмемъ особенную комнату, пообѣдаемъ тамъ, и я буду имѣть время рассказать вамъ все.» Не находя причины отказать, я изъявилъ свое согласіе. «Позвольте мнѣ только распорядиться, сказалъ я, сказать дома, чтобы меня не ждали обѣдать: семейному человѣку нельзя безъ этого.»

Мы отправились въ Троицкой трактиръ, гдѣ заняли на верху свободную комнату и велѣли давать обѣдать.

За обѣдомъ Д—въ спросилъ меня, знаю ли я, что онъ близокъ съ Сор—ной и что эта связь продолжается года полтора. Я замѣтилъ, что по болѣзни Сор—ной зналъ объ ея отношеніяхъ къ кому-то, и что если этотъ кто-то — онъ, то пусть не погнѣвается. Тутъ я упрекнулъ его въ скупости: какъ-же дѣвочка до сихъ поръ не выходитъ изъ холстинныхъ платьевъ? — Благодарю васъ, М. С., за вашъ выговоръ; онъ-то меня и оправдываетъ передъ нею, хотя я совершенно виноватъ безъ оправданія. Я вамъ сейчасъ расскажу все подробно, а вы пособите вашимъ совѣтомъ, какъ-бы мнѣ достигнуть цѣли. Вотъ въ чемъ дѣло: по дружескимъ отношеніямъ съ директоромъ, я каждый день бывалъ за кулисами, и еще за годъ до ея выпуска, какъ-то обратилъ на нее вниманіе, и къ моему удивленію, нашелъ въ ней то, чего не замѣчалъ ни у кого изъ ея подругъ—свѣтлый умъ, теплое сердце; желая найти развлеченіе въ будущемъ, я почти ни съ кѣмъ, кромѣ нея, не разговаривалъ. Это произвело на нее сильное впечатлѣніе, и она всей душой привязывалась ко мнѣ все болѣе и болѣе; мнѣ, признаюсь, это было пріятно. Хотя я самъ и не платилъ ей тѣмъ-же, но она въ пылу страсти ничего не видѣла, и о простыхъ свѣтски-любезныхъ рѣчахъ думала, что всѣ онѣ отъ сердца. Наконецъ, ее выпустили, какъ вы знаете, на 250 р. ассигнаціями жалованья. Я человѣкъ со средствами, могъ обезпечить ее и со временемъ съ приличнымъ приданымъ выдать замужъ, почему и рѣшился продолжать

атаку. Вскорѣ по выпускѣ, она играла въ какой-то піесѣ, и я спросилъ ее въ антрактѣ: играетъ ли она до конца піесы? «Нѣтъ, отвѣчала она, я кончила, но меня одну не повезутъ; надо дожидаться окончанія спектакля.» — Такъ не хочешь ли, я довезу тебя *), и кстати узнаю твою квартиру; надѣюсь, ты позволишь мнѣ навѣстить тебя. Она вспыхнула и проговорила: «да какъ-же, вѣдь это замѣтятъ, пойдутъ сплетни. Ужь и такъ, отъ того только, что вы со мной ласково обходитесь, сколько объ этомъ сплетней!» — Если ты не желаешь, чтобы насъ видѣли, выходи за уголъ театра, а я буду тамъ съ экипажемъ. И въ тоже время я взялъ ее за руку, которая была вся въ огнѣ и дрожала; она сжала мнѣ руку, почти задыхаясь проговорила: «хорошо!» и тотчасъ-же ушла. Я, разумѣется, не замедлилъ распорядиться экипажемъ. Она явилась; я посадилъ ее въ экипажъ, и не спрося объ ея квартирѣ, велѣлъ ѣхать: кучеръ уже зналъ—куда. Она была въ такомъ волненіи, что когда пріѣхали....., она не обратила вниманія, куда ее привезли. Когда мы вошли въ комнату, она была въ какомъ-то безпамятствѣ; только глаза, обращенные ко мнѣ, горѣли страшно..... Потомъ, признаюсь, мнѣ сдѣлалось совѣстно передъ ней, и я хотѣлъ избыткомъ ласкъ привести ее въ себя, но ничто не помогало. Наконецъ я спросилъ объ ея

*) Читателю можетъ показаться очень страннымъ, что мужчина говоритъ дѣвушкѣ: *ты*, а она ему *вы*; но таково было доброе старое время!

квартирѣ, куда рѣшился довести ее самъ. Всю дорогу она была въ томъ-же состояніи, минутами судорожно схватывала мою руку, цѣловала ее, а напослѣдокъ на прощанье обняла меня и такъ поцѣловала, что, признаюсь, не нахожу словъ, чтобы выразить это движеніе словами. Въ ту-же минуту залилась она горькими слезами и сквозь рыданья едва могла проговорить: «заѣзжай завтра хоть на минуту, или я, право, умру.» Я, разумѣется, далъ слово и пропустилъ ее въ калитку, а самъ отправился домой и чрезвычайно былъ недоволенъ собой и своимъ сквернымъ поступкомъ: точно я сдѣлалъ какое-то воровство. Ну, думаю, чтобы поправить все это, я навезу ей такихъ гостинцевъ, какихъ она не ожидаетъ, и надѣюсь: она, Богъ дастъ, забудетъ о своей потерѣ. На другой день, освободившись отъ служебныхъ обязанностей, я тотчасъ поѣхалъ на Кузнецкой мостъ и закупилъ всего, что по моему мнѣнію было для нея понужнѣе. Я не жалѣлъ денегъ; тутъ все было: бархатъ, матерія для платья и брилліанты. Я заранѣе утѣшался мыслию, какое это доставитъ ей удовольствіе. Она встрѣтила меня въ дверяхъ и съ несказанно-радостнымъ лицомъ бросилась мнѣ на шею. Черезъ нѣсколько минутъ человекъ мой внесъ въ комнату корзину и разные узлы съ покупками. Когда онъ вышелъ, она спросила: «что это?» Я сказалъ, что это гостинецъ для нея и что есть еще прибавка, и вынулъ изъ кармана брилліантовую брошку и пакетъ съ двумястами рублей. «Послѣднее,

разумѣтся, на твои расходы, сказалъ я; я не хочу, чтобы ты нуждалась въ чемъ-нибудь.» И вдругъ изъ радостнаго ея лица сдѣлалось что-то страшное, смертная блѣдность покрыла ея розовыя щеки, и она съ трудомъ выговорила: «и это все мнѣ? мнѣ?» — Да, моя милая! что-жъ ты такъ огорчилась? я хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе этой бездѣлицей. Но при этихъ словахъ изъ ея груди вырвался какой-то страшный стонъ; она зашаталась, и еслибъ я не поддержалъ ее, она упала бы на полъ. Усадивъ ее, я старался ее успокоить. Ужъ я и самъ не знаю, чего я ей не говорилъ, но на все это отвѣтомъ были рыданія. Наконецъ, придя въ себя, она встала, и указавъ рукой на дверь, сказала мнѣ: «извольте меня оставить, и унесите съ собой всѣ ваши драгоценности; я не продавала себя! Если я пожертвовала вамъ собою, то не изъ корысти; я думала, что изъ этой жертвы вы поймете всю силу моей любви къ вамъ. Вы меня не поняли, я обманулась въ васъ, прощайте навсегда!» И съ этими словами, хлопнувъ дверью, она выбѣжала вонъ.

Не берусь описать вамъ мое положеніе. Но могли я ожидать, что найду въ этой театральной сферѣ такое существо, когда и въ лучшихъ слояхъ общества мы не встрѣчали подобныхъ явленій. Я, разумѣтся, не любилъ ее; но этотъ поступокъ заставилъ меня уважать ее, а гдѣ уваженіе, тамъ и любовь. Не стану утомлять васъ подробностями; скажу только, что мнѣ было ужасно тяжело, пока мы не помирились,

и она простила меня изъ снисхожденія къ моимъ страданіямъ, которыя были на этотъ разъ непритворны. Я бывалъ у нея каждый разъ, и каждый разъ самъ дѣлался лучше; я уже ничего не предлагалъ ей, и она была счастлива въ холстинныхъ платьяхъ; я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе любилъ ее, и все время, свободное отъ службы, проводилъ съ ней, только уѣзжалъ пообѣдать. Разъ какъ-то я сказалъ ей: «я бы и пообѣдалъ у тебя, да тебѣ самой ѣсть нечего, а еслибъ ты позволила, я бы далъ тебѣ денегъ на мои обѣды.» Она улыбнулась. «Обо мнѣ не заботься, сказала она, я сыта! А если тебѣ захочется пообѣдать у меня, то подлѣ меня гостинница; ты можешь распорядиться, чтобы тебѣ въ извѣстный день и часъ приносили обѣдъ, но только не часто. Ты не забудь, что у тебя отецъ и мать, а они рѣдко тебя видятъ: это нехорошо.»

Наконецъ у меня блеснула мысль: почему бы мнѣ не жениться на ней. Вѣдь лучшей жены, думалъ я, нельзя уже найти; но, признаюсь, неравенство положеній — этотъ вѣковой предразсудокъ — затушилъ мою свѣтлую мысль. Къ моему удивленію, какъ-то разъ поутру, противъ обыкновенія, зашла мать на мою половину, и нѣжно стала жаловаться, что я совсѣмъ забылъ ее, что мы почти не видимся. «Поутру уѣзжаешь на службу не повидавшись, говорила она, а вечеромъ возвращаешься тогда, когда мы уже въ постели.» Я хотѣлъ было извиниться, но она остановила меня: «не сочиняй ничего, я все знаю; знаю, гдѣ ты проводишь

время, и признаюсь — согрѣшила: черезъ нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ узнала объ ней все. Знаю, что она добрая, скромная дѣвушка, и если ты и самъ въ ней все находишь, и думаешь, что она необходима для твоего счастья, такъ лучше женись на ней. Я уже говорила объ этомъ съ отцемъ, и онъ согласенъ.» Я не зналъ, какъ и благодарить ее, и рассказалъ ей все наше прошедшее. Это имѣло на матушку такое вліяніе, что она рыдала какъ дитя, и въ порывѣ материнскаго чувства обняла меня, поцѣловала, и благословила, приговаривая: «нѣтъ, голубчикъ, женись, непременно женись. Богъ тебѣ даетъ не жену, а сокровище. Да и на душѣ твоей будетъ большой грѣхъ, когда ты этого не сдѣлаешь! А ужъ намъ старикамъ будетъ вѣчная радость: кромѣ того, что ты будешь постоянно дома на нашихъ глазахъ, ты будешь еще и счастливъ, обладая такимъ сокровищемъ.» Я въ тотъ же день послѣ службы отправился къ ней съ пріятною вѣстью, и когда вошелъ, она узнала по лицу, что случилось что-нибудь пріятное. «Что съ тобой? спросила она; я давно не видала у тебя такого веселаго лица.» — Да, я принесъ тебѣ вѣсть, радостную для насъ обоихъ. Старики мои какъ-то узнали о тебѣ и позволяютъ мнѣ жениться, и вотъ, дружечикъ! я, какъ женихъ, прошу твоей руки. Выразить ея радость невозможно. Она залилась слезами, обвила мою шею обѣими руками и говорила сквозь слезы: «теперь, мой милый, я вполне счастлива; поступокъ твой доказываетъ ясно,

что ты меня любишь такъ-же сильно, какъ я тебя. Чтобъ отблагодарить тебя за всю твою любовь, я не пойду за тебя. И на что мнѣ идти? вѣдь я счастлива. Я знаю, что это жертва съ моей стороны; но она для полного моего счастья необходима. Ты разсуди самъ: ты просишь руки, съ воли родителей; удовлетворяя твое желаніе и сдѣлавшись твоей женой, чѣмъ бы я заплатила тебѣ за любовь твою и за доброту твоихъ родителей? — неблагодарностью. Я внесла бы съ собой въ твое семейство позоръ; вѣдь люди не забудутъ, что я была такое, не простятъ моей дерзости и разными намѣками будутъ шпиговать меня, а вы изъ-за меня должны будете краснѣть передъ всѣми. Обдумай хорошенько мой отказъ, оцѣни его какъ слѣдуетъ, и ты самъ увидишь, что я дѣлаю то, что должна сдѣлать честная дѣвушка. Предложеніе твое я глубоко оцѣнила сердцемъ; оно совершенно увѣрило меня въ твоей любви: чего-же мнѣ больше? я счастлива; не осуждай моего отказа, онъ идетъ прямо отъ любящаго сердца.»

Д—въ очутился въ самомъ тяжеломъ положеніи, и поспѣшилъ ко мнѣ съ просьбой поговорить съ нею, объяснить, что это съ ея стороны излишняя жертва. «Я знаю, что она васъ очень уважаетъ, прибавилъ онъ, и слова ваши для нея будутъ дѣйствительнѣе другихъ.» Я обѣщала исполнить его просьбу, и тутъ-же прибавилъ, что поступокъ съ ея стороны благороденъ, что осуждать его ни у кого не достанетъ духу,

что я душевно желаю, чтобы мои хлопоты принесли пользу, хотя, послѣ всего сказаннаго имъ, сомнѣваюсь въ успѣхѣ. На другой-же день я былъ у нея, и дѣйствительно не имѣлъ успѣха. «Я не сказала ему главной причины моего отказа, замѣтила она; но вамъ скажу, въ надеждѣ, что это останется между нами. Сдѣлавшись его женой, я каждую минуту должна страшиться за него и за себя. На свѣтѣ такъ много злыхъ языковъ! Кто-нибудь язвительно посмѣется надо мной, и при его любви ко мнѣ и пылкости въ характерѣ, онъ вздумаетъ защищать меня; изъ этого можетъ выйти ссора, которая, пожалуй, кончится дуэлью и даже его смертью, и я буду тому причиной. Поставьте себя на мое мѣсто и судите, какъ бы вы поступили. Къ стыду моему, я должна еще прибавить, что страшусь и кое-чего другаго: теперь, когда — сидя у меня — онъ жалуется, что у него болитъ голова, я этому вѣрю, потому что еслибъ онъ разлюбилъ меня, то могъ бы меня оставить; а когда я сдѣлаюсь его женой и у него въ самомъ дѣлѣ заболитъ голова, я несчастная могу подумать, что все это происходитъ отъ меня. Чтò-жъ это будетъ за жизнь! Нѣтъ, мое рѣшеніе неизмѣнно. Благодарю васъ, Михайло Семеновичъ, за участіе; сожалью, что не могла исполнить ваше желаніе, тѣмъ болѣе, что я васъ очень уважаю; не забывайте меня и сохраните въ тайнѣ то, что я вамъ сказала.» Когда я передалъ ему разговоръ нашъ и ея твердую волю, онъ сталъ просить у меня совѣта: чтò-же дѣ-

латъ? Я посовѣтовалъ ему обратиться къ матери. «Такъ какъ родители уже изъявили свое согласіе, то упросите вашу матушку, сказалъ я, съѣздить къ ней и самой переговорить съ нею: женскому уму знакомѣе чѣмъ можно тронуть струны сердца, а особливо — когда все будетъ высказано голосомъ матери.» Онъ такъ и сдѣлалъ; но черезъ нѣсколько времени я узналъ, что она согласилась на одну только уступку, и то по просьбѣ старухи-матери, которая убѣждала ее со слезами на глазахъ: «не лишай же насъ сына, переѣзжай къ намъ въ домъ; ты будешь имѣть особую комнату, и сынъ будетъ съ нами.» На это она согласилась. Когда она переселилась къ нимъ въ домъ, съ ней обходились какъ съ невѣсткой; но она постоянно держала себя въ сторонѣ отъ общества. Такъ, напримѣръ, она сидитъ съ стариками и читаетъ имъ что-нибудь (она очень хорошо читала и тѣмъ доставляла большое удовольствіе); вдругъ у подъѣзда застучитъ экипажъ, она тотчасъ вскакиваетъ и уходитъ съ книгой въ свою комнату. Старики отъ нея ожили, они не могли налюбоваться на нее, и иногда заводили рѣчь о бракѣ, но все было напрасно. Это продолжалось не менѣе двухъ лѣтъ.

Какъ-то на разводѣ онъ простудился, и надѣясь на свою молодость, думалъ обойтись безъ медицины. У него сдѣлалась страшная нервическая горячка. Тутъ на нее нельзя было смотрѣть безъ состраданія. Она не отходила отъ него ни днемъ, ни ночью, и

уже не пряталась, кто бы ни приѣзжалъ навѣстить больного. Наконецъ, доктора сказали, что онъ въ большой опасности, что завтра будетъ переломъ, и Богъ дастъ, можетъ быть—молодая натура возьметъ свое. И въ самомъ дѣлѣ на другой день онъ пришелъ въ себя и сталъ узнавать всѣхъ, только былъ еще очень слабъ. Доктора сказали: «ну вотъ, слава Богу, получше; что-то завтра будетъ? Не давайте ему много говорить, это при его слабости вредно, а лучше рассказывайте ему что-нибудь забавное, чтобъ онъ иногда улыбался: это для него было бы хорошо.» И, по словамъ матери, она бѣдная, исхудалая, сочиняла для него забавные рассказы. Право жаль, что некому было записывать! И откуда что бралось у нея! Когда случалось, что при рассказѣ больной улыбался, радости ея не было границъ. Такъ она занимала его до послѣдней минуты его жизни. Болѣзнь взяла свое, больной скончался, и въ комнатѣ его послышался страшный истерическій хохотъ. Вбѣжавшая мать нашла его уже мертвымъ, а она съ страшнымъ хохотомъ говорила что-то безсвязно и дико. Приѣхалъ докторъ и сказалъ, что она сошла съ ума.

И вотъ прошло уже двадцать пять лѣтъ, а она все хохочетъ и вяжетъ чулки для покойника. Я думаю навѣстить ее въ сумасшедшемъ домѣ, взглянуть на нее.

Было бы грѣшно не записать этой исторіи.

У нихъ осталось двое дѣтей, которыя были помѣщены въ воспитательный домъ. Мать покойника, по

смерти своего мужа, не имѣя близкихъ родственниковъ, обратила все свое состояніе въ деньги и положила ихъ въ ломбардъ на имя дѣтей своего сына. Гдѣ они теперь, что съ ними сдѣлалось? — положительно не знаю.

ПИСЬМА М. С. ЩЕПКИНА.

1. Къ И. И. Сосницкому.

9 октября 1826 года.

Почтенной дружище, Иванъ Ивановичъ!

Слишкомъ уже долго и я не писалъ къ тебѣ, и отъ тебя не получалъ ничего; но это мнѣ не мѣшало также любить тебя, какъ прежде, и увѣренъ, что и ты съ своей стороны тоже не забылъ толстяка Щепкина. О времени коронаціи я не умѣю ничего тебѣ сказать, кромѣ того, что праздники, фейерверки, иллюминаціи — все было превосходно; всюду видны были толпы народу, тысячи экипажей, словомъ сказать: Москва на это время какъ-будто помолодѣла и получила какую-то живость. А теперь, какъ празднества миновались, дворъ уѣхалъ, полки вышли, — Москва впала опять въ прежнее однообразное положеніе, т. е. по прежнему сдѣлалась болтливою старушкой...

Въ мартѣ 1828 года.

Съ отъѣзда Рязанцова ничего отъ тебя не слышу; а на случай моего пріѣзда въ Питеръ ты, почтенной, извѣстиль меня неакуратно. Кромѣ малой перемѣны

моего репертуара, не объяснилъ мнѣ: нужно ли писать къ кому-либо изъ вашихъ гг. директоровъ, или уже ваша милость такъ уладила, что мнѣ не нужно уже ни къ кому относиться; а то, чтобъ не проѣздить даромъ... Поцѣлуй за меня Рязанцова и поздравь съ успѣхами, которые и я увидѣлъ изъ «Сѣверной Пчелы». Мнѣ нѣтъ надобности увѣрять, что я оными душевно обрадованъ и вмѣстѣ опечаленъ — при воспоминаніи о потерѣ, которую мы въ немъ сдѣлали. *)

Еще не скрою вамъ: меня огорчило и то, что я это все узналъ изъ газетныхъ листковъ, и никто изъ васъ не подарилъ меня радостной строчкой о счастливыхъ его дебютахъ. Конечно, въ отношеніи къ нему я виню себя, что въ теченіи пятилѣтняго нашего сотоварищества я не успѣлъ заслужить бѣльшей отъ него любви; это меня уже совершенно убѣдило въ неумѣніи моемъ жить въ свѣтѣ. Что дѣлать! я малороссіянинъ, умѣю любить, но не умѣю высказывать моей любви. Послѣ этого, конечно, можно сказать: чортъ ли въ этой любви? Но что дѣлать? мнѣ сорокъ лѣтъ, и я ужъ зачерствѣлъ, такъ сказать, въ неумѣніи жить. Богъ съ нимъ! въ отмщеніе ему я буду больше его любить, и это для меня будетъ самымъ сладкимъ мщеніемъ. И тебѣ, братъ Иванъ, не спасибо за это; я лѣнивъ, очень лѣнивъ писать, но въ подобномъ случаѣ, кажется, и я бы тебя извѣстилъ. Не скрою, братъ, отъ тебя: ви-

*) В. И. Рязанцовъ былъ переведенъ въ С. Петербургъ съ московской сцены.

новать, а я больно симъ огорчился. Вы съ Васей какъ-то въ этомъ случаѣ отстранили меня отъ себя; нехорошо, братцы, право нехорошо! Ну, да напишите мнѣ скорѣй что-нибудь, ибо я уже двѣ недѣли почти страдалецъ; потѣшите меня, какъ стараго ребѣнка; выбейте изъ моей головы это отчужденіе, которое меня сокрушаетъ. Не сердитесь на меня, что я вамъ высказалъ все, что меня огорчало; пожалуйста, не сердитесь! Право, какъ я высказалъ, мнѣ сдѣлалось легче; а потому заочно цѣлую васъ обоихъ, и ничего болѣе отъ васъ не прошу, какъ только любви вашей.

27 марта 1828 года.

Благодарю тебя за мысль объ «Урокѣ старикамъ», которую (піесу) велѣлъ уже переписывать, и потому пожалуйста поступи, какъ должно, съ вашимъ начальствомъ, дабы оная піеса могла быть мнѣ дана на бенефисъ; но пожалуйста прежде всего попроси отъ покорнѣйшаго слуги гг. артистовъ участвовать въ моемъ бенефисѣ, а именно: Якова (Брянскаго) попроси, чтобъ не полѣнился приготовить Данвиля, а у него и роль есть; Александру Михайловну Каратыгину объ роли Адели, которая также выписанная у нихъ есть; а г. Сосницкаго не прошу объ роли Дюка, ибо знаю, что это роль уже игранная, да неравно онъ браниться будетъ. Коль скоро піеса будетъ готова, я тотчасъ вышлю. Донеси г. директору, что роль Досажаева изъ

«Школы злословія» я постараюсь приготовить, хотя бы и не слишкомъ желалъ оную играть. «Антрепренёръ въ хлопотахъ» — музыку переписываютъ, и какъ скоро будетъ готова, то тотчасъ вышлю; только пожалуйста получше раздать роли. Я привезу еще нѣсколько водевилей. — Я думаю: тебѣ уже извѣстно о нашей величайшей потерѣ, а именно о смерти Александра Ивановича Писарева. Да, онъ оставилъ насъ прошлаго 15-го числа сего мѣсяца. Это большая потеря для театра; но для меня она чувствительнѣе, ибо я въ немъ потерялъ друга.

8 января 1830 года.

Сдѣлай милость, дружище, не откажись выполнить мою просьбу. Къ моему бенефису обѣщанъ мнѣ былъ водевиль, но я вижу, что оный никакъ готовъ быть не можетъ; то чтобы сколько-нибудь замѣнить, я хочу дать дивертисманъ, въ которомъ помѣститъ кой-какія сцены. И потому прикажи, какъ можно скорѣе, выписать изъ «Горе отъ ума» тѣ сцены, которыя у васъ были играны на бенефисъ г-жи Вальберховой, и ежели выпишутъ, то представь своей конторѣ, дабы она утвердила, что сцены играны на С. Петербургскомъ театрѣ... Да ради самага Бога успокой меня на счетъ Рязанцова; здѣсь такая непріятная молва, а особливо для тѣхъ, кто его любитъ. Дай Богъ, чтобъ это было неправда! Во всякомъ случаѣ поцѣлуй его за меня

и поздравь съ новымъ годомъ. Прощай, будь здоровъ и не забывай, что въ московской труппѣ есть небольшая квадратная фигура, которая удовольствіемъ считаетъ быть вѣчно твоимъ другомъ.

4 февраля 1830 года.

Чувствительно благодарю за присылку сцены изъ «Горя отъ ума»; она мнѣ очень помогла, и бенефисъ имѣлъ очень большой (успѣхъ). Спасибо тебѣ за извѣстіе объ Рязанцовѣ; ты меня, а равно и всѣхъ его прежнихъ товарищей очень успокоилъ, ибо здѣсь пронесены были слухи объ немъ ужасные. Можешь при свиданіи спросить отъ Д. М. Перевощикова объ оныхъ; потому что на бумагѣ сообщить того неловко.

Изъ письма твоего видно, что ты съ нетерпѣніемъ ожидаешь пансіона и что театръ тебѣ якобы наскучилъ. Э, братъ! грѣхъ, Иванъ; да впрочемъ я и не совсѣмъ вѣрю сему. Мнѣ памятна очень одна русская пословица: «съ чѣмъ въ колыбелку, съ тѣмъ и въ могилку.» Тебѣ наскучили театральныя непріятности; но въ какомъ званіи, въ какой службѣ ихъ нѣтъ? Но за то мы имѣемъ блестящія минуты, минуты удачнаго выполненія какой-либо трудной роли; эти мгновенія даромъ не даются!

14 ноября 1830 года.

Ты видишь, любезнѣйшій, по письму, что я живъ и прибавлю — здоровъ, и равнымъ образомъ и все се-

мейство до сихъ поръ достойнымъ образомъ сражается съ холерою храбро; хотя и были приступы, но отражены рѣшительно, и вся бѣда только въ томъ, что ѣдимъ воздержно, что для моего семейства хуже холеры. Театръ заплатилъ порядочную дань; до сихъ поръ умерло 13 человѣкъ, въ числѣ коихъ Шольцъ, Бернаделли, Малашевъ съ сестрою, Андрей Лобановъ, Горчаковъ; остальные изъ хористовъ, музыкантовъ и капельдинеровъ. Что будетъ дальше? — Богъ знаетъ. Молитесь, братцы, и за насъ грѣшныхъ; а мы отъ души молимъ, чтобы васъ не посѣтила.

Узнай поскорѣе пожалуйста, что князь (Шаховской) не передумалъ ли прислать мнѣ «Юрія Милославскаго»; ежели нѣтъ — то постарайся, чтобъ поскорѣе оную піесу выслать; да вышли мнѣ комедію «Мальтійской кавалеръ». Что будетъ надобно денегъ на переписку, истрать свои; ибо у насъ теперь по дороговизнѣ и неполученію жалованья деньги очень нужны... Какъ жаль, что меня семейство связало; а то бы я это грустное для Москвы время провелъ у васъ въ Петербургѣ и наигрался бы въ волю. Теперь здѣсь болѣзнь уменьшается; но все еще нескоро, кажется, примемся за спектакли, ибо все еще ходимъ, повѣся голову.

6 февраля 1831 года.

Здравствуй, почтенной дружище! давно уже не знаю о тебѣ никакой вѣсточки, почему весьма желалось бы

пріѣхать къ вамъ въ Питеръ къ Свѣтлому празднику (ибо я по условію имѣю свободной первой весенній мѣсяцъ по открытіи театра), пожить нѣсколько недѣль вмѣстѣ, поболтать и о томъ и о другомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень желалъ бы и поиграть съ вами вмѣстѣ на театрѣ; не имѣя чести знать князя С. С. Гагарина лично, я не рѣшаюсь письменно отъ него испрашивать на то позволенія: то, ежели возможно, возьми на себя трудъ уладить все это, предложи ему — угоденъ ли будетъ мой пріѣздъ, разумѣется — съ вознагражденіемъ бенефиса. Чтò-же касается до того, сколько разъ сыграть, то сколько угодно; вить мы съ тобой нелѣнны играть. Изъ приложеннаго репертуара можно видѣть, чтò я могу сыграть. Пожалуста, братъ, похлопочи, чтобы мнѣ можно было пріѣхать къ вамъ и поиграть. И по многимъ причинамъ мнѣ нужно побывать въ Питерѣ. Мнѣ начинаетъ ужасно скучать здѣшнее (между нами) безпорядочное управленіе. Ты меня знаешь, и потому можешь быть увѣренъ, что не игра на театрѣ мнѣ скучаетъ; обо всемъ этомъ потолкуемъ — Богъ дастъ, какъ пріѣду къ вамъ...

23 мая 1831 года.

Благодарю тебя отъ души, дружище, за письмо и за совѣтъ... Я могу пріѣхать къ 3-му или 7-му іюля и пробыть, разумѣется, до поста, и по пріѣздѣ чтò можно будетъ играть и сколько — я не отрекусь. Те-

перъ узнай и извѣсти меня: можно ли ѣхать на оное время и можно ли не писавши къ его сіятельству кн. Гагарину, начальнику вашихъ театровъ? т. е. подразумевая, что ты все самъ обдѣлаешь. Посылаю на всякой случай «Скупого» и выписанныя къ оному роли, и водевиль «Филиппъ» — тоже съ выписанными ролями; постарайся пожалуйста, чтобы получше розданы были, чтобы играть было веселѣй.

Что же касается до твоего бенефиса, то Ленскій дѣлаетъ для тебя комедію въ стихахъ, въ трехъ актахъ, изъ «Трехъ десятковъ»; водевили же Ленскаго есть прекрасные, какъ-то: «Старой гусаръ» — въ 3 актахъ, «Мужъ и жена» — въ 1 актъ, «Теобальдъ» — въ 1 актъ. Кромѣ же этого почти ничего нѣтъ. Не знаю, играны ли у васъ «Сивильской цирюльникъ», переводъ г. Ушакова, и комедія «Проворъ-завѣщатель», переводъ г-на Тито... Ежели начальство ваше не попрепятствуетъ мнѣ ѣхать къ вамъ, то пожалуйста вели поскорѣе выписать роль Фамусова и вышли ко мнѣ; ибо хотя у меня и есть комедія, но мы не знаемъ, что изъ нея выпущено, и экземпляръ не такъ вѣренъ.

Вчерашній день играна была въ первый разъ опера Скриба «Невѣста», музыка Обера; давно не видалъ я столь прекраснаго спектакля, и Ленскій торжествовалъ, да и въ самомъ дѣлѣ переводъ прекрасный.

15 іюня 1831 года.

Благодарю тебя отъ души, дружище, за хлопоты на счетъ моего прїѣзда къ вамъ. Чтò-же касается до бенфиса моего, то и самъ не знаю: «Скупаго» ли дать съ «Филиппомъ», или что другое? Играется ли у васъ комедія «Ботъ»? если — нѣтъ, то я могъ бы съ собой привезти оную; какъ знаешь! Если «Скупой» очень давно у васъ не игранъ, то его; если-же — нѣтъ, то что-нибудь изъ репертуара выберемъ. «Стараго гусара» я выписалъ; «Теобальдъ» выписанъ съ нотами — съ собой привезу. Чтò-же касается до Ленскаго, то онъ работаетъ, и первый актъ уже въ половинѣ, и можетъ быть первый актъ привезу съ собой. Я ему жить не даю; только онъ бѣдной опечаленъ домашними обстоятельствами: жена у него, кажется, при смерти, ибо по увѣренію доктора чахотка въ высочайшей степени. Но я его (хоть и противъ совѣсти) уговариваю трудами надъ комедіей облегчать свою печаль. Я могу выѣхать сего мѣсяца 28 или 29-го; но это, дружище, будетъ совершенно зависѣть отъ тебя. Вотъ изволишь видѣть (наша старушка Москва болтлива, и дай Богъ, чтобы это было все ложь!) — неумолкаемые слухи, что у васъ въ Кронштадтѣ уже свирѣпствуетъ холера, а нѣкоторые болтуны и болтуньи помѣстили ее уже и въ самомъ Питерѣ. Отъ всей души не желаю встрѣтиться съ ней окаянной, а болѣе не желаю для Петрова града такой злой посѣтительницы. Дай Богъ, чтобы это было неправда! дай Богъ, чтобы мы не имѣ-

ли нужды безпрестанно заботиться объ участи друзей, живущихъ въ Питерѣ. И потому пожалуста утверди меня въ томъ, что это все ложь; ибо я ничему не вѣрю, но домашніе мои потрушиваютъ.

17 іюня 1831 года.

Спѣшу отвѣтить на послѣднее твое письмо, полученное мною 16-го числа; оное уничтожаетъ всѣ слухи многоглаголивой Москвы... 19-го сего мѣсяца ѣду въ Питеръ и буду къ вамъ не ближе 6 или 7-го іюля; ибо буду непремѣнно въ карантинѣ четырнадцать дней, а можетъ быть — и менѣе. Карантинъ устроенъ въ Бронницахъ. А что? вить прекрасный отдыхъ и прекрасный случай для ученія ролей. Чтобъ мнѣ немного было грустно, то напиши хоть что-нибудь ко мнѣ въ Бронницы. Что касается до бенефисныхъ піесъ, то я писалъ къ тебѣ — «Ботъ» или «Скупой» и водевиль «Филиппъ»; раздача же ролей совершенно зависитъ отъ тебя, ибо ты, любезнѣйшій, самъ знаешь: нелишнее для піесы, ежели она обставлена лучшими персонажами, а особливо бенефисная. И потому ежели надо кого попросить, то бей челомъ отъ твоего покорнѣйшаго слуги. Я думаю остаться при «Скупомъ» и при «Филиппъ»; только какъ мы уладимъ? ибо «Филиппъ» довольно серьезенъ.

Всякаго другаго карантинъ остановилъ бы, но я упрямъ; въ этомъ вояжѣ у меня много было причинъ

удерживающихъ, и потому я рѣшился на зло всѣмъ препятствіямъ обнять васъ всѣхъ, кого только достанутъ мои короткія руки. Я не прошу тебя что-нибудь сыграть у меня на бенефисъ, а то вить ты еще обидишься; къ тому-же я знаю, что ты, пріятель, предогатливой! *)

24 іюня 1831 года.

Ну, любезнѣйшій! твой покорный дружище преакуратно сидитъ въ Бронницахъ въ карантинѣ съ 22 іюня съ пяти часовъ утра. Я успѣлъ уже выучить роль Фамусова и до сихъ поръ не-слишкомъ соскучился, и знаешь ли: по новости для меня это немного занимательно и даже любопытно смотрѣть на чудное смѣшеніе всѣхъ состояній, и гдѣ-же?—въ Бронницахъ, гдѣ всего 400 душъ, а теперь болѣе 10,000 въ карантинѣ. Однихъ дилижансовъ я засталъ двѣнадцать — изъ нихъ два выѣхали; улица сдѣлалась какимъ-то бульваромъ, и всѣ смотрятъ съ завистію (на тѣхъ), для которыхъ уже срокъ тѣлеснаго очищенія кончился. Продовольствіе здѣсь порядочное; у меня же человѣкъ поваришка, и онъ мнѣ такъ супы работаетъ что любо, а вче-

*) Репертуаръ: „Благородный театр“—роль Любскаго, „Горе отъ ума“ — Фамусова, „Ботъ“ — Бота, „Урокъ старикамъ“ — Данвиля или Бонара, или въ разное время обоихъ, „Школа женщинъ“ — Арнольфа, „Скупой“ — Гарпагона, „Школа злословія“, — Досажаева, „Молодость Генриха“ — капитана Копа; водевили: „Учитель и ученикъ“, „Секретарь и поваръ“, „Хлопотунъ“, „Дядя на прокатъ“, „Старъ и молодъ“, и проч., и проч. Что припомнишь, дополни!

ра даже на котлеты пустились. Боялись видно, что однимъ окуркомъ меня не проймутъ, и потому поставили надъ кузней, откуда этакъ изрѣдка прохватываетъ дымомъ; а что? въ двѣ недѣли изъ меня можетъ выйти не вестфальская, а бронницкая... Но впрочемъ квартирка опрятная, двѣ старухи преугодительныя—не отъ того ли, что старухи? Прощай, будьте хранимы Богомъ, и дай Богъ, чтобы я моимъ терпѣніемъ заслужилъ неощенное удовольствіе обнять васъ, друзей моихъ, здоровыхъ и благополучныхъ. Цѣлую тебя, А—ну Я—ну, А—ю К—ну: для послѣднихъ это съ моей стороны довольно невѣжливо, но онѣ простятъ меня по обстоятельствамъ; ибо здѣсь ужасная бѣдность на поцѣлуи, и если онѣ и заочно откажутъ мнѣ въ оныхъ, то чортъ возьми! я начну старухъ моихъ цѣловать, а имъ каждой за шестьдесятъ. Прощай! поклонъ Брянскимъ.

8 іюля 1831 года.

Сдѣлай милость, дружище! нислова объ моемъ вояжѣ, объ Бронницкомъ карантинѣ, изъ котораго я воротился въ Москву 3 числа сего мѣсяца *); но хоть одной строчкой скажи мнѣ о себѣ, о Брянскихъ. Да минуетъ васъ общая невзгода, да сохранить васъ Творецъ небесный, и съ вѣрой и надеждой переносите потери, которыми Богу угодно будетъ наказать труппу. Да не предавайтесь печали, не бойтесь, не помогайте ей простудами

*) Это случилось потому, что въ Петербургѣ началась тогда холера.

и испорченностью желудка; меньше бродите вечеромъ, а болѣе всего молитесь Богу. Ежели бы теперь тебѣ было не въ тягость почаще писать,—со всею лѣнностью моею, готовъ отъ души отвѣчать всякую недѣлю... У насъ болѣзни сей почти нѣтъ, слава Богу! Показалась было немного, а теперь почти нѣтъ совсѣмъ; однако-жь, при маломъ свирѣпствѣ, нанесла для театра чувствительную потерю: мы потеряли семьянина, отца, товарища, хорошаго человѣка, котораго ты очень любилъ, и потому ежели ты еще не знаешь, то прими извѣстіе сіе похладнокровнѣе: Александра Матвѣича Сабурова мы лишились, и бѣдная Аграфена Тимоѣевна съ дѣтьми въ слезахъ и отчаяньи—грустно смотрѣть! Пожалуста, любезный, пиши по нѣскольку; это тебя будетъ развлекать, а намъ будетъ отрадно видѣть по письму твоему, что ты живъ и здоровъ; извѣщай обо всѣхъ товарищахъ. Перецѣлуй Брянскихъ, да пусть хоть на лоскуткѣ напишутъ просто: «живы и здоровы» и запечатавъ пришлютъ въ Москву на мое имя — и этимъ буду доволенъ...

28 апрѣля 1836 года.

Благодарю тебя, дружище, за письмо; оно меня оживило. Благодаря театру, я приходилъ уже въ какое-то не спящее, но дремлющее состояніе; бездѣйствіе совершенно меня убиваетъ. Я сдѣлался здѣсь на сценѣ какою-то ходячею машиною или вѣчнымъ дядею; я давно уже забылъ, что такое комическая роль, и вдругъ

письмо дало новыя надежды *) и я живу новою жизнью. Еще разъ отъ души благодарю тебя! Сомнѣнія твои на счетъ моего молчанія напрасны. Это просто произошло отъ того, что дѣльнаго писать было нечего; еслибы была какая другая причина, то—ты знаешь мой характеръ—я давно бы высказалъ тебѣ все; я не люблю въ душѣ заключать неудовольствіе, а особливо противъ тѣхъ, которыхъ люблю и которыхъ къ несчастію очень мало. И не смотря на мое молчаніе, не смотря на разности нѣкоторыхъ мнѣній, вѣрь: немного есть людей, которые бы любили тебя больше моего. Проклятыя мои обстоятельства мѣшаютъ мнѣ побывать у васъ и обнять тебя отъ сердца и отдохнуть отъ всѣхъ дразгъ. Сожалѣю, что когда-то я далъ себѣ слово не играть на вашихъ театрахъ; признаюсь, какъ-бы ни худо былъ принятъ со стороны начальства, какъ-бы ни худо награжденъ со стороны публики, я бы на все рѣшился, только-бъ увидѣть васъ и облегчить душу мою отъ всего того, что ее слишкомъ тяготитъ и чего мнѣ здѣсь не съ кѣмъ дѣлить. Не ухитришься ли ты, любезный дружище, проложить какую дорогу къ сему случаю? ты бы меня порадовалъ. Чувствую, что силы мои по театру уже измѣняются, органъ слабѣетъ, и признаюсь въ моей слабости: знаешь, хотѣлось бы проститься и съ санктпетербургской публикой прежде, нежели я сойду съ любимаго моего поприща; а ежели не исправятъ

*) Надежды эти были возбуждены постановкой на сцену „Ревизора“.

ся мои средства, я долженъ это сдѣлать. Я не могу быть на сценѣ только терпимымъ; ибо чортъ ли въ чувствахъ, въ страсти, когда нѣтъ средствъ и силъ для выраженія ихъ! Но я наскучилъ тебѣ своей тоскою, оставимъ ее. Пришли мнѣ съ первой почтой комедію «Ревизоръ»; здѣсь до сихъ поръ нѣтъ въ книжныхъ лавкахъ.

26 мая 1836 года.

...Я, братъ, многого не помню; помню только, что ты меня любилъ, и это сохранилось не въ головѣ, а въ сердцѣ, и потому подѣлился съ тобой моей тоскою письменно и спрашивалъ у тебя совѣта на счетъ поѣздки. Но напрасно: ты обѣщалъ побесѣдовать со мной объ этомъ на досугѣ, и я жду-не дождусь этого досуга. Или думаешь, что ежели совѣтъ твой будетъ несогласный съ моимъ желаніемъ, то мнѣ сдѣлается грустнѣе? Есть предѣлъ грусти, гдѣ далѣе она уже не идетъ. Что дѣлать! можетъ быть, любовь къ искусству я простеръ далѣе, нежели должно; но это не моя вина. Теперь «Ревизоръ» далъ немного мнѣ пріятныхъ минутъ и вмѣстѣ горькихъ, ибо въ результатѣ сказался недостатокъ въ силахъ и въ языкѣ. Можетъ быть, найдутся люди, которые были довольны; но надо заглянуть ко мнѣ въ душу! Ну, меня въ сторону. Ежели Н. В. Гоголь не уѣхалъ за границу, то сообщи ему, что вчерашній день игрался «Ревизоръ» — не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дур-

но; игранъ былъ въ абониментъ, и потому публика была высшаго тона, которой, какъ кажется, она (комедія) многимъ не по вкусу. Не смотря на то, хохоть былъ безпрестанно; вообще принималась піеса весело; на завтра билеты на бельэтажи и бенуары, а равно и на пятницу—разобраны. Ежели получилъ отъ Гоголя піесу «Женитьба», то пожалуста, переписавъ, пришли; а то, не смотря ни на какія неудобства, я самъ за ней пріѣду. Прощай, цѣлую тебя.

3 іюня 1836 года.

Сейчасъ получилъ отъ тебя, дружище, письмо, и сейчасъ отвѣчаю. Бранишь, что я не писалъ подробно объ успѣхѣ піесы *); но я написалъ тебѣ все, что могъ написать. Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидалъ гораздо бѣльшаго пріема. Это меня чрезвычайно изумило; но одинъ знакомой забавно объяснилъ мнѣ этому причину: «помилуй, говоритъ, какъ можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей*?» И послѣдующіе разы это оправдали: принималась (комедія) чрезвычайно хорошо, принималась съ громкими вызовами, и она теперь въ публикѣ общимъ разговоромъ, и до кого она не коснулась — всѣ въ восхищеніи, а остальные морщатся. Ленскій въ Хлестаковѣ очень недурень, Орловъ въ слугѣ хорошъ. Бобчинской и Добчинской порядочны, а особливо въ сценѣ, гдѣ они явля-

*) „Ревизора“.

ются съ просьбой — одинъ объ сынѣ, а другой хлопотеть о томъ, чтобы привести въ извѣстность о его мѣстопробываніи; а первой сценой я недоволенъ. Собой я бѣльшею частію недоволенъ, а особливо первымъ актомъ. Петръ Степановъ въ судѣ неподобенъ. Женщинами я вообще недоволенъ, а особливо женой и дочерью: чрезвычайно нежизненны! Вчера игралъ я въ четвертой разъ, и публика каждой разъ принимаетъ ее теплѣе и теплѣе; театръ всегда бываетъ полонъ. Теперь доволенъ ли моимъ отчетомъ?

Благодарю за хлопоты объ моей поѣздкѣ къ вамъ; но я долженъ предупредить тебя, что я не иначе могу быть отпущенъ, какъ съ половины августа до половины сентября. Дирекціи нельзя раньше отпустить меня; потому что Живокини уѣхалъ на четыре мѣсяца, Мочаловъ отпущенъ въ Нижній, Бантышевъ (кажется) къ вамъ въ Питеръ по дѣлу, Синецкая начнетъ съ половины мѣсяца пить воды, и я остаюсь рабочимъ волкомъ. Я для того извѣстилъ тебя о семъ, чтобы ты зналъ о времени, когда случится говорить съ директоромъ. Чтѣ-же касается до пьесы Н. В. Гоголя, то ежели онъ взялъ ее переправить — нечего дѣлать, будемъ ждать. Душевно желаю, чтобы письмо это его застало. Ежели это случится, поцѣлуй его за меня на дорогу. Прощай, Ваня! ты оживилъ меня надеждой, что я, можетъ быть, буду имѣть радость обнять тебя лично; а теперь въ надеждѣ будущаго цѣлую тебя заочно.

4 сентября 1836 года.

Сожалѣю отъ души, что не могу быть у васъ въ Питерѣ и обнять васъ всѣхъ; съ досады сейчасъ выѣзжаю въ Казань. Можетъ быть, хоть татары примутъ меня радушно, въ чемъ отказала мнѣ ваша дирекція. Ну, это все въ сторону. Г. Ленскій, въ исполненіе даннаго тебѣ когда-то обѣщанія перевести комедію на бенефисъ, просилъ меня предложить тебѣ оную отъ его имени со всѣми комплиментами, какіе только существуютъ на русскомъ языкѣ, какъ-то: съ уваженіемъ, почтеніемъ, удивленіемъ, и проч., и проч.; почему я, переписавъ, препровождаю при семъ комедію Мольера, которой онъ перемѣнилъ названіе, а именно: вмѣсто «Принужденный бракъ» назвалъ: «Хоть тресни, а женись!» Комедія хотя фарсъ, а право прехорошенькая... Теперь о Гоголѣ: гдѣ онъ? имѣешь ли ты о немъ какія свѣдѣнія? Ты, Ваня, сдѣлалъ маленькую оплошность, что оставилъ ему комедію («Женитьбу») для поправки. Онъ, занявшись другой комедіей, забудетъ о ней совершенно. Если же ты ее получишь, то ради Бога, тотчасъ переписавъ оную, вышли ко мнѣ, какъ можно скорѣе.

22 ноября 1836 года.

Въ Казани мнѣ было очень хорошо — кромѣ денегъ, которыхъ тоже собралъ много, а именно 5000 руб. (ассигн.) Не знаю ничего, получилъ ли ты піесу отъ Гоголя, которую ваша милость имѣли большую неосто-

рожность отдать ему для переправки. Ежели получилъ, то пожалуста вышли поскорѣй; а если—нѣтъ и не знаешь ничего объ немъ, то я тебѣ скажу, что онъ въ Лозанѣ, и я писалъ чрезъ Погодина, чтобы онъ выслалъ свою піесу хотя безъ поправокъ, ибо у меня до сихъ поръ нѣтъ ничего на бенефисъ. И потому пожалуста, какъ можно поскорѣе, вышли мнѣ водевиль «Дочь скупago». Да ежели г. Ободовскаго переводная піеса «Заколдованный домъ» шла кому-нибудь въ бенефисъ, то пожалуста вели ее поскорѣй переписать и вышли; буде же она куплена дирекціей, то не нужно. И ежели что найдешь удобнымъ для меня, то вышли поскорѣй; ибо хоть мой бенефисъ и въ февралѣ, но все лучше — если я буду имѣть что заранѣе, а то память сдѣлалась плоха.

—

19 декабря 1836 года.

Благодарю тебя, дружище, за письмо и за піесы «Козьму Рощина» и «Дѣвушка-гусаръ»; а у меня, братъ, право до сихъ поръ ничего нѣтъ для бенефиса. Душевно радуюсь, что ты сдѣлалъ хорошій бенефисъ: да не радуется думающій сдѣлать зло!... Вчерашній день мнѣ сказали, что у васъ ставится піеса Гоголя подъ названіемъ «Сваха». Хотя и другое названіе, но это я думаю — тоже, что онъ намъ давалъ. Если это точно правда, что она ставится; то какъ? въ казну, или кому-либо на бенефисъ? Если — въ казну, то по-

жалуста извѣсти, что дирекція за оную платитъ; если же на бенефисъ кому-либо, то попроси у бенефицианта переписать и вышли: отъ этого никакой помѣхи, я думаю, быть не можетъ, ибо мой бенефисъ 8 февраля.

4 марта 1837 года.

Благодарю тебя, дружище, вторично за высланныя мнѣ піесы для бенефиса, которыя мнѣ дали огромный зборъ, — кромѣ «Старосты», котораго я не давалъ, потому что дочери нечего было играть... На счетъ подѣльнаго письма ничего не могъ развѣдать, да признаюсь мнѣ показалось это такъ гадко, что я немного и хлопоталъ объ этомъ.

М. Н. Загоскинъ ѣдетъ къ вамъ въ Питеръ. Ежели ты не перемѣнилъ своего намѣренія побывать въ Москвѣ, то ежели рѣшишься съ нимъ — пріѣзжай къ празднику; ибо послѣ праздника меня не застанешь. Я ѣду въ Крымъ, или Одессу. Ты спросишь: для чего? Слушай: голосъ мой до того ослабѣлъ отъ безпрестаннаго усилія, которое необходимо на нашемъ театрѣ, что нѣтъ роли, въ которой бы не утомилъ горла и не охрипъ; и это, усиливаясь со дня на день, дошло до того, что уже и въ комнатѣ и говоря безъ усилія, начинаю чувствовать тоже. Итакъ дабы совсѣмъ не лишиться средствъ къ прокормленію семейства, рѣшился по совѣту докторовъ проситься въ отпускъ на шесть мѣсяцевъ, для отдыха и для купанья въ морѣ — въ про-

долженіи трехъ мѣсяцевъ: это, говорятъ, одно средство для укрѣпленія органовъ. Вотъ, братъ Ваня, до чего дошло дѣло! Грустно, чрезвычайно грустно подумать при моей любви къ театру, что я могу потерять возможность заниматься любимымъ дѣломъ. Михайло Николаевичъ (Закошкинъ) вошелъ съ большимъ участіемъ въ мое положеніе и охотно взялся хлопотать объ отпускѣ; но, братъ, мнѣ этого мало. Ежели онъ не выхлопочетъ какого-либо пособія, и Боже сохрани! еще и не выдадутъ жалованья впередъ, то я боюсь, чтобы вмѣсто одной болѣзни не изнывать отъ другой. А онъ что-то неохотно соглашается просить о пособіи и говорить, чтобы я о семъ самъ написалъ просьбу къ министру; но я знаю, что онъ (министръ) терпѣть не можетъ, когда съ просьбами минуютъ свое начальство. И потому посоветуй, что мнѣ дѣлать?

21 марта 1837 года.

Ты, любезный дружище, нынѣшній годъ расположился все бранить меня, и довольно скоро осуждаешь за то, что я не далъ «Старосты», и «Козьма Рощинъ» остался безъ конца. Такъ, мой другъ! это совершенно справедливо; но, вѣроятно, должны же были быть какія-нибудь причины съ моей стороны. Вотъ онѣ: первое, дочери моей нечего было играть въ ней (въ драмѣ «Староста»); второе, Варламовъ отказался сдѣлать музыку; третье, я разсчелъ, что, когда можно иногда

помѣстить въ бенефисъ изъ какой-нибудь пѣсы одинъ актъ (какъ, на примѣръ, когда-то были даваны сцены изъ «Горя отъ ума»), то пѣсу совершенно-отдѣльную отъ послѣдующей и подавно можно; ибо пѣса тутъ не страдаетъ, а остается неизвѣстность объ лицѣ, и то потому, что мы знаемъ повѣсть. Вотъ вся ошибка моя, которая при первыхъ двухъ причинахъ довольно-извинительна. Но слушай: у меня была еще причина, и что мнѣ отъ тебя скрывать? Кому-же послѣ я могу высказать свой образъ мыслей? ибо съ тобой, мой другъ, можно быть различныхъ мнѣній и быть друзьями. Въ «Старостѣ» авторъ, желая избѣгнуть бунта, который въ повѣсти нуженъ былъ для окончанія судьбы Козьмы Рощина, выдумалъ другое преступленіе, и по оному въ силу закона подвелъ Козьму Рощина къ тому-же концу. Не говорю, что у насъ нѣтъ закона, который бы по одному подозрѣнію прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ; но къ заключенію онъ (авторъ) даже вывелъ текстъ изъ Наказа, который дышетъ человѣколюбіемъ, то есть: «лучше десять виновныхъ простить, нежели одного невиннаго наказать», и вслѣдъ за этимъ чрезъ двѣ или три строки, въ силу же закона, по одному подозрѣнію подвергаетъ десятого наказанію. Воля твоя: для того только, чтобы дать желанный конецъ «Козьмѣ Рощину», ставить законъ въ такое положеніе и еще въ оригинальной пѣсѣ — по моему непростительно. Можетъ быть, я не съ той точки смотрѣлъ на это? это все можетъ быть; но я дѣйствовалъ по вну-

треннему убѣжденію, тѣмъ болѣе, что и вышесказанныя мною причины мнѣ помогали. Вотъ тебѣ все, что у меня на душѣ. Брани меня, если нужно или должно; но люби меня только, и я всѣмъ доволенъ. Просьбу объ отпускѣ и о вспоможеніи я подалъ Михайлу Николаевичу; что Богъ дастъ! Горло мое часъ отъ часу хуже, и отъ этого я въ безпрестанной хандрѣ. Прощай, будь здоровъ!

2. Къ Н. В. Гоголю *).

22 мая 1847 года.

Милостивый государь,
Николай Васильевичъ,

На первыя ваши три письма я не отвѣчалъ, и конечно на это нѣтъ извиненія; а потому я и не извиняюсь, ибо это будетъ ни къ чему, а объясню нѣкоторыя причины, которыя привели меня къ такому результату. Первыя два письма ваши мною получены во время моей болѣзни, и я не могъ дѣйствовать по смыслу вашихъ писемъ по этому случаю. Третье письмо останавливало уже все дѣйствіе по части «Ревизора»; а главной причиной тому — болѣзненное ли состояніе мое, головное ли оупѣніе, только изъ всѣхъ трехъ

*) Отвѣтъ на письмо Гоголя, напечатанное въ VI томѣ его сочиненій (изданъ Кулиша), стр. 313—4.

писемъ, за исключеніемъ того, что касалось до сцены и до искусства драматическаго, что все вообще взято мною къ свѣдѣнію, а остальнаго, простите, я не понималъ совершенно, или понималъ превратно, и потому я рѣшился лучше молчать и ожидать объясненія изустнаго, если бы только случай былъ ко мнѣ такъ добръ. По выздоровленіи, прочтя ваше окончаніе «Ревизора» *), я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героев «Ревизора», какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ роднаго, я такъ свыкъ съ Городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ въ теченіи десяти лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще, это было бы дѣйствіе безсовѣстное. Чѣмъ вы ихъ мнѣ замѣните? Оставьте мнѣ ихъ, какъ они есть. Я ихъ люблю, люблю со всѣми слабостями, какъ и вообще всѣхъ людей. Не давайте мнѣ никакихъ намѣковъ, что это де не чиновники, а наши страсти; нѣтъ, я не хочу этой передѣлки: это люди, настоящіе, живые люди, между которыми я выросъ и почти состарѣлся. Видите ли, какое давнее знакомство? Вы изъ цѣлаго міра собрали нѣсколько человѣкъ въ одно сборное мѣсто, въ одну группу; съ этими въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите ихъ отнять у меня. Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ;

*) Т. е. «Рязвязку Ревизора».

а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморды, потому что и онъ мнѣ дорогъ. Вотъ главная причина моего молчанія, и теперь какъ все это выказалось? — я право не знаю; можетъ быть, все это вздоръ, вранье, но уже все это выказалось; ну, такъ ему и быть! Въ сторону прошедшее, за бока настоящее. Последнее письмо ваше совершенно оживило меня, и я въ такомъ былъ поэтическомъ моментѣ, что вотъ такъ-бы сѣлъ да и поѣхалъ... С. П. Шевыревъ уже начернилъ и письмо къ директору объ отпускѣ за границу. Да, я молодъ еще, хотя мнѣ и безъ году шестьдесятъ; я еще восторгаюсь сильно, сильно увлекаюсь, даже до излишества; но, пообдумавъ, все это нашелъ я почти невыполнимымъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Средства, придуманныя вами хороши, но невѣрны. Хотя на водахъ и много бываетъ русскихъ; но все, что можно сдѣлать при вашемъ пособіи — тысячу и даже, можетъ быть, полторы, разумѣется—во всѣ вечера, и этихъ денегъ точно можетъ быть достаточно на вояжъ въ Парижъ и Лондонъ, хотя это и не совсѣмъ точно. Но доѣхать до Остенде? на это тоже требуются все деньги и деньги. И потому мнѣ двинуться нельзя безъ вѣрныхъ пяти тысячъ пятисотъ рублей; васъ это удивить, но я вамъ объясню. У меня останется дома, кромѣ прислуги, 17 человѣкъ; имъ прожить нужно тысячу руб. (асс.) въ мѣсяцъ; а какъ поѣздка моя никакъ не можетъ быть меньше трехъ мѣсяцевъ, слѣдовательно имъ надо три тысячи, а мнѣ на вояжъ 2500 р. Видите

ли, эта сумма необходима; нѣтъ ее, и я долженъ лишиться себя всегдашней моей мечты. Мнѣ нужно видѣть заграничные театры, очень нужно; незнаніе языка меня не пугаетъ, главное я пойму, и оно необходимо мнѣ для моихъ записокъ, въ концѣ которыхъ хочу изложить свой взглядъ на искусство драматическое вообще и въ чемъ состоитъ особенность cadaго театра въ Европѣ въ настоящее время. Это будетъ окончательнымъ дѣломъ моей практической дѣятельности. Итакъ вы сами видите, какъ это мнѣ нужно для будущаго. Въ настоящемъ же оно мнѣ кромѣ удовольствія не принесетъ никакой пользы; ибо послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ я уже не могу передѣлать себя, у меня не хватитъ силъ: всѣ сценическіе недостатки вросли въ меня глубоко, ихъ не вырвешь уже, не повре дивъ цѣлаго; итакъ практику оставимъ донашиваться, какъ она есть. Конечно, много выиграла бы мысль — и это для меня и моей цѣли очень бы было полезно; но 5500 рублей ставятъ этому препону. Я продалъ домъ, расплатился съ долгами, и у меня остается, за уплатою за годовую квартиру, 1500 р.; вотъ все мое состояніе. Да ежели бы его осталось и столько, сколько именно нужно для вояжа, то я и тогда не могъ бы имъ пожертвовать; это было бы мною поступлено безсовѣстно въ отношеніи семейства. У меня было въ жизни два владыки: сцена и семейство. Первому я отдалъ все, отдалъ добросовѣстно, безукоризненно; искусство на меня собственно не будетъ жаловать-

ся; я дѣйствовалъ неумоимо, по крайнему моему разумѣнію, и я передъ нимъ правъ. Въ отношеніи же послѣдняго я, положа руку на сердце, не могу этого сказать; стало быть я долженъ сколько-нибудь стараться поправить то, что такъ долго было упускаемо. Итакъ, при всемъ моемъ желаніи, я долженъ затаить мое желаніе и, можетъ быть, на долгое еще время лишить себя вашихъ объятій, въ которыя — рады ли вы, не рады ли, а я заочно повергаюсь и отъ души обнимаю васъ. Весь вашъ — все что хотите: и другъ, и слуга, и проч.

Михайло Щепкинъ.

3. Къ С. В. Шумскому.

27 марта 1848 года.

Здравствуйте, мой любезнѣйшій Сергѣй Васильевичъ!
Давно я долженъ вашей милости письмомъ, но вѣдь знаешь, что для меня писать страшная работа. Но рано ли, поздно ли — надо было расквитаться. Но что писать? чѣмъ наполнить письмо? Начну съ того, что успѣхи твои *) по всеобщимъ отзывамъ, которые (ты) заслужилъ отъ публики, меня очень радуютъ, и старое сердце мое веселится полною радостію. Знаю, что труда было много; но что-же достается даромъ и что-жъ бы значило искусство, еслибы оно доставалось

*) На одесской сценѣ.

безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разрабатывай данныя Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ, всегда имѣй въ виду натуру; влазь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни — ты непременно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько-нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно. Помни, что совершенство не дано человѣку; но, занимаясь добросовѣстно, ты будешь къ нему приближаться на столько, на сколько природа дала тебѣ средствъ. Ради Бога, только никогда не думай смѣшить публику: вѣдь и смѣшное и серьезное вытекаетъ все-таки изъ вѣрнаго взгляда на предметъ, и вѣрь мнѣ, что чрезъ два-три года ты увидишь въ своихъ роляхъ разницу; съ каждымъ разомъ роль будетъ выходить круглѣе, естественнѣе. Слѣди неусыпно за собой; пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея — и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ — сколько позволитъ время, изучай человека въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія, и всегда найдешь предшествующую при-

чину, почему случилось такъ, а не иначе: эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ къ несчастію въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ. Потому всматривайся во всѣ слои общества безъ всякаго предубѣжденія къ тому или другому, и увидишь, что вездѣ есть и хорошее и дурное, — и это дастъ возможность при игрѣ каждому обществу отдать свое, то есть: крестьяниномъ ты не будешь умѣть сохранить свѣтскаго приличія при полной радости, а бариномъ во гнѣвѣ не раскричишься и не размахнешься, какъ крестьянинъ. Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни; но помни, чтобъ это было вспомогательнымъ средствомъ, а не главнымъ предметомъ: первое хорошо, когда уже изучено и понято совершенно второе. Ну, я думаю, что я ужъ наскучилъ тебѣ своими совѣтами — тѣмъ болѣе, что часть ихъ тебѣ уже извѣстна; да что за бѣда? и повторить не худо. Я по себѣ знаю: я знаю роль, а все повторяю, и почти каждый разъ не даромъ, что-нибудь да замѣтишь ускользнувшее прежде; а иногда замѣтишь и то, что поумничалъ прежде, а дѣло гораздо простѣе. Итакъ я считаю всю эту болтовню, на которую старики вообще не скупы, и особливо когда дойдетъ до совѣтовъ, не лишнею. Надобно же было чѣмъ-нибудь наполнить письмо; сообщить тебѣ что-нибудь объ здѣшнемъ — ничего интереснаго нѣтъ: все старое, все также пошло плутуемъ, также глупо умничаемъ; все также молодость смотреть на

меня, какъ на отжившаго, а я на нихъ, какъ на недоростковъ, которые довольны шумихой за неимѣніемъ отъ природы золотыхъ рудниковъ, — съ тою только разницею, что я душою желаю имъ дорыться этихъ рудниковъ, а они рады-бъ были, еслибы я съ своей стариной убрался къ чорту. Кто изъ насъ правъ или виноватъ? — разсудить время.

По газетамъ ты уже вѣрно знаешь о смерти Мочалова. Да, Россія лишилась могучаго таланта! Что дѣлать, что онъ, по нашему разумѣнію, неполнѣ удовлетворялъ насъ; но мы уже не услышимъ тѣхъ потрясающихъ душу звуковъ, (не увидимъ) тѣхъ восторженныхъ мгновеній, которыя часто прорывались сквозь его нелѣпыя формы. Правы мы, или нѣтъ, въ своихъ требованіяхъ въ отношеніи къ его таланту — объ этомъ я когда-нибудь потолкую еще съ тобой; а теперь миръ праху его! Прощай, обнимаю тебя отъ души и остаюсь вѣчно твой

Михайло Щепкинъ.

P. S. Съ этимъ письмомъ сбылась пословица: началъ съ здравствуй, а свелъ на упокой.

4. Къ А. И. ШУБЕРТЪ.

(Отъ того-же числа, мѣсяца и года.)

Здравствуйте, моя добрая, моя хорошая рѣзвуха — ахъ, виноватъ: здравствуйте, Александра Ивановна!

До сихъ поръ я не отвѣчалъ на ваше письмо — что дѣлать: старость лѣнива! Въ письмѣ вашемъ были во-

просы, касающіеся до драматическаго искусства, вопросы, которые васъ тяготили отъ незнанія, какъ ихъ разрѣшить. Это васъ огорчало, а меня старика это до слезъ обрадовало. Вѣдь это доказываетъ, что вы уже мыслили и были довольны своимъ мышленіемъ, а на практикѣ выходило не то; но вы мыслили, и вотъ уже шагъ къ разгадкѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ не плачетъ на сценѣ, но поддѣлываясь, такъ сказать, подъ слезы, заставляетъ плакать публику; другой заливается горькими слезами, а публика не сочувствуетъ ему: стало (быть)—изъ этого выходитъ, что истиннаго чувства не нужно для драматическаго искусства, а одно холодное искусство, то есть одно актерство? Можетъ быть, я ошибаюсь, но по моему это не такъ! Какъ бы вамъ высказать яснѣе мою мысль?—Напримѣръ, одному природа дала душу, сочувствующую всему прекрасному, всему доброму; для него дороги интересы человѣческіе, онъ не чужой человѣку—на какой бы ступенькѣ общественной жизни онъ ни находился, онъ чувствуетъ его горе и его радости, онъ горячо все принимаетъ, какъ-бы это касалось до него самого, и потому онъ будетъ плакать и смѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Другой, сосредоточенный въ самомъ себѣ, но болѣе эгоистъ; живя въ обществѣ и встрѣчая на каждомъ шагу и горькое и смѣшное, приметъ участіе и въ томъ и въ другомъ на столько, на сколько онъ связанъ съ лицами въ общественной жизни, или на сколько нужно ему изъяснить своего участія, или на

сколько онъ понимаетъ свое положеніе; онъ пожалѣетъ, на примѣръ, о томъ, кого обокрали на сто тысячъ, и не придетъ ему въ голову, какъ дорого бѣдному потерять послѣдній рубль; онъ пожалѣетъ, что у такого-то барина такой-то увезъ жену, и не поморщится, если ему скажутъ, что баринъ отнялъ жену у своего кучера. Эти люди, разсуждая обо всемъ холодно, имѣютъ возможность, живя въ обществѣ, принимать во всѣхъ участіе разсудкомъ, и чтобы не показаться эгоистомъ — выказываютъ участіе *какъ-бы съ участіемъ*, и какъ они всегда въ спокойномъ состояніи, то лучше владѣютъ собою; слѣдовательно и выражаться будутъ съ отчетливостію. Такъ и на сценѣ: гораздо легче передавать все механическое, для этого нуженъ только разсудокъ, — и онъ постепенно будетъ приближаться и къ горю и къ радости на столько, на сколько подражаніе можетъ приблизиться къ истинѣ. Сочувствующій артистъ — не то; ему предстоитъ невыразимый трудъ: онъ долженъ начать съ того, чтобы уничтожить себя, свою личность, всю свою особенность, и сдѣлаться тѣмъ лицомъ, какое ему далъ авторъ; онъ долженъ ходить, говорить, мыслить, чувствовать, плакать, смѣяться, какъ хочетъ авторъ, — чего выполнить, не уничтоживъ себя, невозможно. Видите, во сколько трудъ послѣдняго многозначительнѣе! тамъ надо только поддѣлаться, здѣсь надо сдѣлаться; отъ этого и выходить, что первой скорѣй озадачить публику, тогда какъ послѣдній и не думалъ надувать ее и дѣйствовалъ добро-

совѣстно, кажется — все сдѣлалъ: понялъ роль, какъ должно, изучилъ всѣ ея мелочи, опредѣлилъ ее во всѣхъ положеніяхъ совершенно, но не уничтожилъ своего я — и вышло все наоборотъ. Такъ напримѣръ, вы играете, положимъ, пейзажку, а засмѣялись и заплакали, какъ Александра Ивановна, и выходитъ не то. Вы можете сказать, что это совершенно невозможно; нѣтъ, это только трудно! Вы скажете: зачѣмъ хлопотать о какомъ-то совершенствѣ, когда есть средство гораздо легче нравиться публикѣ? Тогда уже можно сказать: зачѣмъ-же искусство? Итакъ, моя добрая, изучайте его съ точки науки, а не поддѣлки. Ежели бы вамъ судьба привела видѣть двухъ артистовъ, трудящихся добросовѣстно: одного — холоднаго, умнаго, доведшаго притворство до высочайшей степени, другаго — съ душою пламенной, съ этой божьей искрой, (и) ежели они равнымъ образомъ посвятили себя добросовѣстно искусству; тогда бы вы увидѣли все необъятное разстояніе между истиннымъ чувствомъ и притворствомъ. Я видѣлъ Плесси и Вольнисъ, и скажу что видѣлъ и то и другое. Первая — почти въ цвѣтъ лѣтъ, съ свѣжими звуками, обладаетъ искусствомъ совершенно, хороша, очень хороша! Вторая — почти въ сорокъ лѣтъ, съ пострадавшими звуками, но она чувствуетъ, страшно чувствуетъ, и какъ бѣдна дѣлается Плесси со всѣмъ своимъ искусствомъ! Я отъ Вольнисъ только услышалъ страдательные звуки, но такіе звуки, которые во мнѣ остались на всю жизнь. Нѣтъ, не унывайте, моя до-

брая! трудитесь — безъ труда ничего не дается, больше размышляйте и помните пословицу: худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ. Прочитайте мое письмо Шумскому, а онъ пусть прочтетъ вамъ свое.

Прощайте, обнимаю васъ отъ души; поклонитесь отъ меня (тѣмъ), кто меня помнитъ.

Вашъ вѣчно *Михайло Щепкинъ*.

5) Къ сыну Н. М. Щепкину.

26 августа 1848 года.

О себѣ скажу: здоровъ, но грусть меня одолеваетъ. Занятіе мое по службѣ сдѣлалось мнѣ несносно, даже отвратительно, потому что изъ артиста дѣлаютъ поденщика; репертуаръ преотвратительный — не надъ чѣмъ отдохнуть душою, а вслѣдствіе этого память тупѣетъ, воображеніе стынетъ, звуковъ не достаетъ, языкъ не ворочается. Все это вмѣстѣ разрушаетъ меня, уничтожаетъ меня, — и не видишь ни въ чемъ отрады, не видишь ни одной роли, надъ чѣмъ бы можно было отдохнуть душѣ, что разшевелило бы мою старость. Да, я могу еще вострепнуться; но надо, чтобы это была роль и роль! Безъ этого я черствѣю до гадости и мнѣ совѣстно самага себя, совѣстно выходить передъ публику; а она голубушка также милостива ко мнѣ, не видитъ, что къ ней на сцену выходить не артистъ уже, одаренный вдохновеніемъ, посвятившій всего себя сво-

ему искусству, но поденщикъ, неуклонно выполняющій и зарабатывающій свою задѣльную плату. Нѣтъ, ей все равно! выходитъ туловище, которое носитъ названіе Щепкина, и она въ восторгѣ. Грустно, страшно грустно! Знаешь ли: мнѣ бы легче было, еслибы меня иногда ошिकाи, даже это меня бы порадовало за будущій русской театр; я видѣлъ бы, что публика умнѣетъ, что ей одной фамиліи недостаточно, а нужно дѣло. Да и что за публика теперь посѣщаетъ русской театр! Нѣтъ, воля твоя, это все разливаетъ мою желчь, и я дѣлаюсь съ каждымъ днемъ злѣе, глупѣе, однимъ словомъ — чортъ знаетъ что! и ко всему этому нѣтъ выхода никакого. Вотъ мое настоящее и едва-ли не будущее по части искусства. Фу, какъ я глупъ! я все толкую объ искусствѣ, когда его здѣсь и въ поминѣ нѣтъ; шарлатанство и шарлатанство! Ну, полно объ этомъ; все это такъ гадко, что не стоитъ и словъ...

6. Къ князю А. И. Борятинскому.

Ваше сіятельство,

Милостивый государь,

Князь Александръ Ивановичъ!

Лестное письмо вашего сіятельства я имѣлъ честь получить, и у меня нѣтъ словъ, чтобъ высказать мою благодарность за вниманіе къ старику. Дѣло, поручаемое мнѣ вашимъ сіятельствомъ, такъ близко моему

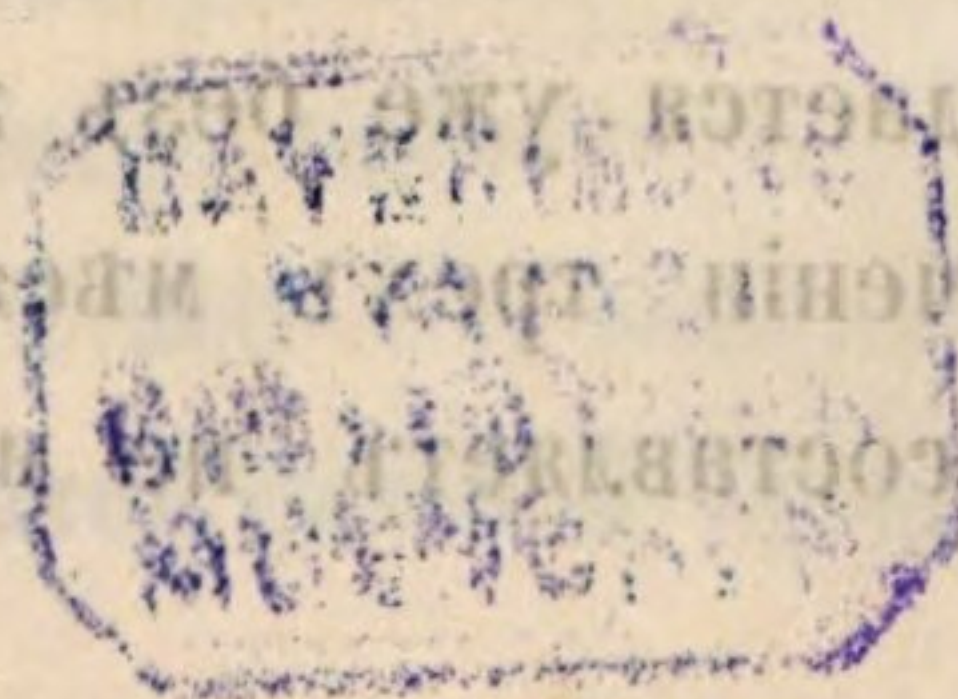
старому сердцу, что я готовъ всею душою содѣйствовать оному, на сколько хватить моихъ средствъ и силъ. Простите, что замедлилъ отвѣтомъ; я ожидалъ г-на Золотарева, который только теперь возвратился изъ Петербурга. Ему я передалъ все, что зналъ. Въ провинціяхъ женщинъ для первыхъ ролей я почти не нахожу; ежели и есть кое-какія съ талантами, то уже уходятъ ихъ года, и притомъ провинціализмъ сильно овладѣлъ ими. Нужно будетъ позаимствоваться изъ театральной школы—изъ оканчивающихъ курсъ. Хотя у нихъ мало практики, но за то онѣ и не испорчены, и при хорошемъ режиссёрѣ и при хорошей постановкѣ онѣ быстро пойдутъ впередъ. И какъ у васъ театръ будетъ казенный, то хорошо бы, еслибъ исходатайствовать, чтобы годы отпуска артистовъ не вычитались изъ службы. Тутъ были бы равныя выгоды: вашъ театръ, черезъ каждые два-три года, имѣлъ появленіе новости, а дирекція Императорскихъ театровъ пріобрѣтала бы актеровъ, уже развитыхъ практикой; да и артисты охотнѣе бы соглашались ѣхать. Надѣюсь, что ваше сіятельство заботитесь на счетъ театра не для одной только забавы; но чтобы—забава забавой, но и развивалось бы искусство, которое такъ полезно для народа. Во всѣ вѣка искусство было всегда впереди массы, а потому, добросовѣстно занявшись онымъ, нечувствительно и масса подвигается впередъ. Повѣрьте, князь, это такъ: я все это видѣлъ на опытѣ. Но къ несчастію, при нашей сильной природѣ, мы не доросли

еще до добросовѣстности труда, и потому за нами нуженъ присмотръ; а то мы какъ разъ съѣдемъ на русское *авось*, а оно въ искусствѣ, кромѣ вреда, ничего не принесетъ. И потому прикажите кому-либо изложить нужныя правила, за нарушеніе которыхъ положить штрафъ, и чтобы уже тутъ не было никому никакого снисхожденія. Я изъ опыта вижу, какъ вредны снисхожденія: все идетъ впередъ, а драматическое искусство назадъ. Конечно, мы сдѣлались смѣлѣе, самонадѣяннѣе; но наше самолюбивое я скоро сравниваетъ насъ съ балаганными фокусниками, и мы уже близки къ тому. Простите, ваше сіятельство, за излишнюю, можетъ быть, болтливость; но это болѣзнь старости. Вы же тронули меня за самую слабую струну. Что-же касается собственно до меня, то, при всемъ моемъ желаніи побывать въ Тифлисѣ, обстоятельства кладутъ такъ много препонъ, что я не вижу средствъ побѣдить оныя: по дальнему разстоянію иначе нельзя ѣхать, какъ на три мѣсяца, т. е. съ первыхъ чиселъ августа мѣсяца, чтобы сентябрь пробить въ Тифлисѣ, а октябрь на возвратный путь. Но начальство такіе отпуска даетъ не иначе, какъ въ видѣ величайшаго одолженія, такъ что мнѣ, по моимъ лѣтамъ, не слѣдуетъ прибѣгать къ подобнымъ просьбамъ, чтобы избѣжать стыда получить иногда отказъ. Потомъ трехмѣсячный отпускъ дается уже безъ жалованья — и потеря онаго въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, съ поспектакльной платой, составляетъ не менѣе 800 р. сер.,

и потомъ, прибавивъ путевыя издержки съ экипажемъ, не менѣе 1000 р. сер., такъ что безъ обеспеченныхъ 2000 р. сер. тронуться съ мѣста, для исполненія своего удовольствія, будетъ неблагоприятно. Я высказалъ это для того только, чтобъ ваше сіятельство не подумали, что я не захотѣлъ по упрямству исполнить вашего желанія.

За симъ съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю пребыть...

Апрѣля 6 дня, 1857 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ, С. Т. Аксакова.	1

ЗАПИСКИ.

I. Первые годы дѣтства.	17
II. Уѣздное училище въ Суджѣ и комедія «Вздорщица»	64
III. Курское губернское училище	84
IV. Первый успѣхъ на губернской сценѣ	102
V. Спасеніе утопающихъ	115
VI. Князь П. В. Мещерскій.	119
VII. Представленіе «Донъ-Жуана» въ Харьковѣ	127
VIII. Прошлые нравы	137
IX. Доброе старое время	147
X. Актриса С—на	152

ПИСЬМА.

1. Къ И. И. Сосницкому	167
2. Къ Н. В. Гоголю.	189
3. Къ С. В. Шумскому.	193
4. Къ А. И. Шуберту	197
5. Къ Н. М. Щепкину	200
6. Къ князю А. И. Борятинскому	202

ОТ АВТОРА

Настоящая книга является результатом многолетних исследований автора в области истории и культуры древнего Востока. В ней собраны материалы, которые не только расширяют наши знания о прошлом, но и служат основой для дальнейших исследований.

1	Введение
64	I. История культуры древнего Востока
84	II. История культуры древнего Востока
102	III. История культуры древнего Востока
112	IV. История культуры древнего Востока
119	V. История культуры древнего Востока
127	VI. История культуры древнего Востока
137	VII. История культуры древнего Востока
147	VIII. История культуры древнего Востока
152	IX. История культуры древнего Востока
152	X. История культуры древнего Востока

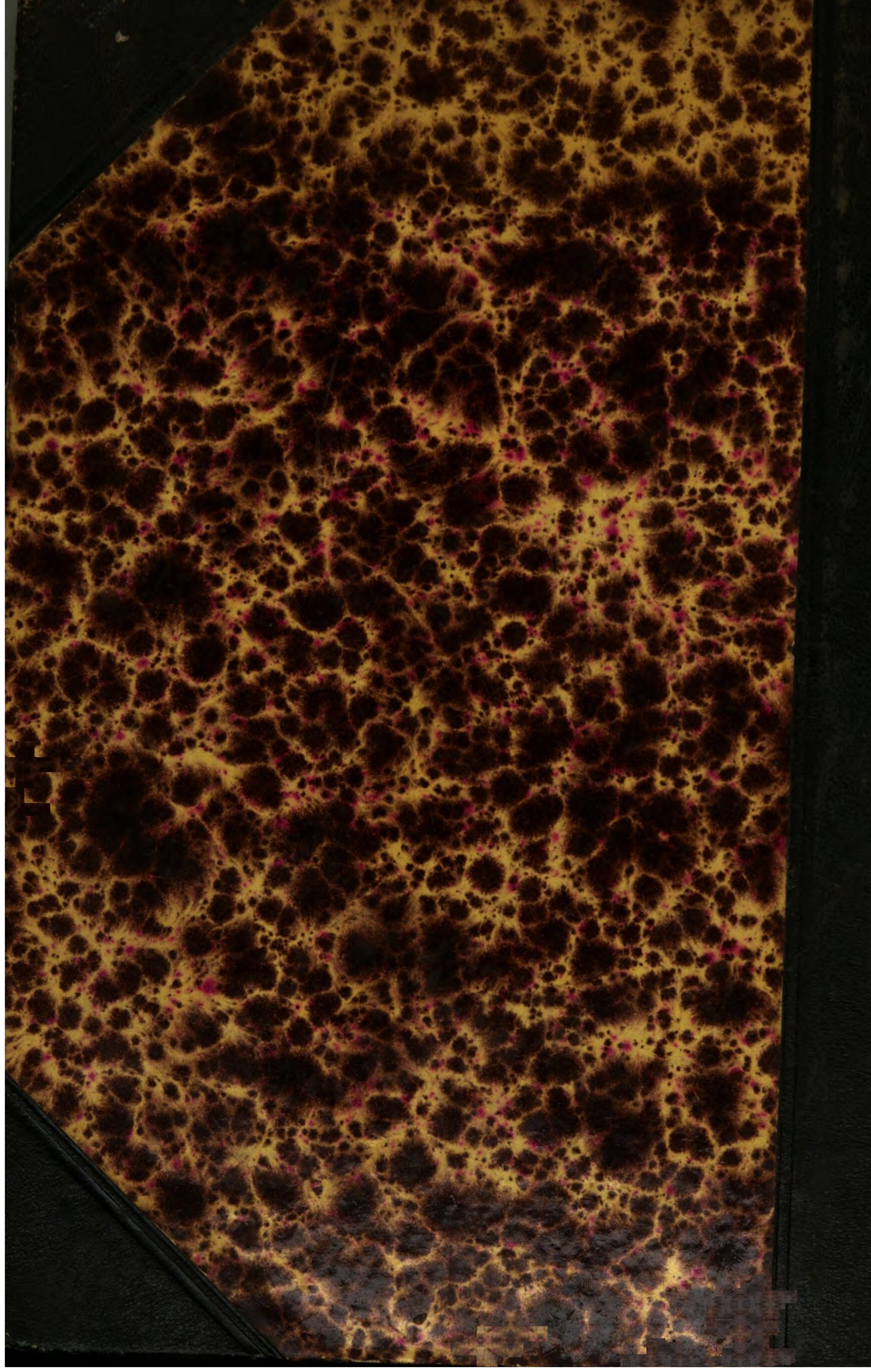
Содержание

187	1. История культуры древнего Востока
188	2. История культуры древнего Востока
193	3. История культуры древнего Востока
197	4. История культуры древнего Востока
200	5. История культуры древнего Востока
203	6. История культуры древнего Востока

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

DAYERISCHE
STAATSBIBLIOTHEK
MÜNCHEN

Государственный
Центральная
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГОБЫЕНИЯ.
П. А. Ж. А. Т. А.

Ščepkin, Michail S.,

Zapiski i pis'ma

Moskva 1864

Biogr. 3082 t

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10068713-6